

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1-2. 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_azi@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

**Журнал выходит один
раз в два месяца. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
09.02.16

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

Трибуна публициста

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Шаткие позиции*
«Оппозиции».....2

ЮБИЛЕИ

85 лет Союзу писателей Чеченской Республики.....4

60 лет Мусе Ахмадову.....6

Муса АХМАДОВ. «После землетрясения». Повесть.....7

Подборка высказываний и поздравлений в адрес
Ахмадова М.М.....24

ПАМЯТЬ

Зайнди КУРДИЕВ. *Холодная зима 44-года*. Очерк.....36

ПРОЗА

Сулиман МУСАЕВ. *Зарема*. Дийцар.....59

Хамзат АЛИЕВ. *К святым местам*. Очерк.....66

ГОЧДАР

Александр КАЗБЕГИ. *Циция*. Повесть. *Чаккхе. Юьхь еша*
№11-12. Чаккхе хир ю. Гочийнарг

МАРГОШВИЛИ Юсуп.....50

Николай РУБЦОВ. *Тихая моя родина*. Стихи.

Гочийнарг АХМАТУКАЕВ Адам.....84

ПОЭЗИЯ

Салидбек ДАКАЕВ. *Кьонахчух дош*. Поэма.....40

Ваха ДОКАЕВ. *В гирляндах праздничных огней*.

Стихи.....43

Лейла КУСАЕВА. *Невзаимная*. Стихи.....57

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Николай ГАЛИБУЗОВ. *Воспитан я излучинами*

Сунжи. Стихи.....47

Салих ГУРТУЕВ. *Кавказ*. Венок сонетов.....63

Ирина КУРТМАЗОВА. *Я придумую завтра...* Стихи.....81

ПУБЛИЦИСТИКА

Вахит ИТАЕВ. *Духовная борьба против*
черной идеологии.....88

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Концепт «дикая груша»*
в чеченском художественном сознании.....91

ПРИРОДА И МЫ

Мохмад-Салах СЕЛЯХОВ. *Живой мир в калейдоскопе*
народных примет.....96

КРАЕВЕДЕНИЕ

Хаваж ЦИНЦАЕВ. *Люди моего села*.....100

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«Архивы – задокументированная память народа...»

Беседу провел Иса ОКАРОВ.....106

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЙДАМИРОВ *Под тенью чинары*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Саламбек АЛИЕВ *Ожившая история*
на полотнах художника.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...112

Эдильбек Хасмагоматов

Шаткие позиции «оппозиции»

Бурная реакция так называемых «либеральных политических деятелей» на заявление Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова, сравнившего некоторых российских оппозиционеров с «врагами народа», лишь на первый взгляд может показаться недоразумением. О серьезности происходящего говорит уже одно то, с какой готовностью политический скандал был подхвачен на Западе.

Причем скандал начали раздувать несмотря на то, что Рамзан Кадыров буквально на следующий день дополнительно разъяснил то, что итак было очевидно из текста его первоначального заявления: под «врагами народа» он понимает внесистемную оппозицию, действия которой выходят за рамки, установленные российским законодательством и объективно идут во вред государственным интересам России. В том же духе высказался и пресс-секретарь Президента Российской Федерации, а сам В.В. Путин буквально через несколько дней назвал Р.А. Кадырова «эффективным руководителем», тем самым публично дав собственную оценку заявлению Главы Чеченской Республики.

Совершенно очевидно, что для публичной дискредитации Рамзана Кадырова на этот раз был использован не слишком удачный предлог. В самом деле, как-то не очень вяжется, когда Главе Чеченской Республики приписывают чуть ли не ненависть к либеральной идеологии и либеральной оппозиции в то время, как существующее Правительство Российской Федерации во всех сферах жизнедеятельности государства проводит в жизнь откровенно либеральную политику и пользуется при этом полной поддержкой президента страны. Сам Рамзан Кадыров не устает повторять, что целиком и полностью поддерживает политический и экономический курс, проводимый нынешним руководством государства. И это не просто слова – вся его деятельность как Главы Чеченской Республики свидетельствует об этом.

Вспомним также, что в Чеченской Республике действуют региональные отделения всех политических партий, представленных в Государственной Думе. В том числе и либерально-демократической партии, лидер которой В.В. Жириновский, мягко говоря, не пользуется симпатиями в Чеченской Республике.

Таким образом, обвинения в адрес Главы Чеченской Республики в том, что он не терпит никакой оппозиционности – выглядят необоснованными. Но в этом случае возникает законный вопрос: почему тогда для «информационной атаки» на Рамзана Кадырова использован столь неэффективный предлог?

В этой связи можно предположить, что информационный вброс, произведенный российской внесистемной оппозицией и близкими к ним СМИ, на самом деле был произведен с целью изучить реакцию российской общественности. Не секрет, что киевский майдан буквально вдохновил российских внесистемных оппозиционеров и они активно готовятся вновь заявить о себе. Это может произойти уже на ближайших выборах в Государственную Думу, а не за горами и президентские выборы. Можно не сомневаться, что и те, и другие будут объявлены ими «недемократическими», а легитимность их итогов поставлена под сомнение. Эта стандартная технология, по которой раскручивались все «цветные революции» на постсоветском пространстве, включая первый и второй майданы.

В этой ситуации внесистемной оппозиции жизненно важно найти уязвимые места нынешней системы власти, способные дискредитировать ее в глазах российского обывателя. Не меньшее значение придается и дискредитации ключевых политических фигур на российском политическом пространстве. Собственно, эта пиар-кампания уже началась – не случайно английский канал

ВВС приступил к розыску «тайного богатства Путина». Мы слышим также и уже вполне стандартный набор обвинений в адрес российской власти: коррупция, непрозрачность принимаемых решений, пренебрежение правами человека и т.д.

Не забудут и про республики Северного Кавказа, якобы «объедающие Россию» и одновременно являющиеся «природными очагами» терроризма, этнической преступности и еще бог знает чего. Особая роль в формировании негативного образа «лица кавказской национальности» традиционно отводится Чеченской Республике. Начиная с 90-х годов и вплоть до начала «нулевых», «чеченская проблема» являлась исключительно эффективным средством политического давления на руководство России.

В этом контексте и следует рассматривать последнюю «информационную атаку» на Рамзана Кадырова – скорее всего, мы имеем дело с попыткой возродить в российском массовом сознании образ «злого чечена», на этот раз неразрывно связав его с Главой Чеченской Республики. Что тоже не случайно – во главе «нехорошей» республики должен стоять «нехороший» руководитель. Добиться же этого можно, только представив в негативном свете все положительное, что ассоциируется с ним. Восстановил Чеченскую Республику? Так ведь исключительно за счет средств, отобранных у других российских регионов или полученных из федерального бюджета по коррупционным схемам. Ликвидировал очаг международного терроризма в Чечне? Значит, нарушает права человека. Предлагает наказывать за политическую деятельность, направленную против интересов государства? Ну как же – подавляет инакомыслие и не дает развиваться политическому плюрализму!

Как видим, политтехнологии, применяемые для раскрутки «цветных революций», достаточно просты. Но при определенных обстоятельствах их бывает достаточно для того, чтобы вызвать в обществе массовое недовольство. Лидерам внесистемной оппозиции представляется, что сегодня в России обстоятельства складываются как нельзя более удачно для них: экономика страны переживает глубокий кризис; заметно обострились социальные проблемы; отношения со странами Запада который год в зоне политической турбулентности, что привело к санкционной войне; вооруженный конфликт на Донбассе и т.д.

Вот только сомнительно, что все это пойдет на пользу внесистемной оппозиции, которая прилепилась на самом краю российского политического пространства. Ее фундаментальная слабость не в том, что она проповедует либеральные идеи – эти идеи достаточно укоренились не только в правящей российской элите, но и среди широких социальных слоев. В конце концов, россияне уже осознали преимущества политических свобод.

Главная слабость внесистемной оппозиции в другом – в глазах подавляющего большинства россиян ее деятельность носит ярко выраженный антипатриотический и антинародный характер, а ее возможный приход к власти вернет страну в «ельцинскую эпоху», представлявшую самую черную полосу в современной истории России.

Лучшее доказательство тому – многотысячный митинг в Грозном. Ошибаются те, кто рассматривает его как полностью инспирированный властями Чеченской Республики.

22 января 2016 года люди пришли на площадь в Грозном, чтобы выразить протест против раскручивания очередного витка политической нестабильности в стране, которую они считают своей.

Юбилей**85 лет Союзу писателей Чеченской Республики**

Рамзан Кадыров поздравил чеченских писателей.

Прошедший 2015 год, как известно, был объявлен Годом литературы в России, но в Чеченской Республике литературный праздник этим не ограничился: региональное писательское сообщество праздновало и 85-летие Союза писателей Чеченской Республики. Торжественное мероприятие, посвященное этому юбилею, а также закрытию Года литературы в Чеченской Республике, прошло 8 декабря ушедшего года в Государственном русском драматическом театре им. М.Ю. Лермонтова.

Событие само по себе имело большое значение не только в литературных кругах, но и для всей творческой общественности региона. Оценкой значимости мероприятия стало присутствие Главы ЧР Рамзана Кадырова, председателя Парламента ЧР Магомеда Даудова, председателя Союза писателей ЧР Канты Ибрагимов. Среди приглашенных также были многочисленные ветераны чеченской литературы, творческая интеллигенция из различных городов России.

Встречу провел Канта Ибрагимов. Он оглашал список гостей, приглашал выступающих на сцену, вспоминал чеченцев, являющихся первопроходцами в чеченской художественной литературе.

Канта Ибрагимов напомнил об Абузаре Айдамирове, Арби и Магомед Мамакаевых, Раисе Ахматовой, Саиде Бадуге и многих других, кто стоял у истоков становления художественного слова среди чеченцев. Он также выразил слова искренней благодарности Главе ЧР Р. Кадырову за всемерную поддержку и помощь в развитии литературного процесса в ЧР.

«В Год литературы указом Главы ЧР был создан оргкомитет, которым в текущем году проведено большое количество тематических мероприятий. Да,

Год литературы закрывается, но в нашем регионе каждый новый год – это Год литературы, Год культуры, искусства, просвещения, науки, образования, потому что каждый день и час нас обязывает работать деятельность Рамзана Кадырова», – сказал писатель.

Далее с поздравительной речью выступил Глава ЧР Р. Кадыров. «Как мы знаем, после объявления текущего года Президентом РФ Годом литературы, наша республика поработала хорошо, прошло множество мероприятий, издано 28 книг, считаю это большим успехом. Мы все должны стараться, трудиться во благо будущего, во благо нашей молодежи. Писатели играют важную роль в формировании характера будущего поколения. Мы видим в первых рядах наших почтенных ветеранов литературы и мы горды тем, что они у нас есть. В ваших работах вы говорите о чести, достоинстве, честности, любви к Родине. Если бы не ваши труды, было бы сложно узнавать все это. Я желаю вам здоровья. Мастера художественного слова чрезвычайно востребованы во все времена», – сказал Глава ЧР Рамзан Кадыров.

Указом Главы ЧР за многолетнюю творческую деятельность, снискавшую признание у широкого круга читателей, орденом А.А. Кадырова и ценным подарком был награжден Канта Ибрагимов. Также ряд членов Союза писателей ЧР награждены медалями, почетными званиями и благодарственными письмами. Хож-Ахмеду Берсанову присвоено звание «Почетный гражданин Чеченской Республики», Адиз Кусаев и Умар Яричев отмечены медалями «За заслуги перед Чеченской Республикой», званием «Народный писатель Чеченской Республики» награждены Эдуард Мамакаев, Абу Исмаилов и Эльбрус Минкайлов. Присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чеченской Республики» Салаудину Магомаеву, «Почетным знаком за трудовое отличие» награжден Султан Маргошвили, Благодарственным письмом Главы ЧР отмечен Абдулла Арсанукаев. Все награжденные были поощрены денежными премиями от Регионального общественного фонда им. А.А. Кадырова

В свою очередь Союз писателей ЧР за огромную и всестороннюю помощь писателям республики наградил Р. Кадырова юбилейной медалью под номером 1 «Академик Петр Захаров».

Далее перед собравшимися выступили гости: представители Союза писателей Ингушетии, Дагестана, Москвы. Они добрыми словами проводили уходящий Год литературы и высказали свое восхищение тем вниманием, которое уделяется руководством региона членам Союза писателей ЧР.

Председатель СП ЧР К. Ибрагимов.

Юбилей**60 лет Мусе Ахмадову**

Известному чеченскому писателю, поэту и драматургу, члену Союза писателей Чечни, заслуженному работнику культуры Чеченской Республики, народному писателю Чеченской Республики, вице-президенту Клуба писателей Кавказа, главному редактору литературно-художественного журнала «Вайнах» Мусе Ахмадову в январе исполнилось 60 лет. Значимость творчества прозаика, драматурга, поэта, ученого-культуролога, журналиста, автора теле- и радиопередач, общественного деятеля для

культуры чеченского народа несомненна. Вклад его трудов в копилку нравственно-духовных ценностей Чечни и Северного Кавказа по достоинству будет оценен потомками, уверены, трепетно отзовется в их сердцах, так как «нерукотворный памятник», воздвигнутый Ахмадовым, переживет современность и будет наглядно свидетельствовать о том, чем и какими ценностями руководствовались чеченцы в XX-XXI вв., что они переживали, что чувствовали, что отрицали, чем жили и на что ориентировались.

Присутствовавший на юбилейном вечере Глава ЧР Рамзан Ахматович Кадыров написал на своей странице в Instagram: «Вечно молодому и всеми любимому народному писателю ЧР, заслуженному работнику культуры ЧР, главному редактору журнала «Вайнах» Мусе Ахмадову – 60 лет! Юбилейный вечер собрал ценителей его таланта со всех уголков Чечни и других регионов. В Русском драмтеатре имени Михаила Лермонтова

звучали самые восторженные слова в адрес юбиляра! Муса Ахмадов – талантливый и очень трудоспособный человек. Он гениально пишет в любом жанре. Поэзия, проза, драматургия... Автор школьных учебников, учебно-методических пособий и программ по чеченскому языку, этике и культуре для школ и вузов. Его книги читают на французском, японском, немецком и балкарском языках. Сегодня актеры театров и филармонии показали сцены из спектаклей по пьесам Мусы Ахмадова. Я поздравил юбиляра, пожелал счастья, здоровья, успехов и вручил ему высшую награду ЧР – орден Кадырова! А президент РОФ имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова – Аймани Несиевна – прислала Мусе Ахмадову подарок, достойный гениального писателя!»

Коллектив журнала «Вайнах» сердечно поздравляет своего главного редактора с юбилеем и желает ему здоровья, дальнейшего вдохновения для своих бесценных произведений.

Предлагаем вниманию читателей повесть Мусы Ахмадова «После землетрясения» и подборку высказываний и поздравлений в его адрес от писателей и литературоведов Кавказа и нашей республики.

После землетрясения

Повесть

Идет густой снег, засыпая крыши домов и сараев, деревья и кусты, изгороди и тропы. Сейчас, в ночи, он полновластный хозяин и распоряжается на земле по своему усмотрению. Но это ненадолго. Стоит выглянуть солнцу, как все изменится: посереют и осядут сугробы, закапает с крыш вода. И постепенно привычная картина, как фотография, проявится во всех мелочах.

Так и в жизни. Прошлое кажется прочно укрытым забвением, но вдруг, словно свет, вспыхнет в темноте, и воспоминание станет рельефным, обретет плоть, обрастет забытыми подробностями и деталями. И ты почувствуешь себя обязанным отчитаться перед прошлым, перед памятью, перед самим собой, перед тем, каким ты был когда-то.

Собственно говоря, Жамбик всегда чувствовал, что это так. Пусть неосознанно. Где-то в глубине души жила уверенность, что он не может, не должен изменить своим принципам, себе – прежнему. Как раз эта подсознательная вера и удерживала его от многих недостойных поступков. И Жамбик – теперь-то он понял это – постепенно успокоился, счел себя непогрешимым. А ведь каждый новый день требует новых усилий от души, а достойное прошлое не является залогом будущей добропорядочности. Теперь он опомнился – на самом краю, на грани. Опомнился и ужаснулся: ничего не осталось в нем от прежнего Жамбика.

Небо кое-где прояснилось. Лунный свет залил окрестности, и одинокая человеческая фигура отчетливо видна у изгороди. Пожилой мужчина вздыхает, смахивает рукой снежинки с непокрытой головы, надевает шапку. Он вглядывается в притихший аул, окруженный лесом. Огонь мерцает лишь в двух-трех домах, в остальных темно – люди спят. Спит и семья Жамбика. Он один бродит в ночи по двору, занесенному снегом, оставляя под окнами цепочку глубоких следов. Он должен многое обдумать, и он все равно не сможет уснуть – покой покинул его душу. Он идет по едва заметной тропе в сад. Все укрыто снегом, но мужчине хорошо знакомо каждое деревце. И, прикоснувшись к веткам, стряхнув снег, он припадает лбом к холодному шершавому стволу, и думает о своем, и бормочет вслух. Деревья – его собеседники – слушают в суровом молчании. А он говорит, говорит:

– Холодно вам? Зима в этом году холодная, а я не нашел времени позаботиться о вас. Давно я не приходил сюда, все мне было немило, ничему я не радовался и разучился, как прежде, обхаживать вас: окапывать, обрезать сухие ветки, летом скашивать траву. Я ослеп в последние годы, не желал видеть людские беды и трудности, не видел и вашего бело-розового цветения. Мне не нужен стал сад, тенистый в жаркую пору, и плоды, налитые соком. И осенью сад не был нужен мне – продутый ветром, с трепещущими листьями и порыжевшей травой. И, наконец, этой зимой, этой долгой ночью – я пришел к вам. Я всегда торопился. Чего хотел от жизни? Куда спешил? Теперь я опомнился...

Мужчина оторвал голову от ствола, попытался обхватить его пальцами.

– Вот видишь, груша. Ты-то времени даром не теряла. А я помню тебя крохотным, хилым саженцем. Для колхозного сада тебя сочли негодным, решили, что ты не сможешь стать сильным, плодоносящим деревом. Я принес тебя домой и посадил. Пришлось, конечно, потрудиться – поливать, окапывать.

Но, видно, чем больше отдаешь любви и терпения, тем больше любишь сам. Так-то, моя груша.

Мужчина оглянулся, уверенно прошел по глубокому снегу, прикоснулся рукой к другому дереву.

– Труженица! Яблонька... Я помню, как ты цвела в первый раз и сколько желто-красных яблок взрастила. Твои ветви опускались до самой земли под тяжестью плодов, и я ставил подпорки, пытаюсь облегчить твою ношу, и все же одна ветвь сломалась.

Снег все шел, и в саду, среди деревьев, смутно чернел силуэт мужчины, но пусто было вокруг, и некому было видеть его, некому было услышать глухое бормотание.

– Здравствуй, айва. Ты так близко стоишь к изгороди, что соседская корова два раза обедала твои ветви. Я думал, что у тебя не хватит сил воспрянуть, но когда увидел зеленые листья – рад был безмерно! У тебя можно поучиться мужеству, айва!

Еще некоторое время мужчина стоит в саду, а затем выходит на улицу. На западе – там, где в речку Аргун спускается горный кряж, – едва различимы в падающем снегу развалины башни. Люди рассказывают, что в незапамятные времена Турпал¹ сложил ее из камней в честь погибшего в бою друга и, уходя из этих мест, говорил, что башне этой стоять, пока живы в людях благородство, честь и любовь, а значит – стоять ей вечно. Груды больших и малых камней – вот и все, что осталось от башни. Жамбик горестно качает головой. Землетрясение поколебало не только башню, но и его, казалось бы, устоявшуюся жизнь. Что осталось от его собственной незапятнанной совести? Горечь подступает к горлу. Жамбик берет с изгороди горсть обжигающе-холодного снега. Вкус талой снежной воды уводит его к горьким воспоминаниям, и другая ночь приходит на память, в который раз расстилая перед ним покрытое грязным снегом, изрытое воронками поле, пунктирные огоньки трассирующих пуль над ним. Да, именно в тот день он выиграл свой главный бой – с самим собой. Вновь в ушах Жамбика звучит артиллерийская канонада. Все его существо стремится вжаться в спасительную землю, сравняться с ней, выжить.

«Что, тебе больше всех надо? – будто слышит Жамбик назойливый голос. – Куда ты рвешься? Зачем строить на вершине башню, зачем тащить в гору огромные камни для нее?! Ведь так легко оступиться и свалиться в пропасть. Лучше ходить по равнине; хватит тебе и тола² чтобы выжить. Не глупи, не лезь под пули – другой жизни у тебя не будет». Но там, вдалеке, где рвутся снаряды, лежит его друг, тот, с которым вместе играли в детстве. Может быть, он убит, а может, только ранен. И другое чувство, сильнее страха смерти, поднимает Жамбика с земли и заставляет бежать, а затем ползти бесконечно долго, пока он наконец не находит Жанарали, не выносит его на себе. От нечеловеческого напряжения нервов и мускулов постоянно пересыхает горло, и во время взрывов он припадает к земле и хватается ртом тающий грязный снег.

Много позже Жамбик осознал, что той самой ночью, когда раненого Жанарали увезли в медсанбат, он заложил краеугольный камень своей собственной башни. Преодолев себя перед лицом смертельной опасности, он почувствовал уверенность в душе. Но уже тогда понял, что легкой жизни ему ждать нечего.

«Да, тогда я еще мог услышать голос своего сердца, а теперь? Я и сам не заметил, как стал глухим. Мое сердце молчит, у него уже нет сил докричаться до него, глухого...»

Жамбик потоптался на месте. Ноги зябли, в лицо летел снег, слепя глаза, но он не уходил домой.

Протекли другие военные дни и ночи, хотя порой казалось, что они не имеют конца. Каждое малое дело, каждый пережитый час приближали к победе. И никто бы не мог упрекнуть Жамбика – воевал он достойно. Весь аул знал – трусом Жамбик никогда не был.

Раны у Жанарали зажили, но ему не суждено было вернуться в аул – за три дня до конца войны он погиб. И все, что осталось у Жамбика на память о друге,

о той ночи, о краеугольном камне – пожелтевший листок письма, которое Жанарали написал из госпиталя.

Башня чести Жамбика поднималась все выше и когда он вернулся в аул. Старики здоровались с ним, почтительно глядя на награды, добрая молва о нем прочно поселилась в ауле. Он был молод, хотел работать, строить, жить в полную силу. Вскоре его выбрали председателем сельсовета, и он с головой окунулся в проблемы и трудности послевоенного, разоренного хозяйства. Но за крупными делами – строительством моста через речку или ремонтом дороги – Жамбик никогда не забывал о другом – подвезти старикам сено или дрова на дом, расспросить о здоровье, подбодрить теплым словом.

Но шло время, Жамбик и сам не заметил, как забыл о своей башне, как стали привычными похвалы и льстивые слова...

И вот уже он охотно принимал приглашения выпить и закусить после трудов праведных. Провозглашались задравные тосты, вино лилось рекой, столы ломились от зелени и мяса. Раздобревший, он все позже возвращался вечерами домой и уже не кивал без разбору каждому встречному-поперечному. Впереди себя он нес свое непробиваемое достоинство. В правлении видел только преданные – льстивые или робкие – просящие глаза и лишь изредка натыкался на другие взгляды – презрительные, осуждающие. Но постепенно у этого немного осуждения прорезался голос – сначала неясный слушок за спиной, а потом – молва, прокатывшаяся по всему аулу: «Заплыл жиром Жамбик – катается как сыр в масле». Когда он услышал это впервые? Кто сказал ему эти слова? Может быть, кто-то из прихлебателей донес, а может, старая Зезаг крикнула их ему прямо в лицо? Жамбик мучительно старался вспомнить, но, видно, память тоже заплывает жиром и хранит только то, что ей приятно, а то, что тревожит, – забывается моментально. Прочно он увяз – ни рукой, ни ногой не двинуть, глаза пелена застлала. Неужели нужно было землетрясение, чтобы он очнулся? Жамбик провел рукой по глазам, словно отгоняя тяжкие видения.

В тот самый день неподвижный аул спал так же глубоко, и, казалось, ничто не может нарушить его спокойствия. Не предвещал несчастья долгий летний день и наступивший вслед за ним тягостно-душный вечер. Истома висела в воздухе. Аул был полон обычных вечерних звуков. Еще мычали отбившиеся от стада коровы, но уже во многих дворах звонкие белые струи молока ударили о дно ведер. Доносились крики играющих детей, но вот матери позвали их ужинать, и постепенно шум стих, смолк говор. Недолго горели огни в домах, вскоре темная летняя ночь плотно окутала аул. Чернел ствол могучего столетнего дуба посреди утоптанной площади, едва слышно шелестела листва. Несколько часов длилась тишина.

Но вдруг в природе что-то оборвалось, и в тот же миг ожила и страшно задрожала земля, в глухой, нарастающий шум сорванных с места камней и гигантских осыпей ворвались пронзительные женские крики, застывшие на высокой ноте, отчаянный лай собак, тревожное мычание коров. Земля-твердыня уходила из-под ног. Содрогался столетний чинар посреди аула, мощные ветви его склонялись до самой земли, словно стыдясь своего бессилия перед стихией.

«Старый чинар, наш защитник, под твоими ветвями не страшен был и холод, за твоим необхватным стволом не страшен был и ветер... Сколько бурь обходило тебя стороной?! Что можем мы противопоставить силе, терзающей тебя?! Как перенести этот леденящий ужас, это бессилие изменить что-то?!»

Босые, полураздетые люди с маленькими детьми на руках бежали сюда, на площадь. Слышался звон разбитых стекол, треск ломающихся досок, крики и плач детей.

Жамбик, стоя среди людей, словно заново увидел их – тех, с кем долгие годы жил рядом, увидел, как все одинаково беззащитны перед грозной силой, сотрясающей основы основ. Всем, как детям, нужно утешение и помощь.

Мгновенное чувство единения, родства с этими людьми, жалости пронзило его.

«Люди, люди... Что сделать мне, чтобы успокоить вас, спасти от беды?! Как помочь вам?!»

В тот самый момент, когда все грохотало и сотрясалось вокруг, словно шоры спали с глаз Жамбика. Отяжелевший, седеющий мужчина внезапно ощутил себя тем маленьким, тщедушным ребенком, которым был когда-то. Руки и ноги как хворостинки; одна болезнь приходит за другой. Его лечили старинным способом: когда разделявали тушу коровы, посадили во вспоротый живот. Тогда верили, что, стоит ребенку уснуть там, все хвори как рукой снимет. А он, маленький, не понимал, в чем дело, орал в голос, сопротивляясь рукам взрослых. И постепенно успокоился, уснул в теплом, склизком животном нутре. А теперь люди говорят про него: «Живет как почка в жиру...»

Жамбик, стоящий на заснеженной улице, пожимает плечами, оглядывает свою дородную фигуру, словно удивляясь происшедшим с ним переменам, с трудом вспоминая себя слабым, тщедушным мальчиком.

После землетрясения минул месяц, жизнь вошла в прежнюю колею. Забылись тревога и боль тех страшных минут... Текучка, повседневные дела и заботы не оставляли времени на раздумья. И то чувство, которое обожгло Жамбика в страшный миг землетрясения, когда он словно после долгого сна взглянул вокруг открывшимися глазами, – это чувство как-то стерлось, померкло, растворилось в обыденности. И все же больше ему не пришлось жить по-прежнему.

Он проснулся в то утро рано с каким-то смутным беспокойством в душе. Должно быть, оттого, что разбудили его крики журавлей, летевших над аулом. Он напряженно прислушался, и горькое, щемящее воспоминание ожило в его памяти. Много лет назад так же летели над крышами журавли, и вместе с ними покидали родные места вчерашние мальчишки, ставшие солдатами, курилась пыль на дороге, и вослед им плакали женщины.

Жамбик отогнал печальные мысли, сел. Диван жалобно закрипел под тяжестью его грузного тела. Он нашарил ногами тапочки, прошел в кухню. Рассеянно умылся и так же, словно глядя внутрь себя, оделся. И, только надев пиджак, вспомнил, что не побрился. Он наклонился к зеркалу, провел рукой по обозначившейся щетине и сказал вслух: «Ну ладно, сегодня можно обойтись».

Раннее утро было по-осеннему прохладным и ветреным. Рваные белые облака неслись по небу. Трава у обочин выцвела, кое-где пожелтела. Леса вокруг аула пламенели.

Отперев дверь, он вошел в сельсовет. Как всегда, было чисто, вымытые окна блестели. Жамбик постоял на пороге своего кабинета, словно раздумывая – войти или нет. Прошел к окну, побарабанил пальцами по подоконнику. «Орехи в лесу, должно быть, уже спели». Наконец, он сел за стол, достал папку с бумагами. Но работать не смог. Долгий час провел в тишине и одиночестве, подперев голову руками. В соседней комнате зазвучали голоса.

– Ну так вот, с одной стороны, конечно, это несчастье, – Жамбик узнал голос Маккала – председателя комиссии по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения, – а с другой – не так плохо для умных людей...

Ему ответил Махма – бухгалтер сельсовета:

– Я совершенно с тобой согласен.

Жамбик отчетливо представил себе лицо бухгалтера с выразительной ухмылкой. Он продолжал прислушиваться.

– О чем это вы тут толкуете? – послышался голос старухи Зезаг.

– Ты, Зезаг, вряд ли это поймешь. Ты безнадежно отстала от времени.

– Постыдись, Маккал, хотя бы моих седых волос, я раньше тебя начала ходить по этой земле.

– Нет, Зезаг... Тут дело не в том, кто сколько прожил. Некоторые и за тысячу лет так и не научатся жить. Я вот, например, во всем стараюсь находить хорошие стороны, – Маккал явно входил во вкус, но старуха перебила его:

– И что хорошего ты отыскал в землетрясении?

Маккал замялся, но его выручил Махма:

– А вот, бабушка, например, Беччарка с окраины аула и Берса, который живет за речкой, испокон веков враждовали между собой, а в ту самую ночь, видно, от страха, – Жамбик услышал усмешку в голосе Махмы, – помирились. Что же это – плохо, по-твоему?

Зезаг должно быть, растерялась, и ответ ее прозвучал как-то неуверенно:

– Нет, это хорошо.

– Вот об этом Маккал и говорит. Старики действительно безнадежно отстали от времени, на это нечего обижаться. Нужно смотреть правде в глаза. Вот признайся, Зезаг, ты ведь сама ходила по аулу и рассказывала эту глупую сказку, будто землю держит на рогах бык, а когда он качает головой, бывают землетрясения, – Махма постучал счетами. – Ну кто же этому поверит? Сейчас каждый школьник знает, почему происходят землетрясения.

– Так объясни и мне.

– А все потому, бабушка, – начал Маккал, – что в глубине земли смещается магма...

Старуха уже не могла отличить насмешку от правды и подозрительно переспросила:

– Кто смещается? Махма?

– Ха-ха! Махма! Что с тобой говорить, Зезаг... Распишись лучше вот здесь и получай свои деньги: двадцать семь рублей десять копеек.

– А что это за деньги?

– Государство тебе выделило помощь после землетрясения. Расписывайся в этой графе и скажи, пожалуйста, ты сама-то хоть верила своим рассказам? – голос Махмы звучал почти ласково.

Старуха не спешит отвечать, видимо, расписывается, с трудом удерживая ручку в заскорузлых пальцах. А потом говорит:

– Я слышала это от своей бабушки и ничего не убавила и не прибавила от себя. Какая мне разница, на чем держится земля? Лишь бы держалась. А вы вот выучились и все знаете, так и не позволяли бы этому Махме смещаться.

– Да, бабушка, – это опять Маккал, – ты бы поразмыслила немного, прежде чем говорить. А что, если твоему быку порезвиться захочется? Побегать по травке? Что случится с нашей бедной землей?

Но миролюбиво настроенный Махма не хочет ссоры и успокаивает старуху:

– Не обижайся, бабушка, такие уж у него шутки.

Память прокручивала разговор, как магнитофонную ленту. Жамбик отчетливо помнил каждое слово. Но вспоминать дальше становилось невыносимо. И снова, ища защиты и понимания, он обратился к заснеженным деревьям, словно был уже не в силах удержать в себе то, что копилось так долго. И слова, выплескиваясь, облегчали душу...

– Видишь, яблоня, снежинки кажутся такими легкими и воздушными, но их – множество, и они все летят и летят. Они укрыли тебя плотной снежной шапкой и ветви твои сломают, если не стряхнуть вовремя.

Жамбик трясет яблоню, снег летит с веток. И он, весь запорошенный, отряхивает шапку и тулуп.

– Вот и мне было сначала легко, приятно, а потом я почувствовал тяжесть, от которой трудно освободиться.

По сугробам Жамбик пробирается к другим деревьям, стряхивает с них снег и бормочет:

– Груша моя! Айва! Сейчас я освобожу вас. Как же вы до сих пор стояли? А я сам? Как жил все эти годы? Мой груз не стряхнуть так просто. Трудно мне, деревья мои!

Съжившись от холода, Жамбик вновь погружается в свои мысли.

В соседней комнате некоторое время царило молчание, которое прервал голос Махмы:

– Что же ты молчишь, секретарша?

– Она не может говорить, Махма. Она моя сноха. Мой племянник женился на ней две недели назад. Так что, она обычай соблюдает – молчит в присутствии родственника. Уважает.

– Ну, довольно ей молчать. Сейчас мы ее быстро разговорим.

Жамбик догадался, что все утро там, в комнате, тихо сидела Заза. Он вспомнил, что недавно Маккал просил за нее. Вот, значит, почему: она его родственница. Эту девушку Жамбик знал и раньше. Недалеко от его дома стоял дом вдовы Хавы. Судьба забрала у нее мужа, но оставила сына. Лет пятнадцать назад, когда Жамбик чувствовал себя еще достаточно молодым и бодрым и улыбался гораздо чаще, чем теперь, куда бы он ни шел – в колхозный сад, в правление, к реке, где строился новый мост, – его нередко сопровождала ватага мальчишек. Так повелось еще с послевоенного времени, когда дети бегали за ним, глядя на его награды и, должно быть, представляя себе своих отцов такими же героями. Одни ребятишки подрастали, их сменяли другие, и Жамбик всегда находил время расспросить ребят про их дела. Нередко он видел возле себя сына Хавы, его пытливые, смысленные глаза. Жамбик и сам заходил иногда по-соседски к Хаве сделать какую-нибудь мужскую работу: поправить изгородь, спилить сухие ветви в саду – да мало ли забот в хозяйстве. Потом Жамбик возвращался домой, и мальчик провожал его. В один из таких вечеров, глядя на четкий, в закатном солнце, силуэт башни, Жамбик вспомнил легенду: «И до тех пор будет стоять она на земле, пока живы в людях благородство, честь и любовь. Значит, стоять ей вечно...» – так заканчивалась эта легенда. А люди, видя их вместе, говорили: «Второй Жамбик растет». Шло время, мальчик вырос. Несколько раз Жамбик заставал во дворе Зазу и юношу, замечал их смущение и поэтому не был удивлен, когда общая молва связала имена Зазы и сына Хавы.

Но что же произошло, если вдруг Заза вышла замуж за племянника Маккала? Жамбик вздохнул. Он давно уже не интересовался семейством Хавы, не заглядывал в ее двор. Да никто уже и не просит помощи Жамбика, а он ее никому не предлагает. И ребятишки тоже давным-давно не бегают за ним следом. Его размышления прервал голос старухи Зезаг:

– Эй ты, обогнавший время, – обратилась она к Махме, – ты почему мне так мало денег выписал?

– А ты мне что – в долг давала? – возмутился тот.

– Да как же? Вот соседу Сулейману выдали шестьдесят рублей...

– Остальные, бабуся, тебе твой бык пришлет!

И вдруг впервые в этот день прозвучал юный голос:

– Как шестьдесят? Но в ведомости выписано сто двадцать рублей.

– Во-первых, Заза, с какой стати ты заговорила при мне? А во-вторых, нечего объявлять при посторонних, что там у нас в ведомости написано. Это служебный документ, – Маккал говорил почти угрожающе.

– А, так, наверное, шестьдесят рублей ему выдали, а шестьдесят между собой разделили.

– Потихише, бабушка! С тобой по-хорошему, а ты разошлась – честных людей очернить хочешь. Любительница сказок! И вообще – это дело комиссии, – однако уверенности в голосе Маккала явно поубавилось.

– Дело комиссии? Отлично! – вмешалась Заза. – Я как раз вхожу в комиссию – давайте разбираться конкретно. По какому принципу выписывались деньги? Вот Адамову Адлану – сто пятьдесят рублей, а Масаевой Бикату – сорок.

Причем всем известно, что дом Бикату совершенно покосился, а дом Адлана целехонек. Что вы на это скажете?

– А скажу, что ты, девушка, чересчур приткая! – слышно было, как хлопнула входная дверь, и Маккал обратился к вошедшей женщине: – А вот как раз и матушка твоя пожаловала. Кебийрат, по обычаю твоя дочь обязана сидеть, не раскрывая рта в моем присутствии, а она его не закрывает! То ей – не так, это ей – не этак.

– Маккал, не обижайся на нее. Она ведь в школе училась, а жизни не знает, ума еще не накопила – молодая.

– Молодая да ранняя, – буркнул Маккал, – что там говорить о ее болтовне? Она вот меня – дядю своего мужа – собирается на отдых отправить.

– На какой отдых?

– На принудительный. Под конвоем.

– Вай! Да неужели моя дочь осмелится против родственников идти? Что ты задумала, Заза? Видно, ты ума лишилась!

– Нет, нана! Как раз теперь я и начинаю кое-что понимать.

– Замолчи! Язык у тебя без костей. Виданное ли ты дело затеяла?

– Ну вот, – голос Махмы стал удовлетворенным, – я смотрю, тут все решится тихо, без скандала, по-семейному. Иди, Кебийрат, возьми деньги и распишись.

– Нана, не прикасайся к деньгам. Сначала я съезжу в район и разберусь в этой истории.

– Да что она такое говорит? – вспыхнул Маккал. – Вот благодарность за то, что я ее пристроил на это место.

– Меня, между прочим, в комиссию люди выбрали.

– «Люди». Ха-ха. Расскажи это кому-нибудь другому, а еще лучше спроси у своей матери, какие тебя люди выбирали. А по начальству ходил я, обивал пороги, просил за тебя.

– Значит, вы для себя старались. Думали – я тут просижу молча, закрою глаза на все это беззаконие. А кроме того – я не просила за меня хлопотать.

– Ты-то не просила, зато твоя матушка...

– Послушай, Маккал, – не выдержала Кебийрат, – ты ведь не бесплатно услужил, а теперь – нечего языком трепать где попало.

Стоящий на снегу Жамбик чувствует, как кровь приливает к лицу и щеки начинают пламенеть. Эти люди даже не пытались скрывать от него свои дела, они были уверены, что Жамбик – на их стороне. А разве не так? На всевозможные застолья и приемы почетных гостей нужны деньги. Не из своего же кармана их выкладывать. Но, видно, лъстивые речи превратили Жамбика в послушного ягненка, в неразумного младенца, и он просто боялся взглянуть правде в глаза. А вот Заза не испугалась. И прямо, не взвешивая «за» и «против», в глаза сказала, что думает. Жамбик помнил, как Маккал просил за нее, дескать, Кебийрат едва сводит концы с концами, а девушка вполне достойная. Да и район советовал включить в комиссию хотя бы одну женщину. А девушка действительно оказалась достойная, преподала тебе, Жамбик, наглядный урок. А Маккал просчитался, не ожидал, что Заза – девушка с характером и молчать не будет. Они бы с Махмой обделали денежное дельце, и все было бы шито-крыто, ведь он – Жамбик – давно перестал быть им помехой... и остановил их не он, а Заза.

Долгая зимняя ночь все длится. Снег почти перестал, стих ветер, и ничто не мешает Жамбику вновь мысленно возвратиться в тот день.

Он то порывался встать, выйти в соседнюю комнату, то вновь прислушивался к разговору, поглощенный происходящим. Скандал становился явным, его уже невозможно было скрыть, он втягивал в себя новых людей, высвечивая порой их далеко не лучшие качества.

Вот в правление вошел Докка. Всегда энергичный, он и в преклонном возрасте полон сил и здоровья.

– Добрым людям – поклон! О чем вы тут толкуете так горячо?

– А, Докка. Заходи, заходи. Ты как раз кстати. Ты – человек уважаемый,

знаешь все обычаи. Послушай только, какие неподобающие речи говорит дочь Кебийрат. Обвиняет меня и Маккала в нечестности. Скажи, куда это годится?

– Заза, это правда? Посмотри-ка, бесстыжая, даже глаз не опускает. Ну, мы ее быстро образуем. А я зашел – тут вроде мне какие-то денежки полагаются.

Слышится шелест бумаг, и Махма говорит:

– И денежки имеются. Подходи, расписывайся.

– Что это здесь? Всего пятьдесят рублей? – благодушное настроение Докки моментально исчезло. – А моему соседу сто пятьдесят выдали. Чего ты глядишь на меня, Махма? И не стыдно? Видно, девушка права. Надо, надо, Заза, все получше проверить. А я свои деньги из вас вытрясу, я на вас управу найду. Грабеж среди бела дня, – и, стукнув кулаком по столу, Докка вышел из комнаты.

Маккал вздохнул.

– Они все умом тронулись, Махма.

– Видно, произошло не только землетрясение, но и головотрясение у некоторых.

Жамбик в своем кабинете смотрел прямо перед собой невидящим взглядом. Эх, Докка, Докка! Не только молодость ушла от нас. Каждый день ходил Жамбик мимо подворья Докки и прекрасно знал, что ни дом, ни другие постройки не пострадали. Как же так, Докка? Чтобы получить побольше денег, ты готов утврждать, что дом твой рушится? Тычешь пальцем на соседский дом и кричишь, словно правда на твоей стороне? Продаешь свою совесть? И ты забыл, каким был когда-то, Докка? Забыл молодость, удаль, лихость? Забыл, что не покупалась честь твоя за деньги? А помнишь, перед войной, зимой, ты шел по лесу? Мороз был крепкий, даже деревья трещали. А у тебя на голове была серая каракулевая папаха. Отличная папаха, в которой ты красовался перед девушками. И вдруг прямо из кустов высунулось дуло винтовки и коснулось твоей груди, и в спину твою тоже уткнулась винтовка. В то время много бродило по лесам всяких людей с оружием, которые называли себя абреками.

– Папаху или голову, – сказали тебе. Но ты не сплеховал.

– А мне и папаха, и голова одинаково дороги, и, думаю, ни того, ни другого вы не получите, – ответил ты и кинулся со всего размаха в глубокий, занесенный снегом овраг. Вслед тебе просвистели пули, и, судя по крикам, ты, отстреливаясь, тоже кого-то ранил.

Так и вернулся в тот раз ты, Докка, домой победителем. Куда же девалось то, что было прежде? Видно, время унесло не только нашу молодость, и седина не прибавляет нам почета. Нам с тобой есть о чем подумать, Докка, такими вот бесконечными зимними ночами. Мне, во всяком случае, это необходимо, чтобы как-то жить дальше, преодолеть зиму – встретить весну, дожждаться цветения садов, обновления природы.

Взгляд Жамбика снова скользит по деревьям. И вдруг он, словно что-то вспомнив, поспешно направляется к яблоне и начинает подгребать снег к стволу. Потом старательно утаптывает его, приговаривая при этом:

– Теперь никакой мороз не страшен твоим корням, яблоня. – И он переходит от дерева к дереву, нагребая сугробы и утаптывая их, пытаясь отвлечься, заслониться от того навязчивого, что преследует его душу.

Между тем, скандал в соседней комнате разгорался, а Жамбик не имел мужества выйти туда и сидел, пряча горящее лицо в ладонях.

– Ты, Кебийрат, уйми свою девчонку. Ты думаешь, со мной можно так просто справиться? Не на того напали. На мою защиту все родные встанут. А твоя Заза не задержится в доме моего двоюродного брата.

– Послушай, не Маккал⁴, а ворон, придержи язык! В чем ты можешь упрекнуть дочь Лом-Али, сына Арснаки? Да твой племянник должен быть благодарен, что она согласилась за него замуж выйти.

– Смотри – очастливила! А ведь всем известно, что твоя дочь таскалась всюду с сыном Хавы.

– Не смей говорить плохо о моей дочери, Маккал! Она всегда вела себя достойно. Ты лучше вспомни свою племянницу, которую ты продал дезертиру Даме. Хоть и прошло время, но люди этого не забыли. А тебе, дочка, – она обратилась к Зазе, – нужно одуматься.

Молчавшая до сих пор Зезаг не выдержала:

– Что ты говоришь, Кебийрат? Вовсе не ей нужно одуматься, а этим вот – не имеющим стыда. А дочь моей сестры оставьте в покое хоть сейчас... Бедная девочка не вынесла позора, бросилась с обрыва... Был бы у нее брат, он бы не дал ее в обиду, да и ты, Маккал, не ходил бы сейчас с поднятой головой...

– Она не из-за этого прыгнула с обрыва, ей просто жить надоело... – оборвал старуху Маккал.

– Как солнце светит над тобой? Как носит тебя земля, как трава вырастает там, где ступала твоя нога?.. Люди, я знаю теперь, почему бывают землетрясения. Потому что такие ходят по этой земле...

– Знаешь что, Зезаг, – Кебийрат уже не сдерживала гнева, – не лезь не в свое дело. Нечего нам распри между родными заводить, а Зазе нужно и мужа, и родственников мужа почитать. Я с ней сама управлюсь – нечего тут советы давать.

– А ты, Кебийрат, видно, боишься правды. Значит, и тебе есть что скрывать. Чего от тебя требовать? Ты во всем свою выгоду ищешь! Недаром ты и года не стала ждать мужа с войны, выскочила за первого встречного...

– Я не жалею, что вышла замуж. Мне раскаиваться не в чем. Я теперь не одна, у меня – семья, дети. А ты даже ребенка не родила, живешь, как колдунья. Завидуешь чужому счастью да еще других попрекаешь. Жди, жди! Вернется твой муж через столько-то лет!

В голосе Зезаг зазвучали слезы:

– Пусть я колдунья, дура одинокая. Я от времени отстала... А я и не хочу поспевать за ним, за вами всеми, не хочу быть такой, как вы. Потому что честь моя мне дороже всего. И никто не скажет, что дочь Абдуллы Зезаг не сохранила своей чести, что она была неверна, не сдержала своего слова, соврала... Никто не скажет!

Вот и ты, Зезаг, преподала мне урок мужества. Твоя жизнь всем может служить примером. Ты никогда не требовала от судьбы больше, чем она давала тебе. И одиночество свое, и верность погибшему мужу ты несла достойно. А это тяжелая ноша. В тот день из правления ты, Зезаг, ушла в слезах. И, должно быть, плакала долго, сидя на краю грубого паднара, в невыносимой тоске. И плач твой был безутешен. А люди, походя оскорбившие тебя, просто выместили на тебе свои неудачи, озлобление. И что им за дело до того, что они разбередили твою незаживающую рану, что боль и обида мучают старую Зезаг в пустом холодном доме...

Жамбик задумался. Что принесла эта глухая, долгая ночь Зезаг? Коротает ли она время, глядя в темное окно, не в силах уснуть из-за скорбных, гложущих душу мыслей? Или в скупом сне видятся немногие солнечные дни, выпавшие в ее жизни? Все эти годы не гаснет свет в ее дворе, разгоняя по ночам густую черноту... Зачем? Какого путника поджидает Зезаг? Для того, кто идет к ней столько лет, приветно горит огонь, чтобы знал – его ждут.

– Заза, извини, что мы сразу не предупредили тебя, но мы думали, ты современная девушка и сама все поймешь, – начал Махма, – разумеется, часть денег причитается тебе.

– Дело вовсе не в деньгах. Мне они ни к чему.

– Ни к чему? Впервые вижу человека, которому помешали бы деньги. А впрочем, нет – вот старуха Зезаг, ей они тоже ни к чему. А, Заза? Но ей ведь ни к чему и бельгийское пальто, и фирменные тряпки, и японская аппаратура. А ты-то красивая девушка. Ты, наверняка, хочешь хорошо одеваться и вообще хорошо жить. На копейки существовать невозможно. Да и зачем, когда деньги сами плывут в руки? Тебе даже не нужно прикладывать никаких усилий, мы

сами обо всем позаботились. Тебе нужно просто промолчать, в крайнем случае сделаешь вид, что ничего не знала – и только. Чего проще? И знаешь, после всех этих передряг, нервотрепки – махнем к морю. Скинемся и поедем, а? Ты ведь еще там не была? Ну вот: волны плещут, солнце светит. Отдохнем. И вообще, это только в книгах положительному герою – почет и уважение за то, что он всю жизнь стоит у станка или гнет спину на колхозном поле. Нет, Заза. Только тот, у кого деньги, – хозяин жизни, только он может разнообразить ее, позволить себе удовольствия. И я, между прочим, из этих людей. Если жизнь дает – я беру. Я вовсе не хочу прозябать на зарплату, как большинство. И вот теперь ты – девчонка – становишься поперек дороги. Ты думаешь, тебе медаль дадут за длинный язык? Да на тебя все пальцами показывать будут: «Доносчица, родных упекла». Тебе жизни в ауле не будет. И что за судьба у меня? Постоянно мне вставляют палки в колеса. Я бы уже давно был главным бухгалтером в каком-нибудь крупном хозяйстве, деньгами бы ворочал, если бы из-за никчемных принципов такого же вот соплика-практиканта не отправился лес рубить на пару лет. Все пошло прахом. И вот теперь – опять...

Слышно, как Махма ходит из угла в угол. В разговор вступает Маккал:

– Послушай, Заза, мы ведь не безродные с тобой, вспомни, что наши предки были связаны кровным родством.

– Оставь ее, Маккал Даудович, – Махма пытается разыграть равнодушие, – ты видишь: она уперлась и уговоры бесполезны. Пусть едет, прокатится. От чьего имени она будет говорить? Кого защищать? Старуху Зезаг? Эту мракобеску, которая даже не произвела на свет ребенка, не принесла обществу никакой пользы, а теперь ходит и болтает небылицы, что мир стоит на быке? И считает себя при этом мудрой...

– Нет, я должен ей сказать, – перебивает Маккал, – ты, Заза, не представляешь, как были близки наши предки. Твой дед Арснака и мой отец Дауд были красными партизанами, дрались в Чахкари с денкикинцами, вместе проливали кровь. Твой отец и я тоже были друзьями, делили каждый кусок сискала⁵. Да мы... Эй, Заза, ты уходишь? В тот момент, когда я говорю о твоём отце?

Увлеченные разговором, Маккал и Махма не заметили, как открылась входная дверь.

– Пусть едет, Маккал Даудович. Опозорится и вернется ни с чем. Нам бояться нечего, мы делали все, как положено, поделились, с кем надо, да и к бумагам не подкопаешься.

Махму прервал незнакомый мужской голос:

– Если девушка собирается в район, то ехать не нужно. Я из района.

В комнате стало так тихо, что слышно было взволнованное дыхание людей. Оторопевший Маккал пролепетал:

– Как из района?

– Да, из газеты. В редакцию пришли кое-какие письма. И меня послали посмотреть, что тут у вас творится, есть ли злоупотребления.

– Товарищ, так ты из газеты? – уверенность Маккала мгновенно испарилась. – Но я не виноват. Не слушай никаких поклепов, у меня семья, дети. Не губи.

– Эй, Маккал! Не спеши разуваться, пока до воды не дошел. Сначала взглянем на его документы. Так... Действительно из газеты.

Жамбик явственно услышал шум – это Маккал тяжело осел на пол. Послышался его едва слышный шепот: «Дайте воды».

– Довели человека, – вскрикнул Махма. – Если с ним что случится, ты будешь виновата, Заза.

– Дада здесь? – прозвучал вдруг детский голос. У Жамбика болезненно сжалось сердце, меньше всего он хотел бы, чтобы его внук слышал то, что сейчас говорится, и видел таким своего деда. Но на мальчика никто не обратил внимания, должно быть, суетились около Маккала.

– Приходит в себя.

– Подумайте, какой слабонервный оказался, – Махма попытался пошутить, отступил в сторону и случайно опрокинул стул. Маккал приоткрыл глаза:

– Махма! Что это гремит? Опять землетрясение?
– Не землетрясение, дорогой, а крушение мира.
– А чей это мальчик? – наконец спросил журналист.
– Внук нашего начальника Жамбика, – Махма, казалось, вновь обрел утраченное спокойствие, – и для твоего дедушки – крушение мира, – обернулся он к мальчику.

– Какое крушение? Мой дедушка ничего не боится!
– Ха-ха. Вот оно – нынешнее воспитание. Уже с пеленок понимают, что к чему. Конечно, мальчик, дедушке твоему не страшно – он известный человек, у него награды и знакомства – к нему с голыми руками не подступишься.

Этого Жамбик вынести уже не мог. Он встал из-за стола, решительно распахнул дверь. Все взглянули на него, но лишь на секунду – вдруг послышался отдаленный грохот. Мальчик, показывая рукой в окно, закричал:

– Смотрите! Смотрите!

Жамбик взглянул туда и онемел. Башня, стоявшая на обрыве, рушилась на глазах.

Жамбик и корреспондент разговаривали поначалу спокойно. Но Жамбик чувствовал, что порядком устал, и опустился на стул. А молодой журналист принялся расхаживать от окна к двери, затем заговорил поучительным тоном:

– Хорошо, что у нас есть возможность поговорить наедине. Если честно, то я ваше поведение объяснить не могу. Люди все силы прикладывают к тому, чтобы наладить хозяйственный механизм. Душой болеют за страну. Борются за экологию, за мир. Вот и вы бы внесли свой вклад.

– Да я готов внести! Все, что потребуется. Свою жизнь!..

– Жизнь? – молодой человек саркастически улыбнулся. От этой улыбки Жамбика передернуло. Что этот младенец, ничего не испытавший в жизни, может понимать? Все, что он умеет, – писать передовицы для газеты. Жамбик уже собирался разразиться гневной речью, но в кабинет вбежала плачущая Зезаг.

– Аллах свидетель, Жамбик, я не хотела причинять тебе никаких неприятностей. Лучше бы мне умереть, чем заговорить об этих несчастных деньгах. Я во всем сама виновата, я все сама затеяла. Я не перенесу этого стыда. В нашем роду не было доносчиков. А я посрамила имя своего покойного отца, посрамила свои седые волосы. Несчастливая я! Горе на мою голову!

Едва они успокоили Зезаг, на пороге появился Докка и тут же завопил:

– Вот теперь посмотрим, как вы будете разговаривать со мной и с тем, у кого красные погоны на плечах. Докку, сына Аду, еще никто не обвел вокруг пальца, – он выглянул в окно. – Эй, где ты там застрял?

– Сейчас, – донеслось со двора, – только грязь очищу.

Жамбик взглянул на обувь Докки.

– И тебе, Докка, следовало бы сделать то же самое.

Докка выпятил грудь, чтоб вся его независимая поза подтверждала сказанное:

– Пусть обувь у меня – грязная, зато руки и дела – чистые. Не то что у некоторых.

В комнату вошел высокий светловолосый милиционер и оглядел присутствующих нарочито строгим взглядом. Докка представил его:

– Это сын моей сестры. Как видите, пользуется уважением у власти: ему дали форму, доверили оружие. Так что, с ним шутки плохи. Когда он еще был мальчишкой, я знал, что из него вырастет настоящий волк. Он не даст в обиду своего дядю.

– И откуда прибыл этот «настоящий волк»? – спросил Жамбик.

– Приехал погостить. Вообще-то, я работаю в городе участковым. Но это – совершенно неважно. Для меня нет разницы – село или город. Я не потерплю несправедливости. – Докка одобрительно кивнул.

– И с какой же несправедливостью ты собираешься бороться?

– А вы не знаете? – возмутился Докка. – Начислили мне какие-то жалкие копейки...

– Но комиссия установила, что постройки на твоём дворе практически не пострадали, – Жамбик перелистал бумаги.

– Как не пострадали? Все стены в трещинах и фундамент тоже. Шифер с крыши сорвало. Сарай развалился.

Сайдулла, корреспондент газеты, открыл блокнот, чтобы записать фамилию Докки.

Но тут к Докке обратилась Зезаг, сидевшая в уголке на стуле:

– Постой, – сказала она, – ты говоришь, что сарай развалился от землетрясения?

– А почему бы и не говорить, ведь это – чистая правда.

– Но я же своими глазами видела, как ты собственноручно разрушал его через три дня после землетрясения, да ещё сказал, что новый хочешь строить.

– Опять ты вмешиваешься не в своё дело, Зезаг. Твои глаза ослепли на старости лет, а разум ослабел.

– Мои глаза ясно видят твои плутни, Докка, а разум пока ещё отличает правду от лжи!

– Доносчица! Кем ты ещё могла стать? Ваш род черт проклял, вот он и прервался, и потомства у тебя нет.

Докка выскочил из комнаты. Вслед за ним прогрохотали по ступеням крыльца милицейские сапоги.

Опять на какое-то время стало тихо, только поскрипывали половицы под грузным телом Жамбика – теперь он мерял шагами комнату, а Сайдулла примостился на краешке подоконника. Наконец их разговор продолжился с того самого момента, на котором прервался.

– Вот вы сказали, что жизнь готовы отдать. Так ведь в этой ситуации никто не требовал от вас жизни. Достаточно было нескольких слов. А вы и на это не отважились. Что же говорить о других случаях, когда действительно перед вами мог бы встать выбор: честь или жизнь?

И тут Жамбик, несмотря на раздражение, вновь охватившее его, смутно почувствовал правоту этого неоперившегося юнца. И все же жгучая обида сдавила виски, встала комом в горле. Он дрожащими от волнения руками достал из внутреннего кармана пиджака пожелтевшие листки. Протянул журналисту, выдохнул:

– Читай...

Сам он знал это письмо наизусть, и знакомые строки вновь ожили перед его глазами: «Брат мой! Я живу. Живу благодаря тебе!..»

Когда Сайдулла прочел письмо, Жамбик сказал:

– Не суждено было Жанарали вернуться. Он погиб за три дня до конца войны.

Словно стыдясь охвативших его чувств, Жамбик отвернулся к окну, вынул из кармана платок. Однако Сайдулла подошел к нему, тронул за локоть:

– Мой отец тоже воевал. Пропал без вести...

Но этот миг, объединивший их, прервал вошедший без стука Махма.

– Что я вижу? Жамбик, ты расстроен, ты плачешь? Плачь, Жамбик, тебе есть, что терять. Попробуй разжалобить товарища корреспондента. Посмотри, юноша, – Махма взмахнул рукой, – тебе не жаль этого старика? Он прошел войну, закалился в боях, но ты заставил его плакать. Однако я, кажется, опоздал со своими советами. У тебя, корреспондент, глаза тоже на мокром месте. Ай да Жамбик! Какой искусный актер! Тебе просто в театре играть! Ты, оказывается, и камень можешь разжалобить. А может быть, журналист просто мягкий, сердечный человек? Тогда вы тем более договоритесь! Милосердные люди – редкость в наши дни. Я бы сказал – возник некий дефицит человечности. Но нужно быть гуманистом вопреки обстоятельствам. Гуманист – это звучит гордо.

– Махма, если ты кончил, оставь нас.

– Разумеется, оставлю. Только одна маленькая деталь, одно замечание по ходу дела. Когда будете статью писать, товарищ журналист, не забудьте упомянуть, что я всего лишь бухгалтер, исполняющий волю своего начальника, бывшего фронтовика.

– Нет, моя груша, – Жамбик погладил рукой ствол, – я не удивился, когда услышал это. В тот день я уже достаточно много узнал, чтобы не удивиться его словам. Я только пожалел его отца – он достоин был лучшего наследника. Когда-то, много лет назад, Атаби – его отца – пригласили с приятелем на вечеринку в аул на равнине. Товарищ не мог удержаться свой язык – сболтнул не к месту что-то обидное для хозяев. Дело дошло до ссоры, слово за слово – сверкнули кинжалы. В потасовке один из жителей аула был смертельно ранен. Он упал, истекая кровью, а тем временем Атаби с приятелем попытались убежать. Однако на полпути Атаби настигли, привели обратно и спросили:

– Не от твоего ли кинжала умер этот человек?

И Атаби, не желая солгать, глядя в разъяренные, дышащие яростью лица, ответил:

– Не знаю. Все произошло слишком быстро.

Две недели он пробыл в том селе, готовясь к смерти. А те, которые так жаждали мести, все решали, когда удобнее убить его – сегодня или завтра. Наконец вмешались почтенные старцы, сказав, что не подобает настоящим мужчинам мстить безоружной жертве. Их веского слова послушались. Атаби отпустили... Но это был уже другой человек. Бесконечные дни ожидания помutilи его рассудок... Но сказать неправду он так и не смог... А Махма? Наследник достойного имени? Не задумываясь и не стыдясь, перекладывает собственную ношу на чужие плечи.

– Но нет, груша моя! Я не о том думаю, не о том говорю. Моя вина ничуть не меньше. Ведь когда Махма подошел ко мне и просил назначить Маккала председателем комиссии, сердце мое сразу почувствовало неладное. Я знал, что нельзя этого делать. И все же – сделал. Но видно, чему быть, того не миновать. Все уже совершилось, дервце мое!

Жамбик дышит на руки, разминает окоченевшие пальцы, глубоко вдыхает морозный воздух и снова застывает в молчании, опершись на ствол груши.

Жамбик и Сайдулла испытывали какую-то неловкость, казалось, приход Махмы разрушил что-то неуловимое, то, что могло бы помочь понять друг друга. Когда Сайдулла заговорил, Жамбик удивленно поднял голову, прислушиваясь к его словам. Странно все же, как человек может измениться за несколько минут.

– Знаете, я бы сравнил вас с альпинистом. Вы взбирались на горы и покоряли недоступные вершины. И вдруг вам встретился небольшой холмик. Вы не желали лезть на него – предпочли обойти. А оказалось, что обойти невозможно – кругом болото, вот вы и увязли, уважаемый Жамбик. Разве не так?.. Но я почитаю вашу старость, да и вам, я думаю, не хочется ворошить это дело. Попытаемся уладить. Но это, как вы понимаете, зависит не только от меня. Вам придется приложить кое-какие усилия – кому-то позвонить, кому-то поднести небольшой подарок в знак признательности...

Жамбик удивленно глядел на корреспондента, он только и нашелся что сказать:

– Молодой человек, не рано ли ты изучил обходные пути?

– Так ведь я не навязываюсь. Я – от чистого сердца. И вообще – я человек маленький. Вот съездил в командировку и напишу теперь хлесткий фельетон, а может быть, статью на морально-нравственную тему. Я назову ее так: «Цена чести». Так что, дешевле было бы сделать подарки. Ну, как хотите, как хотите! Цену своей чести вы назначили сами... Всего хорошего!

– До свидания, молодой человек, до свидания.

Жамбик вышел во двор. Хотелось на воздух, глотнуть осенней прохлады. Он обошел сельсовет и, не торопясь, направился в сад. Ветер то и дело срывал с веток желтые листья, бросал наземь. Пахло прелью. Огненный шар солнца катился к горизонту. Из поднебесья донеслись прощальные крики журавлей. Жамбик поднял голову, но увидел лишь стремительно несущиеся облака, подсвеченные заходящим солнцем.

Неужели и Заза через пару лет станет такой же, как этот парень, который отлично усвоил, что передовицы – это для газет, а для жизни – связи и деньги? Неужели она вспомнит сегодняшний день и скажет: «Ну и дура я была! Чего артачилась? Что хотела доказать?» На чем же тогда будет держаться мир? Жамбик невольно улыбнулся – твоему быку, Зезаг, не справиться с этой задачей. Вот и башня рухнула. Жамбик внезапно остановился, словно только сию секунду осознал, что произошло. Пока она привычно возвышалась на западе, он мало думал о ней. Не суждено, значит, простоять ей века. Должно быть, действительно оскудели люди добротой и благородством, растеряли честь и достоинство. Жамбик взглянул вокруг и по влажной, уже слежавшейся листве повернул обратно, к сельсовету.

Едва войдя, он увидел сидящую за своим рабочим столом Зазу с красными, припухшими от слез глазами. Словно устыдившись чего-то, Жамбик быстро прошел в свой кабинет. Вскоре из соседней комнаты донесся голос вошедшей Кебийрат:

– Дочка, я слышала, ты с мужем повздорила? Ну чего ради ты влезла в это дело? Ты бы лучше не перечила ему! Успокойся, придержи язык. Здесь можешь говорить, что хочешь, а дома – ты жена, знай свое место, молчи и терпи. Ведь они выгонят тебя из дому, опозорят. А я-то старалась, бегала, высунув язык, устраивала тебя на приличную работу, замуж – в приличную семью. Да если бы не я – ты сидела бы в лачуге и всю жизнь копалась в навозе. Или ты рассчитывала, что этот голодранец – сын Хавы – построит тебе дворец? Он никогда не научится жить... Ты знай, что это я, я придумала, как заставить тебя порвать с ним отношения. И мать Беслана помогла мне. Пришла к нам тогда и с притворными вздохами да ахами стала рассказывать, что, дескать, сын Хавы ходит и повсюду сплетничает о тебе, говорит неподобающие вещи. А этот проstack – сын Хавы – тут вовсе ни при чем, он и не догадывается, почему ты его бросила. Это знаю я – твоя мать. А еще я знаю, что ты никогда бы не была с ним счастлива в нищете.

Заза, видимо, что-то пыталась сказать, но Кебийрат прикрикнула:

– Не перебивай меня! Твое возмущение гроша ломаного не стоит. Перебесишься, ума наберешься – будешь еще благодарить. Извиняться за свое поведение. Смотри – как бы поздно не было!

Яростно хлопнув дверью, Кебийрат вышла.

Жамбик, невольно ставший свидетелем разговора, думал о Зазе. И вдруг он услышал ее шепот. Жамбик приоткрыл дверь кабинета и увидел, что девушка стоит, отвернувшись к окну.

– Вот, оказывается, как... А я-то думала – что произошло? Как я могла попасть в семью Беслана? Значит, я за все должна благодарить собственную мать. Но я не желаю жить так дальше. Я уйду из их дома. Я попытаюсь жить иначе. Я хочу заново научиться радоваться простым вещам: первому солнечному лучу, утренней росе, чистой родниковой воде...

Заза провела пальцами по стеклу, пожала плечами:

– А может быть, все это зря? Может быть, только и осталось высокого на свете, что это небо?

Воцарилась пустая звенящая тишина. Всем своим существом Жамбик почувствовал ответственность за эту хрупкую девушку, стоящую у окна. Он был старше, опытней, мудрее. Он обязан был хоть как-то помочь ей, прервать натянутую тугую тетивой тишину. Еще не решив, что сказать, он окликнул:

– Заза! – Девушка обернулась, и, когда Жамбик взглянул в ее светлые, заплаканные глаза, слова пришли сами собой:

– Заза! Я расскажу тебе о Зезаг! Хочешь? Она была настоящей красавицей. Молва о ней дошла и до соседних аулов. Множество парней торили дорожку к ее окнам. Ей приглянулся Нажа – шутник, балагур, лихой наездник. Родные были против, но Зезаг спрашивала совета только у своего сердца. Да вот счастье, выпавшее на ее долю, было слишком коротким. Началась война. И все мы, молодые парни, и среди нас – Нажа, распрощались с мирной жизнью. Знаешь, Заза, была осень. Такой же вот прохладный день, и редкие облака плыли по небу, и улетал вдаль журавлиный клин. Мы все надеялись, что скоро вернемся, что не раз еще увидим летящих над аулом журавлей. Должно быть, и Нажа сказала Зезаг: «Жди, я вернусь, когда возвратятся эти журавли». Но судьба решила иначе. Нажа не вернулся. С тех пор Зезаг успела состариться, но она по-прежнему ждет того парня, который уходил на войну, шутника и лихого наездника – Нажу...

Жамбик умолк, но молчание на этот раз было иным, словно таило в себе покой и исцеление.

Наконец Заза сказала, по-прежнему глядя в окно:

– Как странно, что башня обрушилась именно сегодня. Наверное, фундамент осел во время землетрясения.

Жамбик не успел ничего сказать, дверь распахнулась. На пороге появилась Зезаг, растрепанная, с совершенно побелевшими губами.

– Что же это делается, люди? Горе нам, горе... Погиб... Сын Хавы погиб... под развалинами башни...

Чинар, могучий столетний чинар. Чего только не повидал ты на своем веку! Каких страданий, каких страстей, радости и горя не насмотрелся! О чем шумит твоя листва?

Солнце скатилось к горизонту. В сумерках грозно темнеют вокруг аула горы, поросшие лесом. Людская толпа переливается, скорбно причитают женщины. А в центре утоптанной площади под самым деревом лежит сын Хавы. И, словно он может услышать их, люди говорят, спеша отдать ему те слова благодарности, которых ему, должно быть, недоставало при жизни:

– Добрый был парень. Обходительный.

– Сено мне домой привез.

– А мне дрова часто рубил.

– Единственный сын у матери...

– Он был не такой, как все.

Вдруг говор смолк. Толпа покачнулась, расступилась.

– Мать идет...

Она бежала, будто веря, что может что-то изменить. Толпа стояла в скорбном молчании, пока крик не вырвался из груди матери:

– Сыночек мой! Что же ты наделал?! Люди! Что делать мне?! Люди! Как же мне жить теперь?..

Плач матери поднимается к небу, к облакам, разносится над лесистыми горами, льется на землю, превращаясь в дождь. И ветер неумолчно шелестит листвой столетнего чинара.

– Нана, нана... Только ты у меня и была, отца я совсем не помнил. И у тебя я был один. Нана, ты помнишь, как в детстве рассказывала мне сказки про маленького сына доброй одинокой вдовы Жера-бабы. Мне всегда казалось, что ты и есть Жера-баба. Мы хорошо жили с тобой вдвоем. И больше всего на свете с самого раннего детства я любил время весенних сумерек.

Светило солнце, мы с ребятами играли на окраине аула, пока день не склонился к вечеру. Ты окликала меня, но я не отвечал, я ждал, когда ты позовешь меня три раза. Так всегда поступал сказочный сын Жера-бабы, чтобы проверить, не черт ли его кличет матушкиным голосом. Я приходил домой, а ты сидела во дворе у горячей печи. Я садился рядом и смотрел на огонь. Ты пекла в золе лепешки из кукурузной муки, длинные или круглые. И не было еды вкусней,

чем эти пресные лепешки с простоквашей. И когда я стал юношей, то ждал сумерек с замиранием сердца. И торопился на свидание с девушкой к роднику. И все во мне пело и ликовало, и казалось, знакомые вечерние будничные звуки сливаются в единую мелодию, прекрасную и вечную. И в наступающей тьме звучал где-то неподалеку чей-то пондар, и эхом отзывалось ему мое сердце... Я возвращался домой, открывал скрипучую деревянную калитку, прислонился к косяку и долго стоял, наблюдая, как ты печешь лепешки, слушая, как мерно жуют жвачку коровы. Иногда мне казалось, что ничего нет в мире лучше этого времени на грани дня и ночи, когда горит огонь в печи, отбрасывая блики на лицо седеющей женщины, пахнет землей и свежеспеченным хлебом, и нет слов выразить то, что переполняет душу. И можно было умереть от счастья в эту прекрасную минуту. Нана, нана... Теперь ты сидишь одна, и некого тебе ждать, и некому тебе печь лепешки. Ты ложишься спать без ужина, но ты не чувствуешь голода. Горем ты сыта, слезами умыта.

Нана, нана... Не упрекай меня. Я стал таким, каким ты меня воспитала. Маленькому сыну Жера-бабы всегда выпадала удача. Но жизнь не сказка, нана... Я ни о чем не жалею. Кто-то же должен беречь наши земные вершины, замазывать трещины и обновлять вековые башни... Иначе земля превратится в однообразную равнину... И если люди не будут стремиться стать вершинами, то темна будет жизнь... Я верил, что каждый из людей в силах стать вершиной, я надеялся, что мне удастся...

Сейчас так много говорят о крушении мира, о хрупкости жизни. И людям, и башням, и вершинам нужна опора... Нана, я задумал сделать много хороших дел. Ты бы гордилась мною. Но я не успел.

Нана, нана... Никогда больше не присесть мне с тобой рядом, не разгладить морщины на твоем лице, чтобы высохли слезы и ты утешилась... Не увидеть больше, как заходит солнце и сгущаются сумерки... Не увидеть, как зацветают сады и пробивается молодая трава... Не услышать вечерами, как стрекочут стрекозы... Люди должны нести в жизнь свет, почему же так темно кругом, почему, нана?

Нана, нана...

Жамбик, словно очнувшись, провел ладонью по лицу. Ночная тьма редела, и сквозь снежные покровы угадывались знакомые контуры окрестных гор. Вот и эта ночь проходит, да не избыть тяжести на сердце. Жамбик глянул на соседские дома – и то ли показалось ему, то ли впрямь – мерцал огонь в окне вдовы Хавы. Но даже солнечный свет бессилен разогнать тучи, собравшиеся над судьбой этой женщины.

Сердце Жамбика пронзила жгучая жалость, когда он явственно представил себе, как враз состарившаяся, совершенно седая женщина сидит под кровлей у своей печи. Бесцельно глядит она в потухший очаг, ведь, сколько ни пытайся развести огонь, – слезы зальют его. Она сидит, непричастная, чуждая жизни, и разговаривает с сыном, уже без надрыва, без видимого отчаяния укоряет она его: «Что же ты наделал, сынок?» И в шорохе листьев, в шуме ветра ей чудится родной единственный голос, слышатся слова утешения...

Так и не вернулся к Жамбику утраченный в тот страшный день покой. Не может подолгу заснуть ночами, а когда засыпает, видит во сне сына Хавы или Жанарали.

Юноша из последних сил подпирает падающую башню, его ноги засыпаны камнями. А Жанарали кричит... Кричит долгим одиноким криком – он зовет на помощь, просит, чтобы не оставляли его одного на поле боя.

Жамбик открывает глаза, возглас горького отчаяния вырывается из его груди.

Между тем рассвет властно рассеивает тьму, и уже кое-где над домами курятся синеватые дымки. Ночь исчерпала себя. Жамбик одевается и выходит из теплого дома. Он поднимает воротник тулупа, по глубокому снегу идет к

сарая. Отыскав стоящую у стены палку, выходит со двора. Он направляется туда, куда должен был пойти давно, сразу после землетрясения. Но, видно, нужна была эта долгая зимняя ночь, чтобы путь прояснился.

Тропа бежит вниз по склону, и ноги словно сами несут Жамбика. Пробравшись по занесенному снегом оврагу, он взбирается в гору. Теперь он идет трудно, часто останавливается, вдыхая студень воздух. Каменистая тропа обледенела, и ноги скользят. Но Жамбик не смотрит вниз, он глядит прямо перед собой, делая шаг за шагом. Вот наконец и старый, хорошо знакомый орех, намертво вцепившийся корнями в крохотный клочок каменистой почвы. Жамбик прислоняется к нему спиной. Восток уже совсем светел, и линия горизонта вот-вот окрасится розовым. Жамбик пристально смотрит, находит взглядом свой дом. Жена встала – над крышей его дома тоже струится дымок. Жамбик вспомнил дочь, внука, и на душе стало теплей. Он снова идет вверх. Медленно, осторожно. Ему нельзя оступиться. И вдруг он понимает, почему в зимний день вспомнился ему стог свежескошенного сена, унесенный смерчем. Вот так же, как этот стог, исчезла и эта башня света, башня его чести...

Он всматривается в расступающийся мрак. Нет, не видно башни... Но он дойдет до развалин и посмотрит, что там случилось. А весной, когда растает снег и подсохнет земля, он вернется сюда с односельчанами, с теми, кто захочет пойти. Кто-то будет подносить камни, кто-то – мешать раствор, а он, Жамбик, должен из этой бесформенной груды камней сложить башню. Конечно, прежнюю башню уже не возродишь... Но все-таки, пережив многое, одолев эту бесконечную ночь, он верит в это. Потому и идет, отдыхая через каждый десяток шагов, по обледеневшей тропе вверх, к развалинам башни.

1985.

Перевод А. Смородиной.

¹ Турпал – богатырь, герой.

² Тола – жилище наподобие землянки.

³ Нана – мама.

⁴ Маккал (маккхал) – коршун.

⁵ Сискал – лепешка из кукурузной муки.

**Ахмадову Мусе Магомедовичу,
народному писателю Чеченской Республики**

От имени всех членов Клуба писателей Кавказа, созданного по Вашему предложению, сердечно поздравляю Вас, народного писателя Чеченской Республики, признанного всеми народами Кавказа и далеко за его пределами мастера большой прозы, истинной поэзии, глубоко народной драматургии, с 60-летием! Редко кому из творческих деятелей удается сделать в литературе столько, сколько Вы создали поэтических, прозаических, драматургических произведений, которые долго будут служить людям, интересующимся прошлым, настоящим и будущим чеченского народа в тесной взаимосвязи с судьбой всех народов России. Ваша публицистика настолько востребована сегодня, что и по ней уже защищаются кандидатские и докторские ученые степени. Велика Ваша заслуга и как общественного деятеля, заинтересованного в укреплении дружбы и братских отношений между народами. Именно этим, как прекрасно понимают члены Клуба писателей Кавказа, было вызвано Ваше предложение о создании организации, где бы могли встречаться литераторы Кавказа для координации своей деятельности в целях восстановления былых братских отношений между народами. Клуб писателей Кавказа, вице-президентом которого Вы являетесь, – Ваше детище.

Возглавляемый Вами журнал «Вайнах» является на сегодня одним из лучших периодических литературных изданий России, на страницах которого встречаются писатели разных национальностей и разных поколений. А это и есть самый надежный способ привлечения писателей к совместной работе по взаимообогащению культур всех народов и является на сегодня самой необходимой составляющей работы по духовному сближению народов Кавказа и всей России.

Здоровья и творческих удач Вам, дорогой Муса!

*От имени членов Клуба – его президент
Салих Гуртуев, балкарский поэт
27. 01. 2016*

**Народному писателю Чеченской Республики,
вице-президенту Клуба писателей Кавказа,
главному редактору литературно-художественного журнала «Вайнах»
Ахмадову М.М.**

Уважаемый Муса Магомедович!

От имени членов Калмыцкого регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа» сердечно поздравляю Вас с знаменательным юбилеем – 60-летием со дня рождения!

Вы один из выдающихся писателей современной многонациональной литературы России. Своим вдохновенным творчеством Вы создали яркий, неповторимый образ своей любимой родины – страны величавых гор и мужественных, гордых, свободолюбивых людей.

Основой Вашего многогранного таланта являются Добро, Истина и Красота. У Вас особенный талант, талант трепетный, искренний, уверенный. Поэтому Ваше творчество – это достояние и радость не только чеченского, но и всех народов читающей России.

Вы – наш, Вы – брат и друг калмыков
В дни бед и в пору светлых дней.
И станет радостью великой
Наш общий праздник – юбилей!
Хочу Вам пожелать удачи,
Чтоб Вы с улыбкой – не иначе! –

Встречали каждый новый день.
 Пусть Вас житейские ненастья
 Обходят стороной всегда,
 И будут безграничным счастье
 И бесконечными года.
 Пусть все, кто окружают Вас сейчас,
 Согреют Вас любовью и вниманьем,
 Пусть в январе весна придет для Вас
 И сбудутся заветные желанья!

Пылайте сердцем, творите с любовью! Крепко обнимаю.

*Ваш калмыцкий друг, народный поэт Калмыкии, председатель
 калмыцкого регионального отделения МОО «Клуб писателей Кавказа»,
 председатель Союза писателей Республики Калмыкия
 Эрдни Эльдышев,
 28 января 2016 г.*

Многоуважаемый Муса Магомедович!

От имени азербайджанской интеллигенции поздравляю Вас с юбилеем.
 Творческих успехов Вам, больших побед и здоровья, чтобы продолжать
 служить во благо нашего общего дома – Кавказа.

*С поздравлениями –
 Гафар Гусейнов*

Глубокоуважаемый Муса Магомедович!

Позвольте присоединиться к поздравлениям по случаю Вашего юбилея!
 Пусть радует Вашу душу творчество, остается крепким здоровье, крепкой
 стеной вокруг стоят Ваши друзья, берегут любимые и близкие.

*С теплом –
 Ирина Коваленко,
 член Клуба «Писатели Кавказа», президент клуба творческой
 интеллигенции Кубани «Возрождение», заслуженный врач России,
 г. Краснодар*

Уважаемый Муса Магомедович!

От имени дагестанского отделения Клуба писателей Кавказа и Союза
 российских писателей сердечно поздравляем Вас с днем рождения, с
 юбилейной датой! Ваша многогранная литературная и научно-педагогическая
 деятельность снискала Вам заслуженную славу и народное признание, а
 вклад в развитие духовной культуры народа определил Ваше достойное место
 в когорте славных сынов своего Отечества, в памяти будущих поколений.
 Желаем Вам крепкого здоровья, долголетия, неиссякаемой бодрости, счастья,
 полноты жизни и, конечно, вдохновения!

*С уважением, Миясат Муслимова,
 председатель дагестанского отделения Клуба писателей Кавказа
 и Союза российских писателей*

Многогранный талант

Сколько бы ни читал произведений, написанных им, сколько бы ни слушал
 его, сколько бы ни говорил с ним и ни думал о нем, я все не могу понять
 одного: чего в его даровании и творчестве больше: поэзии, прозы, драматургии,

публицистики, педагогики или философии? Многогранности его таланта, разнообразию жанров творчества и плодотворности просто диву даешься: когда он успевает все это делать, да еще убивая время на редактирование журнала, подготовку телевизионных передач? И еще удивительнее то, что все эти жанры удаются ему одинаково хорошо.

Разнообразна и тематика его произведений: история Родины, природа, любовь, проблемы опустошения и разрушения традиционного жизненного уклада чеченских сел, угасания очагов, вопросы экологии и запустения отчих земель, извращение принципов нравственности и утеря корней и обычаев народа – всего, что тревожит автора и не перечислить. И, самое главное, – боль и тревога за сегодняшнее состояние и за будущее чеченского языка...

От видения всего этого «у певца деревни, поэта земли», как называют творцов этого направления в литературе, и рождаются такие отчаянные строки в стихотворении «Я брожу, гуляю по поляне...» (перевод – мой):

Оставив туфли модные, ты рано
Из городских дорожек босиком
Дойди-ка тихо до лесной поляны
И, в небо взмыв, пролейся-ка дождем.
Хотя бы раз войди-ка в дворик этот,
Услышь-ка голос камня наяву,
Огонь зажегши в старом очаге, ты
Сжарь кукурузу, повались в траву.

Весь смысл творчества М. Ахмадова заключен в строках из стихотворения «К Чечне» (перевод – мой):

Когда болит твой палец,
Все сердце у меня болит...
Какое счастье, знаешь? –
Народ, тебе всегда служить...

Родился Муса Ахмадов в ссылке, вдалеке от земли родной, в с. Кызыл Октябрь (Красный Октябрь) Быстровского района Фрунзенской области Киргизской ССР 28 января 1956 года. В школу пошел уже в отчем селе Нижние Варанды после возвращения на родину отцов, а закончил ее в с. Шатой в 1974 году. Сразу поступил на филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета, который закончил в 1979-м.

После университета преподавал в школе в родном селе, но вскоре был приглашен на работу в редакцию Шатойской районной газеты «Ленинец». С 1979 по 1999 годы, до начала военных действий второй контртеррористической операции в Чечне, Муса Ахмадов работал в разных сферах просвещения, культуры, печати: редактором художественной литературы республиканского книжного издательства, главным редактором республиканского детского журнала «Стелалад» («Радуга»), главным редактором журнала «Орга», заведующим литературной частью Чеченского государственного драмтеатра, заведующим отделом Учебно-методического центра Министерства культуры Чеченской Республики, преподавателем кафедры чеченской литературы и фольклора ЧГУ, журналистом телерадиокомпании «5 канал», где готовил передачи на темы духовно-нравственного воспитания «Корни», «Тишина» и т.д.

В конце 1999 года Муса Ахмадов, как и тысячи жителей, стал беженцем, вместе со всеми полностью испил эту горькую чашу. Но и тогда не сидел без дела: с 2000 года работал психологом во французской гуманитарной организации «Врачи без границ». При помощи Международного Комитета Красного Креста он организует чеченский Центр культуры и образования в г. Назрани и руководит им. Этот очаг культуры Чечни проводил большую работу по реабилитации детей беженцев, организации их досуга, учебы, нравственно-духовно-эстетическому воспитанию.

В 2003 году М. Ахмадов вернулся в республику и с 2004 года является главным редактором республиканского литературно-художественного журнала «Вайнах».

Писать Муса Ахмадов начал еще в школьные годы. Он сразу же стал участвовать в республиканских конкурсах начинающих писателей имени Саида Бадиева, которые в семидесятые годы XX века ежегодно проводились в Чечне по инициативе заведующего отделом Чечено-Ингушского обкома комсомола М. Дадуева и редакции художественных программ Грозненской студии телевидения, которой я руководил. На одном из конкурсов в число призеров вошел и М. Ахмадов со своей поэмой «Сай» («Олень»), идея и проблема, поднятые в ней, понравились жюри. Не помню, какое место он занял, кажется, третье, но главное не это, а стимул, поощрение и призыв к более активной работе в литературе.

Этим молодой автор не замедлил сразу же воспользоваться. С того времени стихи и рассказы М. Ахмадова стали регулярно публиковаться в Шатойской районной газете «Ленинец», республиканской «Ленинский путь», альманахе «Орга» и в других изданиях Чечено-Ингушетии. И еще одно стимулировало его творчество и растило писательское мастерство: у него был мудрый наставник, удивительно талантливый поэт, прозаик и журналист, болеющий о судьбе чеченской литературы человек – его земляк Шима Окуев.

Особенно возмужало и окрепло творчество Мусы Ахмадова в студенческие годы, в школе мастерства – объединении молодых литераторов «Прометей», одним из организаторов которого он был и много лет – до самого разгона его «за национализм, антисоветскую пропаганду и жажду возвышения всего чеченского» – руководил им. Кстати, одним из пунктов обвинения были и произведения М. Ахмадова, идеи которых резко разнились с официальной советской идеологией и пропагандой.

«К чести писателя, – пишет по этому поводу литературовед Э. Минкаилов, – он никогда не ориентировался на коммунистические идеалы, хотя сформировался именно во времена их безраздельного господства. В разные годы он обращался к вечным ценностям, создавая образы героев, которые следуют им, призывая к добру, нравственному самоусовершенствованию».

Впервые в печати стихи и рассказы Мусы Ахмадова появились в коллективных сборниках поэзии и прозы членов литературного объединения «Прометей»: «Манящие горизонты» и «Весенние воды». Первая же авторская книга, увидевшая свет, называлась «Ночь в пустом доме», в которую вошли рассказы разных лет и небольшая повесть «Старик Очча» (1983).

После этого за более чем тридцать лет литературно-публицистического творчества Мусой Ахмадовым написано и издано более сорока рассказов, повести «И муравейник не разрушай», «Человеку нужен горизонт», «Воздвигая горы на Земле», романы «Деревья в сумерках», «На заре, когда гаснут звезды», «В ночь уходила река», множество стихов, поэм: «Олень», «Любовь», «Грозный», «Круг зикра» и другие. Почти все они вошли в книги на чеченском языке: «Ночь в пустом доме» (1983), «На заре, когда гаснут звезды» (1986), «Деревья в сумерках» (1989), «Сто тысяч добрых дел» (рассказы, пьесы и стихи для детей; 2002), «Учим буквы» (Азбука в стихах; 2006) и «Собрание сочинений» в 5 томах, изданных в 2005-2015 годах.

Многие произведения Мусы Ахмадова переведены на русский язык и изданы в Москве и в Грозном в сборниках «И муравейник не разрушай» (1990), «Ночь в пустом доме» (1991), «На заре, когда гаснут звезды» (1993). Его произведения в стихах и прозе публиковались, кроме того, во всероссийских журналах «Дружба народов», «Костер», «Литературная учеба», в «Литературной газете» (Москва), журнале «Дон» (Ростов-на-Дону) и других ведущих изданиях страны. В последние годы издан на русском языке двухтомник рассказов, повестей и романов М. Ахмадова «Деревянные куклы» (1 том), «И текла река в ночь» (2 том).

О двигателях творчества Мусы Ахмадова известный литературовед, кандидат филологических наук, доцент ЧГУ Ю.Б. Верольский писал в 1993 году в

рецензии на сборник «На заре, когда гаснут звезды», что «это все, что помогло мастеру создать его произведение, все, что живет в его жизни, – в жизни произведения. Этого всего очень много. Это жизнь человечества, породившая проблемы, которые взволновали автора, это судьба его народа, это история его семьи, это его биография. Это люди – добрые и злые, какими их сделала жизнь, люди, о которых он слышал, читал, думал и которых повстречал в жизни. Это его детство, юность и зрелость, его радость и горе, его победы и поражения, его любовь и ненависть. Это его горы, реки и леса, рассветы и закаты. Это песни, которые полюбились ему. Это его учение и труд. Это его сны. Это все, что мы называем жизненным опытом. Сколько же здесь всего!» (Грозный, 1993. С. 327).

И далее: «Жизнь персонажей (произведений М. Ахмадова. – А.К.) органически вписана в жизнь природы, в символику периодов суток и года, в стихию жизни гор и лесов, в мир народного творчества» (Там же. С. 330).

И, наконец: «Ночь, утро, солнце – соотнесенные с человеческой жизнью. Как часто эти соотнесения плещут, переливаются в устном народном творчестве чеченцев. Проза (например, роман «На заре, когда гаснут звезды») позволяет отчетливо воспринимать родство этих соотнесений, но это не механическое перенесение их в роман, а самобытная творческая переплавка. И даже когда фольклорные сокровища целиком входят в текст романа (а это случается нередко, вспомним прекрасную легенду о двух опоздавших или песню «Оставшийся в пещере», многочисленные фрагменты из девичьих песен и др.), они органически вплетаются в художественную структуру, вступают в сложные взаимоотношения с сюжетом и образами произведений» (Там же. С. 331).

Я помню первую пьесу, написанную М. Ахмадовым – «Землетрясение» – о событиях и разгуле бюрократии после землетрясения 1988 года в Чечне. Автор принес ее на телевидение и по ней еще в 1989 году Грозненская студия поставила телеспектакль. Позже режиссером Х. Гузуевым она была поставлена на сцене Чечено-Ингушского государственного драматического театра имени Героя Советского Союза Х. Нурадилова. Помню премьеру спектакля по ней, на которой я был со всей семьей.

После нее Муса Ахмадов написал еще более двадцати многоактных и одноактных пьес для взрослых и детей: «Ушедший за саваном», «Похождения блохи», «Волчий хвост», «Новые похождения Чирдига», «Звери, люди и другие живые существа не хотят войны», «Строительство башни», «Разговор с матерью», «Дом на песке», «Шейх Мансур» и другие. Почти все они были поставлены на сценах Чеченского и Ингушского государственных драматических и кукольных театров, в палаточных городках чеченских беженцев в Ингушетии, Кабардино-Балкарии... А пьеса «Волчий хвост» была переведена на французский язык и поставлена в Париже на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» в 2006 году.

Большой вклад вносит М. Ахмадов и в литературоведческую, педагогическую и просветительскую работу: им написаны десятки литературно-критических статей, учебники «Чеченская традиционная культура и этика» (для старших классов), «Ты пришел в этот мир. О чеченских традициях» (для учащихся четвертого класса), методические пособия по этике и чеченскому языку для школ и вузов.

Такой он, многогранный талант Мусы Ахмадова, который и оценен по достоинству: он – народный писатель Чеченской Республики, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, лауреат премии «Серебряная сова» Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской Республики»; член Союза писателей России и Чечни с 1987 года; член Союза журналистов России и Чечни.

Таковы грани большого таланта Мусы Ахмадова. Пожелаем же ему, чтобы его творчество год от года расцветало еще ярче.

Адиз Кусаев, писатель, поэт, заслуженный журналист ЧР

Творец-новатор

Ахмадов Муса вошел в чеченскую литературу как новатор прозы. Об этом свидетельствуют такие его рассказы, как «Время», «Подвиги Денисолты», «Орешники шумят» и другие. Оригинальными, в плане композиции и содержания, были также повести «Старик Очча», «Землетрясение», «Воздвигая на земле горы». Но вершиной творчества Мусы Ахмадова, так сказать, его литературным триумфом, явился роман «Деревья в сумерках». Об этом его романе с восхищением писали как наши, так и российские критики. Такого романа – сложного по структуре, композиционно разнопланового, не было на тот момент не только в чеченской литературе, но и в литературе Северного Кавказа. Разве только грузинская и в целом российская художественная словесность могла «похвастаться» произведением такого рода.

Также Ахмадов является одним из немногих, если не единственным, драматургом, пьесы которого с успехом ставятся на театральных подмостках всего Северного Кавказа и даже Европы. В частности, драма «Волки» в 2002 году была представлена на французском языке в театре «Дом восточно-европейской пьесы» в Париже.

Ахмадов реализовал себя и как блестящий поэт, культуролог, публицист, автор и ведущий многих популярных теле- и радиопередач.

Я сердечно поздравляю своего друга и прекрасного писателя с юбилеем! Твори, друг мой, чтобы я всегда стремился догнать тебя, не отставая!

Муса Бексултанов, народный писатель ЧР

Симфония добра

Признаюсь, благодарна судьбе за то, что пришлось встретить на своем профессиональном пути такого человека и получить возможность учиться у него человечности.

Муса Ахмадов – поистине, уникальная симфоническая личность. Свой дар, полученный от Всевышнего и вскормленный родной землей, ее природой и особым чувствованием мира своего народа, Ахмадов проявил в самых разнообразных жанрах литературы: прозе, поэзии, драматургии. Он – прекрасный педагог, пестующий талантливую молодежь, и ученый-культуролог, этнолог, этнопсихолог. Автор популярных телепроектов и редактор литературно-художественного журнала «Вайнах», благодаря его трудам и авторитету, получившего признание в литературных кругах Кавказа и России. Успех начинаний этого человека-«оркестра» объясняется просто: вера во Всевышнего, наделившего его этими способностями, трудолюбие и большая человечность, включающая не на словах, а на деле такое понятие, как нохчалла – чеченскость. А это подразумевает, что, если ты настоящий нохчо, а не квазипатриот, то главным для тебя является благородство, чувство собственного достоинства и уважение этого достоинства в любом другом человеке – маленьком ли, скромном либо великом, взрослом или ребенке, большом хакиме или незаметном труженике, друге или враге. Даже фирменная ирония Ахмадова незлобива и позитивна. Внешне очень уравновешенный, спокойный, казалось бы, даже флегматичный человек, он безумно активен в творчестве и гуманитарном направлении своей деятельности. Обладающий зорким видением и пониманием мира и человека, он сумел очень тонко погрузиться в тайны времени и бытия, создать в своей прозе удивительную, метафоричную модель реальности, с ее извечной борьбой добра и зла. Он мудр, и эта мудрость не приобретена с годами, она какая-то изначальная, глубинная, сущностная для его натуры. В чуть за двадцать он создал свой первый роман «На заре, когда звезды гаснут», который сразу же привлек внимание критиков, литературоведов, читателей. Стало понятно, что в чеченскую литературу пришел Большой писатель.

В основе второго романа «Деревья в сумерках» (1986 г.), написанного в 32 года, лежит конфликт человека с окружающей действительностью, конфликт

глубокий – с обществом, попирающим нравственные ценности и забывшим об истинном значении личности, основанном на ложных совдеповских идеалах, где правят фальшь и лицемерие, с обществом, которое не прощает инакомыслия и нежелания быть частью серой безликой массы иванов, родства не помнящих. Роман Ахмадова утверждает приоритет вечных человеческих чувств над любой социальной иерархией. Пусть добро, правда, любовь, близость природе и народным традициям, талант являются изгоями в этой системе, писатель твердо верит, что, только опираясь на живое воплощение этих гуманистических понятий, человечество может создать действительно справедливый строй, в котором никто не будет обладать монополией на истину.

По мнению ряда исследователей литературного творчества (Ю. Верольского, Л. Егоровой, Э. Минкаилова), второй роман стал не только этапным в творчестве самого писателя, но и явился новаторским произведением в чеченской литературе того периода, отличающимся смелостью поставленных вопросов, своеобразием и сложностью художественного претворения авторского замысла. Ахмадову удалось раздвинуть жанровые границы чеченского романа, достичь органического соединения социального, сатирического и философского начал. «Деревья в сумерках» – это сплав гротеска и поэзии, высокого и низкого, смешного и трагического. В романе царят счастливая свобода творческой фантазии и одновременно строгость авторского замысла.

Создание третьего романа писателя «И текла река в ночь» отделяет от «Деревьев в сумерках» почти 15-летний временной промежуток: он был опубликован в конце 2002 г. – начале 2003г. в журнале «Орга», а в 2004 г. в русскоязычном переводе Абу Исмаилова вышел на страницах журнала «Вайнах». И был признан критикой «одним из наиболее крупных произведений нашей литературы последнего десятилетия».

Писатель продолжает препарировать вечные проблемы (жизни и смерти, вины и ответственности, смысла экзистенции...), его философский взгляд в поиске нравственно-этических обоснований трагедии народа на изломе XX-XXI вв. проникает в глубинные тайны бытия, устанавливая причинно-следственные связи и отношения.

Любое произведение Мусы Ахмадова – разноцветный кусочек мира. Очень плотно пригнанные друг к другу, они образуют авторскую микромодель реальности. Альтерглобалист Ахмадов любит уточнять в своих интервью – «чеченского миропонимания». Но при наличии ярких, самобытных этнических красок столпом этой модели остается космизм, основанный на представлении о всеединстве и взаимозависимости всего сущего. А потому духовно-нравственная система чеченских национальных ценностей, художественно интерпретированная писателем, в мультикультурном пространстве открыта, понятна и близка не только человеку, генетически причастному к ней.

По глубокому убеждению писателя, следование божественным заповедям дает земной цивилизации ту точку опоры, которая позволяет ей сохранять равновесие, устойчивость и не обратиться в космический пепел. Это может быть прямое, буквальное обращение к Всевышнему (молитвы и не прервавшееся ни на минуту чтение Корана спасают оставшихся в селе жителей от расстрела в повести «Идти, не сбиваясь с этого пути») и опосредованное служение поступками, приумножающими очаги света в «окутанной тройным мраком Вселенной» (Дени, герой рассказа «Деревянные куклы», вырезал фигурки, посвятив всю свою недолгую жизнь искусству. Эти скульптуры и были его мольбами к Богу, в них он вложил свое доброе сердце, свое милосердие к людям, близким и чужим).

Краеугольным камнем философской системы Ахмадова является гармония всего сущего, взаимосвязь, взаимозависимость всех элементов мироздания с момента сотворения мира, человек – лишь часть вселенского замысла, отрыв его от природы, национальных корней, вскормившей его земли, прошлого, забвение семи праотцов нарушит мировой баланс, неминуемо приведет к духовным, общественным и природным катаклизмам. Поэтому так важно

вернуть человека к истокам, не дать взрасти зернам отчуждения в его душе. Воплощению данной формулы подчинен весь художественный инструментарий, имеющийся в распоряжении автора.

Текст прозы Мусы Ахмадова воспринимается как завуалированное послание. Кодом служат названия его повестей и рассказов – они так поэтичны, что сами по себе представляют завораживающую законченную мини-зарисовку. Выстроив их в определенной последовательности, мы получим емкую, но яркую картинку-напутствие писателя своему читателю, уловим суть его мировосприятия: На заре, когда звезды гаснут... иди, не сбиваясь с этого пути... с мольбой... вдоль русла твоего родника... горы воздвигая на земле... туда, где растет дикая груша у светлой реки... Кружась в этих волнах... подгоняемый временем... и муравейник не разрушай... чтобы свечу не задуло ветром... Когда застанет тебя ночь в пустом доме... или встретишь ты зимы холодное утро... помни, что есть еще маленький дом в цветущем саду... А кроме леса и мрака – звездное небо.

*Лидия Довлеткиреева, кандидат филологических наук, доцент
Чеченского государственного университета, замредактора журнала «Вайнах»*

Духовные башни Мусы Ахмадова

Если я скажу, что с именем Мусы Ахмадова ассоциируется чеченская культура, это не будет громогласным заявлением. Достаточно быть народным писателем, автором пяти томов прозы, поэзии, драматургии, воплощая национальные идеалы в своем творчестве, но Муса не ограничивается одним писательством. Его слово действительно. Чеченское слово, которому он служит на протяжении всей жизни, живет, звучит с подмостков театра, с эстрадной сцены, с телевизионных и радиопередач, со страниц учебников. Торжественные республиканские мероприятия проходят по его сценариям. В его слове заложена нравственность народа, его высокие идеалы, духовные ценности.

В связи с деятельностью Мусы Ахмадова вспоминаются слова казахского писателя Олжаса Сулейменова, который на вопрос: «Вы известный писатель, не мешают ли вашему творчеству занятия общественной работой?» – ответил: «Если в казахском оперном театре не будет оперного певца, я пойду исполнять оперу». Так же и Муса задействован во всех сферах нашей культуры. Все его начинания, проекты обретают успех и имеют долгую жизнь.

С юных лет Муса Ахмадов умел притягивать к себе людей. Это были люди, равнодушные к своему языку, своим национальным корням. Так было создано литературное объединение «Прометей», откуда вышли самые крупные современные чеченские писатели. Это объединение было его детищем. Вместе с единомышленниками он популяризировал национальную культуру в то время, когда властями не приветствовалась тяга молодежи к своим корням. Поэтому после недолгого существования литературное объединение закрыли, прозвав патриотов «националистами». Деятельность литературного объединения «Прометей» приводит к расцвету чеченской литературы. И даже спустя 40 лет прометеевцы держатся на Олимпе славы чеченской литературы.

Муса Ахмадов не перестает быть «националистом» и до сих пор, потому что уверен, что только через призму национального мироощущения можно прийти к пониманию общечеловеческих ценностей. Поэтому его произведения переводятся на иностранные языки, у него вышла в Швейцарии отдельная книга на немецком языке.

«Не иссякает и народная тропа к нему», люди идут к нему за советами, делятся своими творческими планами. При всей своей загруженности он находит время всех выслушать, помочь. Помогает он всем. Помогает своими дельными советами, подсказывает, направляет, а бывает, просто одаривает своей, присущей только ему многозначной иронией, которая без слов дает понять собеседнику тщетность его замыслов.

Особенно надо отметить, что Муса Ахмадов – взраститель национальных талантов. Он очень помогает молодежи, пишущей на родном языке, вдохновляет начинающих, прививая им любовь к чеченскому слову, к чеченской культуре. Зная, что в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения есть будущее народа, он прилагает все усилия в деле воспитания, духовного образования молодежи.

Муса Ахмадов своим творчеством «воздвигает горы на земле», он строитель духовных башен нашего народа. И от лица всего чеченского народа, а он истинно народный писатель не только по званию, сколько по признанию народом, хочу поздравить Мусу с юбилеем, пожелать здоровья, сил, а творческие успехи у него будут всегда, пока он творит во благо народа!

*Зарина Алиева, замредактора
литературно-художественного
журнала «Орга»*

Слово о друге

Мусу Ахмадова я знаю со студенческих лет. Мы учились в параллельных группах на одном курсе филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета им Л.Н.Толстого. Это были 70-ые годы прошлого столетия, глухие времена застоя. Муса уже в те годы определился в своей жизненной цели – литературном творчестве, которому он посвятил всю свою жизнь. Он был с молодых лет увлечен литературой, еще в школьные годы принимал участие в литературных конкурсах, печатался в районной газете, а в студенческие годы – в альманахе «Орга». В те годы большую роль в формировании молодого писателя оказало литературное объединение «Пхьармат» («Прометей»), в котором собрались начинающие авторы, позднее ставшие ведущими чеченскими писателями. Муса Ахмадов был руководителем этого объединения. Большое влияние на его формирование как писателя оказали постоянное общение и личная дружба с известными писателями Ахмадом Сулеймановым и Абузаром Айдамировым.

Писателем хорошо знает жизнь чеченского села, историю своего народа, его быт, нравы – и это помогло ему в короткое время занять в литературе свою нишу. Начав с рассказов, он перешел на повести, а затем и романы. Несомненно, его повести «Воздвигая горы на земле», романы «На заре, когда гаснут звезды», «Деревья в сумерках», «Река текла в ночь» стали событиями в литературной жизни республики. Особо надо отметить драматургию писателя. Муса Ахмадов некоторое время работал в театре, что помогло ему вникнуть в сущность сценического искусства, создать драматургические произведения, которые ставились на сценах ряда республик Северного Кавказа, а также за рубежом. Это относится к таким его произведениям, как «После землетрясения», «Башня, построенная на льду», «Волки» и многим другим.

Его интересы широки и разнообразны – прозаик, поэт, драматург, ученый. В каждом из этих видов деятельности он достиг несомненных успехов, что было отмечено высоким званием – народный писатель Чеченской Республики – в 2005 г.

В канун 60-летия хочется пожелать Мусе Ахмадову крепкого здоровья, творческих успехов в работе, новых замечательных произведений, которые ждет читатель.

*Эльбрус Минкаилов, народный писатель ЧР,
доцент Ингушского государственного университета*

Пишущий жизнь...

Нет, о нем не скажешь, что он, как все чеченские мальчишки, стал раньше танцевать, чем ходить, скорее, наоборот: Муса начал... писать раньше, чем танцевать! Мне кажется, что его отрочество было напрочь «испорчено» сумасбродной мечтой: стать писателем раньше, чем вступить во взрослую

жизнь. Я точно знаю, что в эти годы его ни разу не снимали ни с дерева, ни со скалы, куда он должен был непременно залезть, чтобы ощутить на своей шкуре новые неведомые ощущения. И к гнезду орла, как в чеченских сказках, он не подкрадывался, чтобы незаметно «выкрасть» перо из его хвостового оперенья...

На поверку все оказалось прозаичней. Говорю о своих личных ощущениях: от его первых рассказов «Телефон», «Пустой орех», «Весной преобразаются люди и природа», «В лесных полянах» и др., действительно, повеяло серебряной свежестью утренних рос варандинских лугов, пением жаворонков в зените дня, полусонными беседами деревьев в ночи и ручьев, утекающих в ночь, и, конечно, философскими раздумьями в пустом доме... Другими словами, повеяло дыханием жизни!

Когда Муса взялся за свой первый роман, далеко позади остались первые разочарования в жизни. Жесткое столкновение «прометеевского ковчега» с идеологической машиной «совдепии» только закалило его характер. Его роман «Деревья в ночи» получился едким, своеобразным диагнозом замшелому обществу, которому позже дадут меткое название – застой... Дальше – больше. Сегодня герои повестей и пьес Ахмадова заповили наши города и села, они, как и все мы, в унисон времени переживают и страдают...

Они будут жить с нами, пока Муса Ахмадов пишет жизнь...

*Шарани Джамбеков,
кандидат филологических наук*

Яркая страница северокавказской литературы

Современный российский писатель Муса Ахмадов принадлежит к числу тех чеченцев, которые истинно прославили свой народ с точки зрения культуры, традиций и быта. Он один из тех, кто всегда принимает на себя проблемы и переживания народа, кто всегда остро чувствует его боль и талантливо переносит эти ощущения на страницы своих произведений. В этом смысле примечательно то, что ему подвластной оказалась вся система жанров национальной литературы. Здесь писатель обнаруживает равнозначное по силе художественного мастерства присутствие во всех жанрах: он и прозаик, и поэт, и драматург.

Более того, у Мусы Ахмадова огромное количество заслуг перед своим народом на поприще просветительской деятельности. Его широкое участие в республиканских телевизионных литературных проектах (чаще всего он сам выступает учредителем этих проектов), издательская деятельность в качестве главного редактора журнала «Вайнах», публицистические работы, создание уникальных книг «Чеченская традиционная культура и этика», «Взаимосвязь чеченской народной культуры с природой и трудовой деятельностью», учебного пособия для 4-го класса средней школы «Ты пришел в этот мир» и многое другое является важной частью культурной сферы современного чеченского общества. Полагаю, что это то самое ценное, что весомо дополняет суть деятельности любого национального писателя, определяет его значимость в духовной составляющей жизни народа.

Творчество Мусы Ахмадова активно востребовано в российском литературоведении, его произведения являются хрестоматийными и широко представлены в школьных учебниках родной литературы, в учебно-методических и учебных пособиях, предназначенных для студентов и преподавателей вузов республики, северокавказского региона.

Национальные исследователи литературы черпают немало вдохновения, соприкоснувшись с творчеством Мусы Ахмадова. Оно фактически стало ключевым в изучении вопросов современного состояния чеченской литературы. Произведения писателя всегда звучат с особой эмоциональной силой, каждое его произведение – это, как правило, философское полотно. В

общий фон повествования всегда включены размышления о смысле и ценности человеческой жизни, об одиночестве человека, о перипетиях судьбы.

Герои Мусы Ахмадова – люди с активной жизненной позицией. И что интересно: в его произведениях невозможно встретить простого примитивного появления героя. Всегда присутствует некий философский посыл, автор стремится к созданию индивидуализированного переживания. Отношение к миру герои его произведений строят с позиции раздумий о смысле бытия всего сущего на Земле.

Рассуждая об особенностях художественного мира прозы Мусы Ахмадова, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Чеченского государственного педагогического университета Макка Исмаилова пишет, что проблема соотношений традиций и современности в творчестве писателя решается через обращение к ключевым понятиям чеченской культуры. По ее мнению, темы чести, долга, семейных уз, памяти о предках предстают в произведениях писателя как путеводная нить, позволяющая героям найти выход из сложных жизненных ситуаций.

Как известно, ключевое место в творчестве писателя занимает природа. В его понимании, как считает один из начинающих чеченских литературоведов Зухра Яхьяева, природа – это нечто гармоничное, существующее в равновесии доброго и злого, вечного и сиюминутного, необходимого и бесполезного. Именно поэтому природа диалектична, она является одновременно создающим и разрушающим фактором, сохраняющим при этом вечное равновесие. З. Яхьяева справедливо полагает, что тема природы для Мусы Ахмадова является одним из важнейших факторов отражения национальной самобытности, она к тому же тесно связана с темой Родины.

Список высказываний, суждений об уникальном творчестве чеченского писателя Мусы Ахмадова невозможно исчерпать. Ему посвящено множество статей, монографий, пишутся кандидатские и докторские диссертации, в которых неустанно анализируются различные аспекты проявлений художественного творчества, мастерства писателя. Однако необходимо отметить, что авторы, на протяжении многих лет писавшие и пишущие о Мусе Ахмадове (Верольский Ю., Егорова Л., Инаркаева С., Исмаилова М., Довлеткиреева Л.), отмечают одну очень важную особенность его творчества: оно устремлено к постижению глубинных, базовых основ мироздания и человеческого бытия, сути человеческой жизни и ее смысла. И это, безусловно, дает нам право считать творчество Мусы Ахмадова одной из самых ярких страниц не только современной чеченской, но и всей северокавказской литературы.

Субран Инаркаева, кандидат филологических наук, доцент

Упорный Муса

Осенью 1975 года на первом заседании творческого союза молодых литераторов я познакомился с Мусой Ахмадовым. Уже тогда этот скромный юноша выделялся настойчивостью и целеустремленностью. Он знал, чего он хочет достичь в этой жизни и как это сделать.

Он был одним из самых активных членов нашего творческого союза, которому мы дали имя легендарного мифического героя «Пхьармат» («Прометей»).

Муса остался верен своему жизненному кредо и достиг больших успехов в творчестве.

Если можно сравнить современную чеченскую литературу с горным массивом, тогда среди этих белоснежных вершин ярко выделяется Пик Мусы Ахмадова.

За более чем сорокалетний период творческой деятельности он написал сотни стихов, десятки рассказов, повестей, романов и пьес.

Песни на его стихи звучат на эстрадных подмостках, по радио и телевидению. Спектакли по пьесам Ахмадова проходят при полном аншлаге. Их растаскивают на цитаты. Особенно привлекают зрителя комедии М. Ахмадова.

Много сделал он для сохранения и развития чеченского языка и культуры. Телезрители не только в Чечне, но и далеко за ее пределами с нетерпением ждут очередной передачи Мусы Ахмадова «Башня знаний», в которой соревнуются команды юных интеллектуалов из школ, колледжей и вузов республики.

Больших успехов достиг Ахмадов в прозе. Его романы стали классикой чеченской литературы. Работая над переводом на русский язык романа «Река текла в ночь» и повести «Косари», я испытал истинное творческое наслаждение.

Ахмадов – великий труженик. Своим незаурядным талантом и упорным трудом он достиг больших успехов в литературе. Он один из тех, кто поднял чеченскую литературу на новый уровень. И я горжусь тем, что являюсь современником и соратником этого замечательного человека.

60 лет – это юность для кавказца. Здоровья и новых творческих успехов тебе, Муса!

*Абу Исмаилов, писатель, поэт,
автор словаря «Дош»*

Кому много дано, с того много спросится...

60 лет – пора духовной и творческой зрелости. Много это или мало для творческого человека, впрочем, как и для любого другого, определяется не количеством прожитых лет, а тем, что им сделано для близких и дальних, если повезло – и для народа, наконец... Надо признать, Мусой Ахмадовым написано и напечатано немало во всех родах искусства художественного слова: в прозе, поэзии, драматургии. Один перечень изданных им произведений мог бы занять непродуктивно много для юбилейного слова места. Тем более, что с библиографией всего опубликованного им и о нем, можно ознакомиться в Интернете.

Имя Мусы Ахмадова чаще других произносится в ряду имен выдающихся чеченских писателей. Его писательский труд отмечен многими наградами и званиями, в числе которых и высшее из них – народный писатель.

Но и это не главное. На мой взгляд, на сегодняшний день главное для чеченского писателя, чтобы его слово служило бальзамом на раны соплеменников, оставшихся в живых после двух последних истребительных войн, унесших тысячи жизней мирных людей, так и не успевших понять, в чем и перед кем их вина... Под «бальзамом» в данном случае я понимаю живое чеченское художественное слово, которое, несмотря ни на какие исторические перипетии, продолжает радовать сердца наших сограждан.

Муса Ахмадов из тех, кто понимает, что именно на этом поприще он действительно будет востребован как национальный писатель, писатель для народа.

Дальнейших успехов ему на этом благословенном пути!

*Казбек Гайтукаев,
кандидат филологических наук*

Память**Зайнди Дурдиев****Холодная зима 44-года**

Очерк

Зима 1944 года. Примерно за неделю до начала депортации чеченцев на окраине нашего села расквартировались красноармейцы. Военных было так много, что взрослые невольно задавались вопросом: «Что же они тут делают, ведь идет война?»

Сельские мальчишки с любопытством разглядывали невиданные доселе в этих краях вездеходы, которые, меся непролазную грязь, всю ночь прокладывали дорогу к нашему селу.

На улице было сыро и холодно. Кто-то из взрослых сказал, что «студбеки» появились в нашем селе неспроста. Тогда еще никто из чеченцев не знал, что это за марка машины. Лишь спустя годы я вычитал, что это были «студбеккеры» американского производства. СССР получил эту помощь от своих союзников по линии «второго фронта».

Накануне 23 февраля выпал снег. Всю ночь мама не находила себе места. С утра к нам зашли две соседки, и одна из них, более говорливая, не то спросила, не то сказала: «Немцев прогнали с Терека уже два года назад, вот только непонятно, что здесь делают красноармейцы. Каждый день навешиваются в село. То им чурек подавай, то сыр».

Женщины еще некоторое время посетовали и разошлись по домам.

Отца нашего на тот момент не было дома. Его мобилизовали на восстановление нефтяных промыслов Малгобека.

Двое моих братьев с первых же дней воевали на фронте. В 1943-м на старшего из них пришла похоронка. Он погиб на подступах к Сталинграду. Отец, зная, каким ударом это сообщение станет для нашей матери, похоронку спрятал, а нам велел ничего ей не говорить.

...Ночью в дверь глинобитного дома, где жила наша семья, громко постучали. Мать спросонья, замешкавшись, сначала ничего не поняла. А когда стук усилился, точно почувствовав неладное, заметалась по комнате.

Как только она открыла засов, в комнату вошли трое военных. Один из них, по всей видимости, старший по званию, тут же стал объяснять ей что-то на русском языке. Мама непонимающе посмотрела на военных. Тогда военный стал жестикулировать. И тут мама, точно очнувшись, схватила ведро с кукурузой и высыпала ее в большой платок. Завязав платок узелком, она стала собирать вещи.

Бросив на меня, брата и сестру взгляд, военные стали о чем-то переговариваться. Неожиданно один из них подошел к моему 13-летнему брату и, взяв его за плечо, повел на выход. Мать бросилась вслед за ними, но военные преградили дорогу. Я бросился ей на подмогу, а девятилетняя сестренка заплакала.

Как мы позже узнали, всех мужчин, начиная с 12-летнего возраста и старше, во избежание каких-либо инцидентов, красноармейцы собрали на берегу Терека, окружили их пулеметной батареей и пригрозили: если кто-нибудь двинется с места, всех перестреляют.

Мать, сестру и меня вывели на улицу, подвели к машине, которая стояла неподалеку от нашего дома, и приказали залезать в кузов, который уже был битком набит нашими соседями.

Ехали долго. Машина то и дело застревала. Солдатам, сопровождающим автоколонну, каждый раз приходилось толкать застрявший грузовик.

Поздно ночью мы добрались до железнодорожной станции, что находилась на противоположном берегу Терека.

До рассвета нас держали под морозящим дождем.

Помню, как женщины собрали всех детей в одну кучу, усадили поплотнее друг к другу и накрыли чем попало. На рассвете солдаты забросили нас в холодный и сырой дощатый вагон. Припав к зияющим щелям, мы стали звать родных.

Вскоре в вагон загнали и взрослых. Пока люди разбирались, кому куда сесть, двери вагона плотно закрыли. А через какое-то время раздался скрежет колес и состав тронулся.

Наша семья расположилась на голом деревянном полу. У нас не было даже покрывала, чтобы подстелить. Увидев наше бедственное положение, соседка дала матери свою кошму. Именно она спасала нас от холода и сквозняков все двадцать четыре дня, пока мы ехали в поезде.

В центре вагона стояла железная печка с длинной трубой. Она долго не топилась. Оказывается, на вагон не выделили дров.

На одной из станций нам наконец-то закинули дрова. В вагоне затопили. Из печки повалил густой дым. Люди стали задыхаться. Кто-то сказал, что дымоход, возможно, специально заткнули сверху, чтобы люди задохнулись. Тут же дымоход прочистили, и стало теплее.

В вагоне стоял удушающий смрад. Не было воды. Когда поезд останавливался на полустанках, мужчины выбегали из вагона, собирали пригоршнями снег. Потом его растапливали на печке.

После нескольких дней пути в вагоне начал свирепствовать тиф. Заболели и мы с сестрой. О медицинской помощи не было речи. На одной из станций из нашего вагона вынесли два трупа. Это были старик и ребенок. Трупы сложили у отмошков железнодорожного полотна.

Через неделю жизнь в вагоне относительно наладилась (если, конечно, это можно было назвать жизнью). Один раз в день нам давали суп из пшена и кусочек черного хлеба.

16 марта 1944 года наш состав прибыл на станцию Осакаровская Карагандинской области. На второй день двадцать семей загрузили в тракторные и бычьи повозки и по безлюдному снежному полю мы отправились в село Морозовка (ночевать пришлось в каких-то полуземлянках), что находилось в 60 км от станции. Людей разместили в небольшом здании сельского клуба.

Помню, как на следующий день в клуб пришла пожилая энергичная женщина. Это была врач. Гречанка Соня, как стали называть ее чеченцы, организовала баню, продезинфицировала нашу одежду.

В сельской больнице невозможно было разместить всех больных чеченцев. И тогда на помощь пришли женщины, чьи мужья были на фронте. Они забрали часть больных по домам.

До сих пор помню лица этих людей. Комендант Иван Свистков, председатель сельского совета Капаш Нургалиев, директор совхоза Иван Кукушкин, медсестра Вера Ермакова занимались проблемами спецпереселенцев. Благодаря человечности, которую они проявили по отношению к нам, многие из нас остались живы. До самого возвращения на родину (1957-58 гг.) мы жили как единая семья.

Говорят, мир держится на добре и человеческой любви друг к другу. И это правда.

Но были среди местных жителей и те, кто, поддавшись пропаганде, поверил в то, что чеченцы бандиты и безжалостные убийцы. Однако год за годом стена, искусственно воздвигнутая между нами, начала потихоньку рушиться.

Помню, как к нам в гости пришла одна солдатка. Поговорив с моей матерью, она сокрушенно вздохнула и произнесла: «Горемыки мы все».

Ни в каких документах, передачах и газетах тех лет не упоминалось о количестве депортированных народов. Даже в Большой Советской Энциклопедии, изданной в 50-х годах прошлого века, депортированные нации нигде не упоминаются.

У спецпереселенцев не было ни политических, ни юридических прав, они не могли быть избраны в госорганы, их не призывали на воинскую службу, не принимали в высшие учебные заведения, им не разрешалось создавать культурные центры. Был введен паспортный режим. Но, несмотря на все эти ограничения, вайнахи верили, что рано или поздно они вернуться на свою родину.

Великий философ и мыслитель древности Сократ изрек: «Зло имеет одно замечательное свойство – оно не вечно». И действительно, в 1954 году наступило политическое потепление. В сентябре 1953 года, после смерти Сталина, фактическим руководителем страны стал Никита Хрущев.

После завершения Второй мировой войны хваленая пропагандистская машина супердержавы Советского Союза начала буксовать.

Дискриминация, геноцид, массовые репрессии, миллионы заключенных в лагерях, массовые расстрелы безвинных людей в период правления Сталина – все это становится достоянием мировой общественности.

Одним из самых ярких борцов с коммунистическим режимом и разоблачителем лживой антинародной сталинской политики был наш земляк Абдурахман Авторханов. В 1948 году он представил в ООН меморандум о нарушении прав человека в Советском Союзе с фактами геноцида северокавказских народов.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в поддержку меморандума Авторханова выступила представитель Индии в ООН, мать премьер-министра Индии Джавахарлала Неру – Сварупрани Неру. Ее речь о народоубийственной политике колониальных держав, проводимой Англией, США, Францией и другими государствами, опубликованная в ряде европейских СМИ, произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Тогда же началась охота на Абдурахмана Авторханова.

Специально для этой цели в столицу Киргизской ССР Фрунзе (ныне Бишкек) прибывают посланцы Лаврентия Берии. Они начинают уговаривать Мовлида Висаитова, легендарного героя Великой Отечественной войны, только что изгнанного как чеченца из военной академии, чтобы он выехал вместе с группой террористов в Европу и уничтожил Авторханова. Выслушав послов, Мовлид ответил:

– Я уничтожил и могу уничтожить врагов, посягающих на мою родину, на мой народ. Но на истинных сынов чеченского народа, тем более на Абдурахмана, борца за справедливость, честь и достоинство униженного народа, я никогда палец не подниму.

Об этом факте рассказал автору этих строк сам Мовлид Висаитов в 70-х годах прошлого века.

С приходом Н.С. Хрущева к власти бывшие работники партийных органов в Чечне, среди которых были и участники Октябрьской революции, Гражданской и Отечественной войн, решают обратиться в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР с просьбой о пересмотре постановления Государственного комитета обороны о выселении чеченцев, ингушей и восстановлении Чечено-Ингушской Автономной Республики. Этому решению в немалой степени помог случай. В 1954 году Н. Хрущев приехал в Казахстан на смотр подъема целинных залежных земель. Было это в летнюю пору. В одном из колхозов Осакаровского района Карагандинской области Хрущеву показали, как идет пахота на целинном поле.

Хрущев, по свидетельству его биографов, был коммуникабельный и энергичный деятель. И он пожелал поговорить с трактористом, который, заметив большую группу людей в конце загона, свободно поднял лемеха плуга и, не останавливаясь, пошел на следующий круг.

Хрущев попросил привести тракториста, чтобы поговорить с ним.

Беседа состоялась. Хрущев, удовлетворенный встречей и беседой с трактористом, спросил, есть ли у собеседника к нему какие-нибудь вопросы или пожелания.

Тракторист – бывший заслуженный механизатор Чечено-Ингушской Республики – поведаль секретарю ЦК КПСС о положении чеченцев в Казахстане. И тогда Хрущев пообещал рассмотреть вопрос о спецпереселенцах.

В скором времени в народе прошла молва, что чеченцам разрешено перемещение и переезд в пределах Казахстана. Но события только начинались.

Ополитических баталиях, которые проходили при закрытых дверях в строжайше секретных условиях в Президиуме ЦК КПСС по вопросам депортированных, репрессированных, необоснованно обвиненных заключенных деятелей, рассказал в 50-х годах Председателю Правительства ЧИАССР Муслиму Гайрбекову Председатель Правительства РСФСР Дмитрий Степанович Полянский

Бывшие члены Государственного комитета обороны СССР В. Молотов, Л. Каганович, Г. Маленков, К. Ворошилов и еще некоторые члены высшего руководства были категорически против пересмотра постановления ГКО. Дело в том, что именно они были причастны к проводимой репрессивной политике в стране. Три раза они срывали заседания Президиума Верховного Совета СССР.

Особенно остро реагировали бывшие члены ГКО, когда вопрос касался Чечено-Ингушской Республики. Предлагали создать национальную автономию в пределах Казахстана.

Хрущев решительно заявил: «Половинчатого решения национального вопроса не будет». Вопрос этот, как мы знаем, для вайнахов разрешился положительно. А вышеназванные члены ГКО были изгнаны из рядов КПСС и освобождены от занимаемых должностей.

Зная бесстрашных вайнахов, их непоколебимую решимость бороться за свою честь и свободу, отстаивать национальную самобытность, трудно было поверить в то, что чеченцы и ингуши так спокойно согласятся со своей участью и исторической гибелью, как этнос.

Многочисленные письменные обращения чечено-ингушских представителей в 40-х годах прошлого века с целью добиться приема у высшего руководства ЦК КПСС и советского правительства до и после XX съезда коммунистической партии, наконец, получили свое положительное завершение.

Так, 9 июня 1956 года состоялась встреча представителей чечено-ингушского народа, среди которых были профессор Юнус Дешериев и писатель Идрис Базоркин, с членом политбюро ЦК КПСС Анастасом Микояном. Микоян заверил собравшихся, что обращение делегации чечено-ингушского народа будет передано Никите Сергеевичу Хрущеву, Первому секретарю ЦК КПСС. Более того, он обещал личное содействие в решении данного вопроса. Это окончательно убедило делегацию, что все депортированные народы будут восстановлены в своих правах и возвращены на свою историческую родину.

Наконец сработали разум и понимание государственной ответственности за жизнь и будущее миллионов людей.

После этого еще немало скрестят шпаги сторонники Хрущева и бывшие члены Государственного комитета обороны – Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов. Последние выступают против решения съезда партии. Как ком в горле станет для них и вопрос восстановления Чечено-Ингушской Республики на своей исторической родине. Чего ни придумают, каких только ни приведут доводов сталинские оборотни, чтобы выставить чеченцев и ингушей в негативном свете. Дойдет даже до утверждений, что чеченцы и ингуши этнически несовместимы с другими северокавказскими народами.

Однако историческая справедливость восторжествовала. В 1957 году советский народ стал свидетелем беспрецедентно смелого решения ЦК КПСС об отмене незаконных постановлений ГКО о ликвидации национальных автономий народов Северного Кавказа.

Дакаев Саидбек**Къонахчух дош**

Поэма

*Халонаш, харцонаш
 дуюхъалах Iиттарх, стогаллех,
 доьналлех цавухуш, халкъо, махко
 «къонах» аьлла тиллина сийлахъ
 цIе лелош шен дахарх чекхваьллачу,
 нохчийн гIараваьллачу поэтана,
 яздархочунна –
 Мамакаев Мохьмадана лерина язйо
 ас хIара поэма.*

И данне дацара
 Набаран гIенахъ –
 Сурта гIехъ ма-вара
 Юьхъ-дуюхъал гора,
 Куьг кхоччехъ вариий-м,
 Вацара генахъ
 Соьгахъа вирзина
 Букъ тоьхна корах.

Велахъ а, вацахъ а
 «И...» – ву-кха, аьлла,
 Со цуьнга хъаьбжжичохъ
 Висира воьхна.
 Со веа лаьттира
 НеIарехъ сецна,
 Вист хила ца хIуттуш
 Лаьтта бIаьрг боьгIна.

Поп санна, онда дегI
 ГIантара гIаттош,
 Цуо соьга вист хуьлуш
 Кхайкхира герга.
 – Дийцалахъ цIе муха
 Лелайо? – хоттуш,
 ЦIандина куьзганаш
 Доьхкира бIаьргех...

Соьгахъа бIаьрг тесна,
 ЦIе йоккхуш тIаккха.
 «Мичара, мила ву?» –
 Хаьттира соьга.
 Цаваьлла кийрара
 Масех дош доккхуш,
 Жоп дала дийзира
 Эхъ хетта вогуш.

И вар-кха ас вовза
 Сатуьйсуш хилларг,
 Куьг кхоччехъ, Теболтан
 Лам санна, лаьтташ.
 Харцонех дазделла
 Дукъ белштIехъ Iилларх,
 Ницкъ тоььнарг, цавужуш
 Доьналлехъ латта.

Цуо хьалха яржийна
 Йийшира тIаккха,
 Ас вовшах тийсина
 ЭгIаза байташ.
 Церан мах хадиьра
 ЦабогIуш, боккха,
 Ойланаш хъаййна,
 Даге къурд байта.

Ца гIерта дош екха,
 Сайн байташ йийца
 Къонахех тарвина
 Суо цаьрца вийца.
 Ас боху, дошала
 Вацахъ а говза,
 Дуьненан ирс дар-кха
 Къонахий бовзар...

И вар-кха къонахийн
 МагIаре хIиттош,
 ЦIе йоккхуш вийцинарг,
 Вуйцуш верг наха.

Даима нахалахь
Юьхь к1айчу х1уьттуш,
Лела дош дитинарг
Шел т1аьхьа даха.

Куьг делла: «Сан жима
Доттаг1а, – аьлла, –
Со а ву сайн ц1арах
Довха дош хезнарг...»
И сунна дицделла
Гена цадаьлла,
Леладо ас иза
Дагах д1атесна.

Кьонахчо деллачу
Куьйгера яьлла,
Йовхо ю х1инца а
Сан куьйгах юьйлуш.
Дуьненан мах болу
Ирсан кхаж баьлла,
Со 1ийна воккхавеш,
Дог кура дуьйлуш.

Халкъана, махкана
Сагатдеш лезна,
Довха дог г1иттадеш
Турпалчу кийрахь
Генара мохь тоьхна,
Аьлла дош хезна,
Лаьмнаш а цецдевлла,
Ладоьг1уш 1ийра.

Шелано шакарца
Кадетта шийла,
Техдоцчу кьиношна
Базбелла бала,
Генарчу Даймахке
Сатуьйсуш хийла,
Лайна цуо, цатуьгуш
Кочара бала.

Цул т1аьхьа д1адевлларш
К1ажошца хьоьшуш,
Хан-зама д1айоьду
Берг тесна, гена
Т1улгаш т1е хьаьрк тесна
Йозанаш доьшуш,
Кхета уьш цахилар
Дицдаллал къена.

Ехачу ирхенийн
Белшех катуьйсуш,
Халонех дуьйцина
Некъаш ду деха.
Ца къарлуш, 1ожаллин
Кхийсаршца къуьйсуш,
Даьккхина доьналла
Даима деха.

Органо кьонахийн
Ойланаш луьттуш,
Буьрсачу тулг1енийн
К1айн чопеш кхуьйсу.
Куьйсачу кхерашт1е
Йозанаш х1уьттуш,
Т1улгаша шайн магтахь
Кьонахий буьйцу...

Генарчу заманан
Йохалла муьйлуш,
Т1улгаш т1е лар тесна
Язделла хьаьркаш
Гулдина т1улгашца
Къамеле вуьйлуш,
Цунна вайн дайн амалш
Карийна цаьрца.

Хьаннашка, даккъашка
Буьрса г1ов тесна,
И чуйна йоккха-топ
Ца хеза юьйлуш.
Махкана, кьомана
Сагатдеш лезна,
Кьонахчуьн кийрара
Дилха дог къуьйлуш.

Юкьех ка шаьлтане
Ца кхийда дада,
И пенах кхозуш ю
Меттах ца йолуш ,
Леста-яц и дег1ан
Меженаш кхада,
Кхин цуьнга цхьаммо а
«Стаг ве», - цаолу...

Генара деана
Сан корах летта,
Мас-1аьржа ч1ег1ардиг,
Цхьаь дуьйцуш, дека.

Бос-хаза олхазар
 Тоъар ду, кхетта,
 Хууш ду безамо
 Цабойтий бегаш.

Чеглардиг, ма-дара
 Ахь дийцахъара,
 И вовза аьтту хъан
 Мичара баьлла?
 Кост эцна, хьо хъажош
 Даймехкан ара,
 Х1ун дара, хьоьга цуо
 Таьххъара аьлларг ?..

Накъостий, г1овтталаш,
 Ма 1елаш ховший!
 Къонахийн сийлара,
 Когашт1е х1итта!
 Вай бертахъ дехийла,
 Дезийла вовшийн,
 Ког тийса, харцонаш
 Дуьхьал ца х1уьттуш.

Даймахко хъакъвина
 Геланча хилла,
 Къонахчо деана
 Даймехкан косташ
 Мегар дац, – боху цуо
 Лар некъах тилла,
 Дог доккуш, адамийн
 Даг т1ера восса.

Даймахко хъакъвина
 Цуо вайга боху.
 Биц ма бе ненан мотт,
 Г1иллакхаш къоман,
 Юьхь1аьржа х1иттавеш,
 Уьш хъеша вог1ург,
 Лаятта т1ехъ цаьрга хан
 Яккхийта чомахъ.

Серлонан садогуш,
 Седанах летта
 Юьхь цагуш деха ду
 Къонахийн дахар –
 Царех дош гулдина
 Вай т1ек1ел детташ,
 Дийцаро кхачадац
 Мел гена даларх.

Вайгара схъаэцна,
 Т1аьхьено кхана,
 Замане дуьйцур ду
 Къонахех лаяцна.
 Къонахий кхачабахъ
 Дуьне ду цхъана,
 Дола дан, да воцуш,
 Духу хан кхаьчна...

Доттаг1ий, накъостий,
 Ма 1елаш ховший!
 Дег1 нисдеш г1овтталаш
 Къонах т1евог1уш!
 Вай даьал, сил дукха
 Дезийла вовшийн,
 Юккъешха безаман
 Херо ца йолуш...

Воспоминание вдруг оживет,
Как будто мостик
 меж тобой и мною...

Брату с Земли

Дни убегали вслед за солнцем –
Являлось снова – день другой.
Ты помнишь: целый мир в оконце,
И двор – дорога в мир иной...

Мы были, брат, тогда бессмертны
В волшебном Городе Детей.
Там время было незаметно,
И люди были чуть добрей...

И юность, что взлетела птицей,
Не возвратится никогда...
Лишь в сердце Счастьем возродится
Мечта, возвращенная в годах.

И через годы расставанья,
Сквозь муки – каждому свои –
Брат, сохраним воспоминанья
О том, что мы пришли с Земли...

Утешась небом голубым

Утешась небом голубым,
Забыл вчерашний грохот грома.
Я не всегда бываю дома,
И потому мне сладок дым
Костра под небом голубым...

Так и приходит к нам беда

Уснуло все... Лишь невзначай
Коснется ветер на мгновенье
Цветка... Затих волшебный май.
И птиц пресыщенное пенье
Вовсю рисует сердцу рай.

С небес, с невиданных глубин
Жара проникла в сердцевину
Моих чарующих картин.
Рисует в небе Господин
Одну последнюю картину.

Неуловимо все вокруг
Вдруг изменилось. Ветер вздрогнул.
Небесный натянулся лук –

Как будто кто-то вдруг расторгнул
Сплетение волшебных рук.

Так умирает красота,
Гремя безумною грозой,
Под барабанный стук дождя...
Так и приходит к нам беда,
Маня погибельной красою.

Полет души

Сверкает солнце в небесах,
Кто освятил нас этим светом?
Кто сединою на висках
Полет твоей души отметил?

Кто говорит биением сердца,
Как будто в сердце бьет родник?!
Ах, не случайно, Циник, этот
Взгляд в небеса... как будто крик!

Он открывается в твореньях
И учит вечности за миг...
Вся эта жизнь как откровенье,
Здесь ты и Он... мир на двоих.

Сверкает солнце в небесах,
Кто освятил нас этим светом?
Кто сединою на висках
Полет твоей души отметил?

Мечты на луне

Дождь осенний тихо каплет.
За окном единорог
Тонконогой белой цаплей
Ночкой скачет со всех ног.

Я смотрю, уставший за день,
Через сетку и стекло:
Сколько луж у дома сзади
Тихо-тихо натекло!

Я старею... я старею...
Ах, убил бы эту лень!
Станцевать бы – не умею...
Вот пишу тут дребедень.

Слышу, плотными рядами
На озябшие листы
Звезды пали небесами.
Между ними я и ты.

С каждой каплей груз тревоги
Покидает плечи мне.
Я мечты доверил Богу,
Посадив их на луне.

Долго ясными ночами
Я дарил луне мечты:
Вдохновенными очами
Мы сажаем там цветы...

Дождь осенний тихо каплет.
За окном единорог
Тонконогой белой цаплей
Гулко скачет со всех ног.

Звездная память

И белым облаком над домом
Струилась память о тебе...
Ах, мама!.. Забываю – кто мы...
И счастлив, что явилась мне
На сердце птицею небесной...
И тихо умолкала песня...
Светило пряталось во тьме...
И звезды, как воспоминанья,
Шептали снова о тебе.
О смерть! О жизнь... Какая тайна!

Зимняя вишня

Я вьюгу зимнюю застал,
Где сердце только дни считало.
Оно вдруг верить перестало,
Разбившись волнами меж скал.

Я не хочу тебя будить...
Чтобы опять разбить о скалы?!
Не знаю, где мы потеряли
Мечты таинственную нить.

Все есть в тебе: и нежный взор,
И пыл, и царственная поступь!
Но как не просто... как не просто
Вернуть на сердце тот узор!

Чтоб все значенье обрело,
Чтоб сердце снова биться стало...
О, как внезапно ты устала,
Вкусив приправленное зло!

Так прячу я свою весну,
Как будто вор, укравший счастье...

И мир, разваленный на части,
Я в лепестках тебе несу.

Я вишню зимнюю застал...
И сердце только дни считало.
Оно вдруг верить перестало,
Разбившись волнами меж скал.

Так не хватает

И часто счастье – это грусть...
И часто счастье – это слезы...
И я под парусами мчусь
В страну, где вместо моря грезы.

Душа надеждою живет,
Так не хватает тайной веры
В то, что страдания – лишь лед
В руках невидимой Цереры.

Изображения вступают в силу

Изображения вступают в силу.
Не избежать творения миров.
И будто что-то мертвое ожило,
И тьма явилась из забытых снов.

И таинство волшебного явления
Мне не дает привыкнуть к естеству.
И дарит жизнь

бессмертные мгновенья,
И я из них рисую жизнь мою.

И трескается вновь творенья глина,
И вижу я, как изо всех щелей
Изображения вступают в силу,
Мир уместился на сетчатке дней.

Не знаю

Не знаю больше, что грядет во тьме,
Ночь эта невозможна... бесконечна.
Хвала Творцу, что улыбнулся мне,
Когда забыл я,
что мы мчимся в Вечность.

Не знаю больше... Тихо каплет дождь
По крыше позабытого сарая.
Ах, знаю я, что больше ты не ждешь!
Но это все равно, что я не знаю...

Не знаю больше...

Миг творчества

Исторгнув синь небес Земли,
Рисуя свет твоей улыбки.
Но лишь на миг... но лишь на миг
Я сохранил твой мир... столь зыбкий.

Инопланетяне

Когда в бездонной синеве
Друг друга звезды обнимают,
Становится вдруг страшно мне:
Как мы самих себя теряем!

Рука об руку – без души...
И сердца своего не слыша!
Безжизненны все дни твои,
Когда друг друга мы не ищем!

Быть может, потому во тьме
Мы в небеса так долго смотрим?!
Ах, научиться б только мне
Быть одиноким... и – быть кротким!

И иногда во мгле меж звезд
Нам мнится инопланетянин...
На сотни тысяч долгих верст
От сердца к сердцу мост протянут!..

Кто пишет сердцем

Кто пишет сердцем...
Кто читает сердцем...
Перед тобой истертые листы.
И каждый лист – как будто это дверца
В твои еще неясные мечты.

**Не в каждой ночи
прячется рассвет**

Закат мелькнет и пеплом догорит,
Его поглотит ночь гранитных плит.
Не в каждой ночи прячется рассвет...
И утро с нами не заговорит!

Другие вижу города

Другие вижу города
Взамен разрушенных войною.
Там не стареют никогда,
Там сердца чистая вода
Не проливается слезою.

Там небеса полны любви.
Там покаянными сердцами
Возносят люди дни свои
Вдаль от Земли... вдаль от Земли
В страну, омытую мечтами.

**Ты излечился
от сердечных стуж**

Где твой кораблик,
песня светлых луж?!
Где восхищенье
миром грез волшебных?!
Ты излечился от сердечных стуж,
Но где-то в небе
выронил душевность...

Кочевник

Я не спешил, ничто меня не ждало...
На улице стареющий «цыган»
Сидел с закрытым навсегда забралом,
Бегущих ног взирал слепой канкан.

Он не просил,
устав просить и верить,
Последний мой кочевник угасал.
Давно не открывал чужие двери,
Ну, а своих... своих он и не знал...

Николай Галибузов

Родился в 1948 году на Рязанищине. В 1952 году семья переехала в Грозный. В Заводском районе города прошли детство, отрочество и юность. Здесь учился в интернате, профтехучилище, работал электромонтажником. В 1967 году из Грозного ушел в армию. Через два года вернулся. Около полугода работал электромонтером на Новогрозненском НПЗ. Окончил Харьковский госуниверситет. Работал учителем в учебных заведениях Белгородчины. В настоящее время живет в городе Губкин Белгородской области.

Воспитан я излучинами Сунжи**Казбек**

Воды рек подкрашивались глиной,
Как ржаными сухарями квас.
Возвышаясь над речной долиной,
На Казбек указывал Кавказ.

Тот стоял, не допуская крена,
Много выше следствий и причин.
Был прекрасней всех
скульптур Родена
И гораздо круче всех мужчин.

Я смотрел с мальчишеским восторгом,
Как парит громада наяву.
Хоть не ладил отношений с Богом,
Чувствовал, что рядом с Ним живу.

Разом весь без скучных медитаций
И нелепых жестов шептунов
Я взлетал над иглами акаций
И владел блаженством синих снов.

Мир казался сотканным из связей
Тех, кто любит любящих не впрок...
Много лет я не был на Кавказе,
От него меня отвадил рок.

За Казбек признателен Кавказу.
Без Казбека Белогорье – гладь.
Я когда-то, будто по приказу,
О Казбеке исписал тетрадь.

Правил нескончаемо заметки,
Укрошал заносчивую пруть.

Понял я, чтоб стать явлением редким,
Надо над вершинами парить.

Горное озеро**Легенда**

Век прозябал аул в позоре,
Забыв уклад, что Богом дан,
И был всегда со всеми в ссоре,
Как ненавистный всем шайтан.

Аул не думал о возмездье
За каждый свой смертельный грех.
Но вышло так, что в этом месте
Искал пророк себе ночлег.

Переходя от сакли к сакле,
Приюта на ночь он просил.
Мороз крепчал. Ручьи иссякли.
Погас закат. Не стало сил.

От долгих поисков ночлега
И злого ветра жгло лицо.
А в саклях трескались от смеха
Большие рожи подлецов.

Жлобы растягивали губы
И хохотали в кулаки,
Не упустив, как пальцы грубы
Его трясущейся руки.

Дала приют в конце аула
Пророку бедная вдова.
В ее сыром жилище дуло,
Но снилась путнику халва.

Под утро, сон развеяв сладкий,
Сказал вдове он бодро: «В путь!
Иди на гору без оглядки
И то, что было здесь – забудь!»

Вдова в ущелье заглянула
И, охнув, уронила кладь:
На месте горного аула
Озерная сияла гладь.

Удачливость

Мой долгий век не преподнес okazji,
Прокралась только в голос хрипотца,
Ведь вместо денег, барахла и связей
Наследовал удачливость отца.

Удача от него не отходила
И предрешала важные дела.
Ее неопишуемая сила
Его до Эльбы целым довела.

Принес домой он орден и медали.
Семья росла, а голод был ретив.
Родиться мне помог товарищ Сталин,
Заранее аборт запретив.

Рязанщина уроки выживанья
Давала без утех до лет пяти.
Теряет карта прежние названья,
Но имя родины с нее не соскрести.

Любезностью Чечня не баловала,
Грозилась наказать за озорство,
Характер мой лепила из металла,
Чтоб я с Кавказом чувствовал родство.

Карелия мне ставила осанку
И укрощала норы на плацу.
Вопросы поднимали спозаранку,
Ответы походили на мацу.

Раздумывать учила Украина
О казусах истории Руси.
Морской простор
Крым открывал картинно.
Из неба звезды Белгород трусил.

Хоть звали в даль напевы расстояний,
Подолгу жил у стоптанных путей
И узнавал из откровений пьяни
О судьбах неприкаянных людей.

Я не спустил отцовское наследство.
Недолог список импульсивных трат.
Цветные сны,
как весточки из детства,
Я получаю в качестве награды.

Мой долгий век не преподнес okazji,
Прокралась только в голос хрипотца,
Ведь вместо денег, барахла и связей
Наследовал удачливость отца.

Музе

Любить тебя – прогнать десятки бед,
Приблизить рощу синюю от примул
И, видя, что творит велосипед,
Колючий терн
легко принять за стимул.

Любить тебя –
бежать под ливнем вверх,
Скользить и падать
на тропе раскисшей
И слышать сердцем
безобидный смех,
Звучащий, как раскаты грома, свыше.

Любить тебя – в овражной желтизне
Народных сказок различать приметы:
Вон пень Кошечем чахнет на казне...
Чу! Вздох рессор под золотом кареты.

Любить тебя – в алмазах декабря
Разглядывать параметры вкраплений
И помнить, над оценками корпя,
Что оценить не может жизнь раб лени.

Любить тебя – знать, истина нова,
Но с ней работать лучше по старинке:
Выдерживать горячие слова,
Как молоко парное в чистой крынке.

Любить тебя – не соблюдать фигур,
Как постную диету при колите,
Не наводить в поэзии ажур,
Но быть жокеем неумной прыти.

Ностальгия

Забуть Кавказ я пробую
И, видно, зря опять.
Готовлю сладость айвовую,
Чтоб грусть о нем унять.

К варенью через форточки
Летают стаи ос
И в сладость макают мордочки
Из окрыленных поз.

Набравшись теплой сладости
До верхней полосы,
Трут лапками от радости
Там, где у пчел усы.

Сластены полосатые
На кухне входят в раж,
Но шторы, будто статуи
У входа в Эрмитаж.

Стоят, дрожа от усталы,
С карнизом на плечах.
Не до осиною удали
Им в солнечных лучах.

Любители варения,
Транслируя мажор,
В двух разных направлениях
Летают между штор.

Во мне затея жаркая
Удерживает власть,
В тазу шумовкой шаркая,
Помешиваю сладость.

Осенних ос мелькание
На обомлевшем дне,
Как знаки препинания
На сладкой тишине.

Сгущает жидкость вкусную
Широкий медный таз.
Клонюсь над ним и чувствую,
Как тянет на Кавказ!

Ма!

Били в детстве меня
Во дворе за упрямство воловье,
Дома лез на кровать
И, уткнувшись в подушку, мычал.
Мать садилась бочком
И, ладонь положив в изголовье,
Обдувала уши
И водила рукой по плечам.

Под напором любви
Сил лишались щемящие боли,
И они без лекарств
Прекращали меня донимать.
Если память моя
Делит жизнь на неравные доли,
В самых крупных из них
Непрерывно присутствует мать.

Тех, кто били меня
Во дворе за воловье упрямство,
Многоликая жизнь
Развела по убогим углам.
Мне открыла она
Несказанное чудо – пространство,
Где весны новизна
И отсутствует осени хлам.

Из пространства любви
Выхожу по делам человеческим
И ломаю себя
О закрытое наглухо зло.
Стоит выстонать: «Ма!» –
И мои исчезают увечья.
Удивляется друг,
А соседи твердят: «Повезло!»

Долгая память

Задумавшись однажды, обнаружил,
Что замечал впоследствии не раз:
Недавнее я помню много хуже,
Чем молодость и Северный Кавказ.

Я в Грозном с репутацией задиры
Запечатлеть старался Сунжи бег
И наблюдал
с крыльца своей квартиры,
Как крутизну показывал Казбек.

Со мной этапы жизни были круты,
Впивались беды тысячами жал.
Из местностей,
дававших мне приюты,
На поезде я в Грозный приезжал.

Когда у пруда запинался поезд,
Спускался в ночь на станции Алды,
И разнотравье кланялось мне в пояс,
Окутывая дымом лебеды.

По пустырю к последнему трамваю
Я нес себя, пугая ношей тишь,
И гнал трамвай,
как гнал коня к Сараю
Из-под Москвы с победой Тохтамыш.

На кольцевой трамвайной остановке
Меня со сна поселок мой встречал,
Я тоже был в общении неловким,
Без склонности
к торжественным речам...

Известие пришло из Интернета,
Что мой поселок выбила война.
Теперь я зябну даже возле лета,
Как будто в том есть и моя вина.

Недавнее я помню много хуже,
Чем молодость и Северный Кавказ.
Воспитанный излучинами Сунжи,
Их начертание читаю, как наказ.

Казбеги Александр**Циция**

Повесть

*Чаккхе. Юьхь еша №11-12.***VIII**

Корглакъа хлума йиьна велира. Бухайиснарш схьа а лахыйна, таьллаш ги тесира Бежияс.

– Хинца ца глур ву со! – олуш, хьалаглаьтира Корглакъа. – Ас доьху хьобга, Бежия, жега дика хьажар, йовхоно цунна ницкъ цабийрриг.. Кесткестта лийчаделах уьстагий, глум деглах ца йолийтархьама, иза ца дича уьстагий аз а ло, таргла боьха а, туьлуш а хуьлу.

– Цхьана а хлуманна са ма гатде!

– Дика ду, дика, хьох тешна ду-кх дерриге уьстагий! Дела ву-кх вайх кьинхетам беш, тахарий хыйкына ду, уьп дика хьала цаххиор эхь ду.

– Ас нах хьобгтург кхиор ду хьуна уьш-м!

– Йодика йолда, Гиворгин ойлану аьтто болда хьан! – Женан да длавахара. Масех глурч яьккхинчул глаьхьа, кхин цкъа а жане блаьрг тохархьама юхяхьажира иза. Кожжалгана тле а тевжина, леррина шена глаьхьахьобжуш лаьтта Бежия гича, цецвелира иза, жалу члогла дог-ойла йобхна, глайглане гича цунах кьахийтира Корглакъана.

Жимачу стеган дагахь долчух а, цунна шега ала луачух и кхийтира Корглакъа, шен жималла дагаеара цунна, жалуьнам дог эца дагахь хилира хлара, амма иза дан тарлуш дацара «клезиг са а гатдина, тлаккха йицлур ю», – аьлла, сацийра цо дагчохь, длаваха дла а волалуш.

Амма Бежияга са ца тохаделира.

«Дерриге длаэр ду ас, дуьххьал длахайта деза, ткьа цигахь хуьлда шена ша хирриг!» – боху, ойла кийрахь я йолуш, Корглакъе мохь туьйхира цо.

– Цла дахыйта цхьа кост-м дац хьан? – хьаттира Корглакъас, цуьнца кьамел хилар лууш воцучу.

– Дац! – элира Бежияс, корта лохха охьа а бохуйтуш.

– Со ладуглуш ву, жима стаг, схьаалал хьайна дезаш дерг!

– Бехк ма билла, хьан йол езаш ву со!.. – олуш, мохь а болуш, жалу оцу сохьта тапп-аьлла длатийра.

Оцо дуьххьал схьаэр дац мьбтуш, тлехула кхунна жоп дала дагахь вара Корглакъа. Бежияс шен дагахь дерг дуьххьал схьааларо цецваьккхира хлара, воьхначу кхунна ша билгало йоллуш хлун ала деза, хлун жоп дала деза ца хаьара.

– Еза бах ахь? – аьлла, юха хаттар дира цо ша дийриг хлун ду а ца хууш.

– Дера еза сайн сил дукха-м! Иза соьга яла хлунда ца лаьа хьуна?

– Сих ма ло, жима стаг! Боккха бахам хаарца, хьекьалца лело беза. Хьо хинца а жима ву, зеделларг дац, ткьа сан цхьаь бен йол яц, кхин стаг вац...

– Корглакъа, вайшиь ший а ахархо ма ву... Хьан бахам, дуьйцийла йоцуш, боккха бу, ткьа со а ма вац хлума а доцуш... Цу тле йолана а ма веза со, иза кхечуьнга муха ялалур ю хьобга?.. Ткъа мила хлуттур ву иза соьгара яккха. Дуьне кьахьдийр ду-кх ас цунна.

Оьглазвахарна Бежиян блаьргех суьйнаш туьйсура, дозаллица дегл нисдеш

длахлоьттира иза, цо хадам боллуш аьлла дешнаш дагчу дийшира Корглакына, амма дуьхьалдла жоп ца луш, эсала элира цо:

– Тойта, жима кьонаха!.. Жимма собарде... Вай вовшийн довззалц.

– Делахь хлета догдохийла юй сан? – элира Бежияс, даггара, сихха.

– Кьонаха даима а хила веза ша дагалаьцначух догдохийла йолуш! – аьлла, жоп делира Корглакьас, шен дагахь и захало цахилийта массо а аглор дуьхьало ян сацам а беш.

Ткьа хьинца вало жа тле, ткьа со длаглур ву, цла ваха тлаьхьавуьсу со. Корглакьа новкьавелира. Дукьал тлехьа кестта кьайлавелира иза.

Бежия ша хиллачу юхавирзира. Кхеттане а хиллачу кхеташ вацара иза: йоблан дас догдохийла йити цунна я яллане а лур яци эли?

IX

Клорглакьа шен цла кхочучу хенахь, малх лаккха баьллера. Селхана ша сагатдина долу дерриге а дицдина, тахана Бежияца шен хиллачу хабаран хьокьехь ойланаш ян велира иза.

Ма дарра аьлча, Бежия – куц долуш, хаза, шуьйра белшаш йолуш жима стаг вара. Цуьнга эцалур дара цуьнан йоблан дог. Ткьа иза иштта делахь, кхо дуьхьало ян оьший техьа, церан ирсана дуьхьало ян оьший техьа? Дас новкьарло, дуьхьало яро шен йол дакьазаяьккхина, цуьнан дерриге дахар жимачохь дуьйна глайглане дина меттигаш дуккха а йовзара цунна. Ткьа делахь хлета, шен йолах доглозуш волчу дас хлун дан деза, нагахь йолана везаш верг Корглакьа санна волчу стеган нуц хила хьакь волуш ца хилча?

Оцу дерригенан а хьокьехь клорггера ойланаш ян велира Корглакьа, цуьнан бос хийцалора, хала, кьаста ца даллал хала глуллакх дара иза – тлехлоьттинар.

Хлетте а Корглакьас, шен доьзалехь вуьззина да хила лемана волчу, шен лаам дуьхьало йоцуш кхочушбайта лемана волчу воккхачу стага, шена члогла эхь-бехк лорура йола шега лацадоглар. Цундела хийцалуш цхьа ойла оьхура цуьнан дагчу.

Шен цлийнан нелсагле ша кхочушехь цо хадам боллуш, амма меллаша элира:

– Ткьа юьхьанца иза хьаьстина хьожур ву со, нагахь тле ца ерзахь, тлаккха ницкь ца гайтича бер бац.

И сацам цо тлеобцушехь, оцу сохьта цлехьхана буьрсе хилла длахлоьттира цуьнан юьхь-сибат, цлоцкьамаш дусаделира, балдаш тлеттладаьхкира, члешталгаш кхин а чуэгнера, собаре, дика ойла йолу воккха стаг макхвелла, кьинхетам боцуш хилла длахлоьттира.

Иштта волуш шен цлийнан нелсаглетх чохьавелира иза.

Цкьа юьхьанца чухула воьхна дласахьаьжира иза, тлаккхли йоле оьглазе мохь туьйхира цо, иза дехьа чохь ю моьттуш, Цхьа а вист ца хилира, кхо кхин цкьа а йоле кхойкхуш мохь туьйхира. Юха а цхьа а вист ца хилира. Цлехьхана оьглазвахар дладолуш глайглане хилира хлара, дог члогла деттадала дола делира, кхо юха а йоле кхайкхира. Хинца кхуьнан аз кледа – мерза, сингаттаме дара.

– Иза стенга яха тарло? – элира цо хеззаш, глайглане, глийлла чухула дласа а хьожуш. – Яахлума кечья члийш дан яхана хьуна иза, – бохуш ша-шен дог-ойла глатто глергара иза, амма дог глайганехь, вочух кхоьруш дара.

Хлун дан деза а, Циция мичхьа лаха еза а ца хьйна, товхана хьалха, лохчу гланта тле охьа а хьйна, ладегла велира иза. Хан длайоьдура, ахархоша делкьана кхача боу хан тлехкочуш лаьтгара, ткьа йол хинца а цла яза, яра. Оцул дукха иза хьейлар, цла а, доьзал а дла а тесна, иза лелар хила тарлуш хлума дацара.

Ціеххана дагаиккхинчу ойлано цецваккхира Корґлакъя.

– Ямартло йи-кха суна цу йо1а, – элира цо ша шегә.

– Оццул дена халахетар муха дийр ду, шена хуьлуш болчу тамана, оццул сан дагна лазар муха дийр ду... Нагахь иза цуьнга яхнехь, аса и шиь ший а дуьйр ду! – пенах кхозу топ схя а эцна араиккхира воккха стаг.

Х1ара т1аьххяра а тешна вара шен йо1 Бежия волчоьх хиларх а, цо иза лечкьош а, Циция ц1азамаш лахь яханчуа, ша 1ехийна хиларх а.

Хьераваьлча санна, кевне хьаьддачу кхунна дуьхьал1оттавелира герзаш керахь волу стаг. Вевзаш воцург, схьахетарехь, ч1ог1а сихвелла воґлура, хи санна, юьхь т1ера охьаоьху хьацар куьйгаца д1а а хьоккхуш.

– Далла хастам бу-кх хьо суна ц1ахь карийначу, Корґлакъя! – элира цо сихха.

– Х1ун хилла, Темаркъя?.. Алал! – воккхачу стеган тоха са дацара.

– Хьан йо1 ядийна! — элира веанчо чехкка.

Воккха стаг цецваьлла, воьхна висира, стелахаьнтиго санна оцу хаамо 1адийра иза. Вехха 1ийра воккха стаг вист ца хуьлуш.

– Делахь х1ета, ядийна-кх иза!.. – элира цо меллаша.

– Х1аа, ядийна! – аьлла, доцца ч1аг1дира Темаркьас. – Ткья хьо х1ун деш лаьтта, сихо ян еза!

– Хьо бакьлоь, Темаркъя!.. Сихо ян еза, – воккха стаг ойла ян велира, ц1еххана серладевлнра цуьнан б1аьргаш, оьг1азаллех дуьзна дара уьш. – Ас Делаца дуй боу хьуна, сайн дахар ца кхоо а, ткья сайна т1едаийтинчу эхьана бехкеволчунна айса доькхург хиларх а! Дийцахьа, мила ву сирдоьллачу можан чоьшна х1ара эхь динарг?

Х

Корґлакъяна дукха хенахь дуьйна вовзара Темаркъя, цо лелочу ямартчу х1уьмалгийн хьокьехь а хезнера цунна. Ларсан лаьмнашкахь лелочу дерриге боьхачу г1уллакхийн хьокьехь, кхунначул дукха а, дика а хууш волу стаг вацара. Иштта волчу Темаркьас оцунах к1езиг пайда ца оьцура. Цундела воккхачу стагана дика хаара иза ша волчу шех кьахетта, я доттаг1аллии ойла йолуш ца веанийла: иза кхуза валийнарг цуьнан ямарта дог дара, х1окху нисделлачу пайдабаккхар дара.

– Схьадийцал, Темаркъя, хьан ядийна сан йо1, ма дезза даьхний лур ас хьуна.

– Ткья мел х1ун лур ду ахь суна? – аьлла, дуьхьалд1а хьаьттира Темаркьас.

– Мел х1ун деза хьуна?

– Говр карийча итт туьма ло, ткья х1ара хьан йо1 ма ю?

– Ткья х1ун мах боьху ахь? – йоьлан да сихвеллера.

– Шовзткье итт 1ахаррий, пхий кай.

– Д1аэцахьа хьайна лаахь кхузткья а, амма сихха дийций валахьа.

Оццул комаьрша и хиларо Темаркьин б1аьргашна чу бода х1оттийнера. Воккхачу стагана хьалха хьесталуш корта охьабахийтира цо, хезаш стаг вуйтехьа, аьлла, гонаха д1аса а хьаьжна, меллаша элира цо:

– Сахуьллуш цхьаммо сан ков а тоьхна, ч1ог1а мохь тоьхна кхайкхира соьга. Ас хьаьттира: «Мила ву?», суна жоп делира: «Со ву х1ара, Джанхотан Солта!»

– Джанхотан Солтий! Майралла г1араваьлла волу нохчий? – боху хаттар а деш, цецвелира воккха стаг.

– Х1аа, Солта вара иза... Со шена дуьхьалваьлча, цо соьга элира: «Г1алг1азкхашкара яьккхина говр ялийна ас хьуна. Бурет1е йигар ца магадо ас хьуна, цигахь корта лаца тарло, амма Тбилисе йигахь дика мехах юхкур ю ахь. Амма ахь суна цхьа г1уллакх дан деза, – элира цо кхид1а. – Хи дистина,

дехъавала меттиг ца карайо суна, хих дехъавала г1о де суна. Соьга хъешана дуьхъало ца яелира, цуьнца бердах чувоессира со, кхуззахь бен ца хиира суна хъан йо1 йигар... Х1ун дийр дара ас – хъешана дуьхъало ца яелира соьга; гомхочухула дехъавала цунна г1о а дина, ткъа т1аккха, ц1а а ца вьодуш, дуьххьалд1а хьо волчухъа хаькхира ас... Хьо волчохь туьха-сискал диьна ас, ткъа иза доккхачу меха ду! – аьлла, чекхдаьккхира Темаркъас шен хабар.

Цуьнга ла а доьг1уш, вист а ца хуьлуш 1аш вара воккха стаг. Шегахь долчу халчу хьолах оцу сохьта кхийтира иза. Джанхотан Солта доьналлиций, майраллиций г1араваьлла вара, цу т1е иза шен махкахь, шен гергарчарний, доттаг1ашний юккъахь а вара, цунна массара а г1о дийр ду, иза схьалур вац. Цъха волчу кхо, воккхачу стага муха къуьйсур ду цуьнца?

Ц1ехъана дагадеара цунна: «Бежия ца хилла мила хир ву кхунна г1о дан, кхуьнгара бала эца?»

Шен гергара ши стаг т1е а кхайкхина, царна д1адийцира хилларг Корг1акъас, шен ц1ийне а, бахаме а хъажар царна т1е а диллина, т1аккха ломан жаш долчу – Бежияна т1евахара х1ара.

XI

Ядийна йо1 ялош вог1у Джанхотан Солта шен некъахочуьнца цхъаьна Ларе олучу юьрта чу кхечира, цхъана къора, яьссачу меттехь говрашкара охъабиссира уьш.

Пачхьалкхан новкъа вахар ч1ог1а кхераме дара, х1инцале сахила доладеллера, массанхъа а лаьтгаш дуккха а г1арол дара. Хих пурх неканахь дехъа а бевлла, Джайраханан ломал дехъа а бевлла, йоккхачу Нохчийчу охъабаха безаш бара х1орш. Амма х1инца а ларбалар дара ч1ог1а оьшуш... Г1аролехь болчу г1алаг1азкхаша дуккха а зуламаш динера ламанца болчу нохчашна.

Лекхачу лома т1ехула дехъадовла дезара я лаха чухула боьдучу, т1екхозуш лаьтгачу Дарьялан ломан бердийн ирачу йисташца: цхъа ламанхой бен лелалуш боцчу оцу халачу некъа д1адаха дезара.

– Муртаз! – меллаша накъосте кхайкхира Солта.

Х1ара кхийтира. Шен говран урх Солте д1а а елла, чоин т1емаш хъала доьхкарх а доьхкина, г1айг1а йоцуш чувоессира иза.

Цхъа хан яллалц хезаш х1ума дацара. Береш а, говраш а, т1улг санна лацабелла, шашь болччохь лаьтгаш бара. Т1аккха к1еззиг тата а хезира, лаьтта бухара схъаваьлча санна, гучувелира Муртаз.

– Бехна бу! – элира цо доцца!

– Х1инца а молуш бу?

– Молуш бу, амма шашь х1ун леладо ца хууш бехна бу.

– Ткъа вай муьлхачу новкъа даха деза?

– Дуьххьалд1а г1о вай!

– Вайца йо1 ма ю... Кхераме дац?

– Х1умма а дац, вайца лералур дац цаьрга.

– Говраш юй цаьргахь?

– Яц.

Шен тешамечу доттаг1чух Муртазах тешара Солта.

– Жимма са а до1уш, Дела дагалоцур вай!

– Сада1а хан яц!

– Гуттара г1ельелла-кх иза, – олуш, Циция йолчухъа корта ластийра Солтас.

– Цигахь, кхерам боцчохь, садо1ур ду вай...

Х1ара дийцар дешархой цецбевр бу, буьйсана г1ароллех1 болу г1алг1азкхий герзаш а, говраш а йоцуш х1унда бара-техъа бохучух, ткъа г1уллакх иштта дара.

Муртаз, шен накъостех дла а къаьстина, меллаша, ларлуш цле йогучу кхерча иисте веара. Цунна гинарг тамашена хлума дара.

Юьстах лаьтгаш яра тлехь чаглар чохь долу пӀаьлдигаш а долуш, говраш дла а хецна йолу вордана. Буьйсана тӀелатарх болчу кхерамах лардалархъама сацийна яра уьш, схьагарехь, ткъа варданийн дайша, баркалла олуш чаглар делира гӀалаглазкхашна. Чаглар дезаделира гӀалглазкхашна, цара кхин а кӀеззиг чаглар дийхира, кхин а дийхира, ткъа тӀаккха а дийхира. Амма тӀаьххъара а хӀорш кӀордийначу цара кхарна иза цаделира. ГӀалглазкий оьглазбахара, шаьш ца ларарна. ГӀалглазкхашний, ахархошний юккӀехь гӀеххъа буьй-тӀара йолаеллачу оцу минотехь, царна тӀекхечира Муртаз. Кхеташ ду, герзаш керахь долчу гӀалглазкхаша дукха хан ялале ахархой (варданийн дай) эшийна хилар, ахархойн коьрта лоруш верг оцу сохьта, куьйгаш а дихкина, божал чу воьллира. Ткъа важа болу ахархой юьстах тоба еш гул а белла хьожуш лаьтгара, гӀалглазкхаша, пӀаьлдигаш ворданашна тӀера дла а эцна, чӀаглар чийлакашна чудуьттуш.

Кхетамчуьра бовлалц мала а мелла, бехна гӀаролчаш цӀарна гонах охьаэгнера, хар а деш бийшина локкура уьш.

Ларлуш церан герзаш долчу тӀе а вахана, уьш юьстах а даьхна, генна дӀасакхийсира Муртаза. Ткъа тӀаккха вежна гӀалаглазкхи тӀаьхъа а волуш ежаш йолу церан говраш йолчу тӀе а вахана, иза вежха а вихкина, цуьнан бат а юькӀна, говраш хи тӀе охьа а ялийна, лаьхкина хинан вукху бердал дехьа ехира Муртаза. Джанхотан Солта шеца Циция а йолуш, Муртазица цхьаьна гӀароллина тӀехволуш, бехна гӀалаглазкий, шайн бехна тентак девлла кортош жимма хьала а уьйуш, кхарна тӀаьхъахьожура, амма юха а охьайгира уьш.

ХИ

Ерриге кхераме меттигаш тӀаьхъа а юьсуш, Темаркъа волчу кхечира береш, ткъа оцо уьш, вайна хууш ма хиллара, хих пурх дехьа а баьхна дӀахьовсийра. Ша диначу гӀуллакхна лур ю аьлла говр а эцна, дӀавахара иза.

Кхерам боцчу ваьлча, цле а латийна, яахлума кечьян хӀоьттира Солтий, Муртазий.

Метгах ца йолуш, гӀайгӀано шех тӀулг бича санна, юьстах лаш яра Циция. Цунна хаара шена гӀо хила меттиг боцийла, ша гуттаренна а шена везачух яьллийла.

Солтина иза хьаста, цуьнан дог эца, шена иза езаш хиларан хьокӀехь ала лаьара, амма кхузахь волчу шен накъостех эхь хетара цунна, вист ца хуьлуш луьла а уьйзуш лаьтгара хӀара.

ЦӀарна хьалха а хийна, сераш тӀехь шашлык а йоттуш, оцу гӀуллакхах чӀогӀа самукьадаьлла, берриге тидам цунна тӀебахийтина лаш вара Муртаз. Цхьа бахьана а доцуш, Солтий, Цицияй цхьаьна а дитина дӀавахар тамехь доцуш хетара цунна.

– Юург кийча ю! – элира Муртаза дозаллица, таьллашна чуьра кхалларрий, кӀалддий схьа а яккхина, лаьтта тесначу диттийн шуьйрачу гӀашна тӀе охьахӀоттийра цо.

Кхача баа охьахевшира хӀорш. Сутара хлума яа волавелира Муртаз... Амма цуьнан накъост тӀекхевдаш вацара.

– Яахъа, доттагӀа, аьтто баьллачуьра. Кхин маца а, мичахъа а юур а ца хаьа...

– ХӀун ду а ца хаьа, ца еза-кх суна, – элира Солтас, гӀайгӀане Цицияга дла а хьожуш, иза а яра яахлума ца езаш.

Хлума йиьна а ваьлла, Муртаз юьстахваларе собаре воцуш хьожура иза. ТӀаьххъара а вуьзна Муртаз, ша шашлык юуш яьжна даьлакхаш гонаха дӀаса

а кхийсина, дег1 даздаларна халла хьалаг1аьттира. Хьакхарша дуьзна куьйгаш кхекхийн кетарх хьаькхира цо.

– Вахана говрашка хьажа воллу со, – элира цо, – буц юькъо йолчу лохкур ю ас уьш...

– Хьайна дика хуур ду-кх хьуна! – элира халла Солтас.

Муртаза говраш борза т1ехьа яжа лаьхкина дикка хан яра, амма Солта х1инца а ша х1ун дан деза, Цицияга х1ун ала деза ца хууш, г1айг1ане, корта а оллийна лаш вара.

Цицияга хьаьжча, цуьнан азьелла, г1айг1ане юьхь гича, къахетий дог лаза долура кхуьнан, цуьнан б1аьргашна чохь хазахетаран, йоккхаеран билгало гархьама, иза ша юха ц1а юьгур йолуш санна хеталора кхунна.

Дукха г1айг1ане ойланаш ярний, говрахь бехха некь барний т1ех ч1ог1а г1елъелла йо1, г1орасиз хилла дитгах д1а а тевжина, наб озийна лара.

Кхин тоха са а ца хилла, цунна хьалха гора а вожна, йоле хьежа велара иза.

Цицияс парг1ат садо1ура, цуьнан нийсачу хазачу меран луьргаш, доьлучу сино, хьалауьйбуш меттахьхедора. Боккхачу безамца набарха йоьлуш яра цуьнан юьхь, ерриге ц1ийелла йолу. Схьахетарехь, самукъане г1ан гуш яра йо1. Оцу минотехь цул безамехь, цул хаза адам доцуш, оццул исбаьхьа яра иза, цхьана а кепара тоха са доцуш собар кхачийра Солтин. Гуш боцчу боккхачу ницкъо йо1ана т1ейизавора иза ша дийриг х1ун ду а ца хууш, йоьлан бета т1е шен бат ехьира цо, церан балдаш вовшахкхийтира.

Йо1 самаелира. Цо вон д1атеттира х1ара.

– Х1ун ду ахь дийриг, эхь доцург!

– Хьо еза-кх сунна! – элира Солтас гуьржийн маттахь. Цунна дика хаара и мотт.

– Еза дела бо ахь суна иштта ницкъ? Иштта ца хуьлу къонаха...

– Соьгара хьо бала, – аьлла, мохь белира Солтера, – ткьа хьуначул а алсам ницкъ ца хуьлу суна сайна?..

– Суначул а алсаммий? – ца ешаш елакьежира йо1.

– Хьо сол ирс долуш ю. Хьобга хьайна луьург дерриге а дайталур ду соьга... Ткьа ас, со? Дерриге дахарехь балахьегар ду-кх суна дан диснарг..

– Сацийта!.. Иза дийцарх со т1ехалур яц хьобга... Со – хьан йийсархо ю, хьан лаамна к1ел ю со. Амма хаалахь, хьо суна везавалийта ницкъ кхочур бац хьан. Сан безам бац-кх хьобга!

Халахетарна бос байра Солтин, б1аьргех хи делира цунна.

– Ахь сийсаз яькхи со, – бохура обг1азе Цицияс, – нехан белам бин ахь сох. Х1унда ядийна ахь со? – олуш, кийра кхехкаш, мохь белира Цицияга.

– Хьо сайна еза дела, суна санна цхьанне а, цкъа а езалур яц хьо, – элира Солтас халла, аз дегош.

Йоьлан дог мелла а кладделира. Цунах къахийтира цунна, цу т1е, цунна хьалха лаьгташ вара майраллина г1араваьлла волу, валарна болчу кхерамна хийла б1аьра хьежна волу, башха жима стаг.

– Йо1, – аьлла, д1адолийра Солтас, – хьо дуьххьал сайна гича, ас сайга элира: иза т1ех хаза безамехь ю, сан хила еза иза. Амма хьо керста ю, хьо ехийта сан бакьо яцара. Цундела ас ядийна хьо. Хьуна со везалур ву моттара суна, т1аккха дино вовшахдоккхур дацара вайша. Амма г1алатвалар го суна. Ала-хьа, х1ун де ас х1инца?

Лахха корта охьа а оллийна, йист ца хуьлуш лара Циция. Шелгаш дегоро гойтура цо к1оргга доьлу са. Цо шога деллачу жьопо к1ант кхин а карзахваккха тарлора.

– Алахъа, алахъа! – бохуш, дехарш дора Солтас. – Со кхечу динехъ хиларна реза яц хьо? – хаьттира Солтас коьртара куй хъала а теттина, хъаьж тлера хъацар дла а доккхуш, – ас дин хуьйцуьр ду-кх, нагахъ хъуна со везалахъ...

Глайгланах дуьзна шен блаьргаш цунна тле дерзийра Цицияс. Жимачу стагах къахетарна иза ша а яра сингаттамехъ, амма хлун дина оьцура дара цо цуьнан дог?

– Хлун жоп ло ас хъуна? Хъуна дан гло дац-кх сан, – элира йола.

– Иза а клеизиг ду?.. – бохура холчахлоьттинчу Солтас. – Хлун де ас? Бердах чу эькхий со? Ахъ алахъа, хлун де ас?

Ша ядийча, Цицияна моттара ша къуша ядийна, шена ницкъ бийр бу, ша сийсаза йоккхур ю. Амма дерриге а кхечу кепара хилира. Солтас ядийра иза, амма вала да воцуш, кхача орца доцуш, глорсиз йола шен карахъ йисча, сил дукха иза езаш, езаро маларочул а вахийна волу иза хлинца верриге а йоьлан лаамна клел, цо аьлларг дан кийча, сагла доьхуш санна, цуьнга дехарш деш вара.

Дукха дагахъ доцуш, цлеххъана нисделла сурт дара иза. Йоле клорггера ойла яйтира цо, цуьнан дагчохъ жимачу стагах къахетар иккхира. Амма хлун дина гло дийр дара цо цунна? Цунна Бежия везара, цуьнан хьокъехъ бен ойла еш яцара хлара, цуьнан оьзда хиларо дог шина стагана декъа, безам шина стагана юкъахъ бекъа таро ца лора цунна.

– Солта! – элира цо цлеххъана. – Хьо сан ваша хир ву, ткъа со хъан йиша!

– Ох! – аьлла, доккха садаьккхира Солтас, цуьнан корта некхатле охъабахара, – со-х къа ца хета-кх хъуна?

– Къахета суна, хьо-х, амма... суна кхин веза! – элира йола.

Кху шиннах цхъа а диет ца хуьлура, хлораннан а дагчохъ йоккха глайгла яра, бала бара, кийрахъ детталуш дог доцуш санна, доьлу са дацара хезаш. Цлеххъана, велхаран къурдаш деш санна, дог ловжош клорггера садаккхаро йохийра тийналла. Блаьргех сутара оьху хиш дладехира Солтас. Хъала а глайттина, чехкка дегла а нисдина, коьртера глайгла длаьккхо глерташ санна, маситтаза юьхъ тле куьг а хъаькхна, Цицияна тлевеара Солта. Кийрахъ боккха бала хилар дара гуш, меллаша элира цо:

– Сан йиша, мичахъа йига ас хьо?

Дукха цецъьялла Циция, Солтина кочахъаьрчира. Блаьрг-неглаьр тухучу сохътана кхетамчуьра ваьллачу жимачу стага ондачу куьйгаца шена тлеозийра йола, цунна барт баккха дагахъ, амма иза оцу минотехъ саметта веара. Галволуш Циция шен кочахъаьрчинчуьра дла а херьеш, охъа ца йожийта куьйга иза дла а лоцуш, цо юха а хаьттира:

– Алахъа, алахъа, сан йиша, мичахъа йига ас хьо?

Чаккхе хир ю.

Гочийнарг Маргошвили Юсун

Лейла Кусаева**Невзаимная**

Я не могу смотреть в твои глаза,
 В них я тону, как в черном море.
 И чувствую, от близости твоей,
 Что потеряю разум вскоре.
 Я не хочу с тобою говорить,
 В твоих устах яд кажется мне медом.
 Пытаюсь напустить холодный вид
 И сердце в сейф запрятать с кодом.
 Я не хочу себя жалеть,
 Желать, чтоб ты меня заметил...
 С тоскою о тебе стихи писать
 Ночами, лишь при лунном свете.
 Я не должна себя губить,
 Ведь ты ко мне так равнодушен.
 Нет! Не хочу тебя любить...
 Но разум с сердцем мой не дружен.

Весною осыпал словами-цветами,
 А осенью – жухлой
 и желтой листвой,
 А я собирала себе их на память,
 Сушила, хранила в коробке простой.

Весной заверял меня
 клятвами громкими,
 А осенью вскользь обещанья давал,
 А я отбирала с них самые яркие,
 Из них мастерила надежды привал.

Весной убеждал, что зимы не бывает,
 А осенью холодом стал обдавать,
 А я, отвернувшись
 от истины горькой,
 Вслепую пыталась тебя оправдать.

И вот наступил он –
 момент откровения,
 В объятьях мороза
 открылись мне сны:
 Да, в жизни есть место
 чудесным мгновениям...
 Но лишь не бывает вечной весны.

Холодно... как мне холодно...
 Как же согреть эту стылую кровь?
 Не помогает мне, не помогает мне
 Ни чашка кофе, ни даже любовь.

Мысли смешались,
 слиплись нечаянно,
 Как разобрать их? Как развести?
 Руки тяну и с тихим отчаяньем
 В мягком снегу их пытаюсь найти.

Каждую льдинку ладонями теплыми
 Грею, но не отпускает вода,
 Мысли мои околдованы, скованы,
 Словно со мной не прожили года.

Холодно... как мне холодно...
 Спички сырые искры не дают.
 Солнце схоронено,
 звезды закраснены,
 Где же найти мне теплый приют?

Айсберги множатся,
 Арктика ширится,
 Сердце узорами иней покрыв,
 Только во сне
 чуть спокойнее дышится,
 Сон от морозных мыслей укрыв...

Отступить уже поздно – я вошла в твои воды,
 И, цепляясь за днище, в мутных волнах хожу.
 Словно рыба в объятиях темной стихии,
 В этом сумраке жабрами жадно дышу.
 Чешуя моя рвется об острые камни,

Серебристые ключья бросаю в пути.
В этой мгле беспощадной,
В этой мгле безутешной
Оставляю следы, чтоб дорогу найти.
Мои руки сияющих полны жемчужин:
Черных, белых, неровных, любых...
Их кидаю на остров, застенчивый остров,
Чтобы свить ожерелий десятков тугих.
И, добравшись до суши, я скину их в воды –
Блики робкие мягко сойдутся во тьме –
Пусть напомнят они о ложной свободе
И пробудят меня от жизни во сне.

От гордой

Сегодня праздник твой,
Твой день рожденья.
Ты окружен заботой и теплом,
Ты благодарно принимаешь поздравленья,
Зовешь друзей в гостеприимный дом.
В твоей душе для них всегда есть место,
Тепло манящего огня.
Лишь для меня твой праздник – не фиеста.
Забыл меня ты... позабыл меня.
Нет! Я тебя ни в чем не упрекаю –
Все слезы в прошлом и останутся там пусть.
Единственно спрошу:
Зачем же бередишь ты рану?
Зачем же возвращаешь мою грусть?
А если пишешь – будто насмехаясь
Над чувствами былыми вновь и вновь...
Вниманьем (столь неискренним и редким)
Как будто пародируешь любовь...
Не тот я человек,
Который благодарно
Ест крохи с барского стола!
Не раб я чувств,
Что ждет всего покорно!
В судьбе моей уже ты – не «сегодня»!
Отныне и навеки – лишь «вчера»!
Пусть эта боль останется в душе:
Она – мой опыт и моя подруга
– напомнит вовремя иль остудит...
Но ты – забудь! Не смей боль эту трогать
И раненое сердце беречь.
Без писем обойдусь – прошло, что было.
Своих ошибок я не повторю.
Ты безразличен стал мне – все остыло.
И вновь тебя уже не полюблю...

Проза

Мусаев Сулиман

Зарема

Дийцар

– Маржан йолче яхнера со, – лохачу гланта тле охъахира нана. – Члогла таъна ю. Тамаша бу-кх цу лазарах иза хьалха ялахь. Ишколера цла ма-веанехь Муса вахитнехь хлун дара-те Заремига хаййта? – хатгарца соьгахьа йирзира иза. – Цунна ма хаййта-м баьхнера Маржана.

– Хлунда? – жоп сайна хуушехь хотту аса.

– Шен йолана цхьа бохам баларна кхоьру-

кх, миска. Члогла глортина бу боху цуьнца марзахой.

– Вахита веза. Цхьаь хилахь, дагахь-баллам буьсур бу – чайн стака дла а мелла хьалаглаьттира со. – Соь глуо Маржанна гуча.

Не! йобллуш хезча халла метгахь хьалахира Маржан, «меттаха ма хье, ладда лиллахь» боху сан дешнаш тергал ца деш.

– Сох бала хили-кх шуна, – ша цхьана хлуманна бехке йолуш санна, эхь хеташ, глийла йистхилира иза. – Хлунда сагатдора ахь? Баянт а ма еьнера дукха хан йоццуш теттина хлума яхьаш, – маьнги юххехь лаьттаху букьтуху глента тлехь шун дара, чохь хингалший, пели чохь даьттий, чайий долуш.

Со маьнги тле, йоккхачу стагана когашка охъахира, сайгара паста охъайуьллуш. Ма дукха хан яра со кху чохь хиланза, амма хлинца а хлуммаь хийца-м ца делла. Маьнги тлехула пенаха кхозу куза, тлехь цлоькьалольмийн сурт долу. Кора хьалхахь лаьтта сол. Юккьерачу нелара тлехь куьзга долу шипанер. Дехьа пена тлера киншкийн терхе. Арахьа, кора хьалхара сиренан кол а хьалха санна махехь техкара, заманан чкьург карчанза йолуш санна. Амма дуккха а хлума хийцаделлера. Хьалха кху чохь декна самукьаме зевне аз кхеча хлусамехь декара, я иза хлинца иштта зевне а дацара. Чохь цхьацца дезарш деш хьийзина зуда а кхин яра – азьелла, хебаршка яхна юьхь, чукхетта беса бляьргаш, лазаро глора дладаьккхина, метта дожийна дегл.

Аглор яла бахарх Маржана аьттехьа а ца дитна, иштта лацаелла тен цунна хала хир ду-кх аьлла, дукха ца лаш хьалаглаьттира со. Аса хиьна лаш киншкийн терхе тлехула бларг кхарстош тидам бина хир бара Маржана, со араволуш:

– Мовсар, и киншкаш длахоь-хь, цхьана хенахь уьш члогла йоьшуш ма вара хьо, – глийла елакьежира иза.

– Хлан-хла, ца хьо аса, йита ахь, – сайн дласахьежар цунна нийса ца кхетта-кх аьлла, бехкала вахара со.

– Длахоь ахьа. Со длаяьлча эцца дласакхуьссуш лобхкур йолуш ю хьуна. Цу йола гульйинера уьш. Дукха хан йоццуш и еьча, дла хлунда ца хьо ахьа аьлла, аса хаьтгича, шен уьш еша хлинца йиш ца хуьлу, ткьа шайн цлахь цаьрца бала болуш стаг а вац, эли. Длахоь-хь, сан безамна лелор ахь, еша ца ешахь а, – дехаре дирзира цуьнан аз.

Нийса ца хетташехь, дегабаам бан мега-кх кхуо аьлла, терхе тлера тле чан йиллина болу киншкийн барз схьа а эцна, йоккхачу стеган лодика еш аравелира со.

Сан итт шо дара, дуьххьара Зарема гуш. Глалара еьнера и шиь. Тхуна гена доццуш лаьттаху шен вешех дисначу цла чохь яха хиира Маржан шен

йоблаца. Сарахь, ловзаш лелачура цлавоглуш, хинццалца деса лаьттина ца чохь гловгланаш хезна, кетлахь сацавелира со. Дукха хан ялале цевзина схьаделладеллачу кевнера сан хеннара хир йолуш цхьа йол араелира, ведар дара цуьнгахь. Пу чубра хи дла лана а дина, схьахьаьжира. Аса мотт баьккхира. Ела а елла, шен лергаюххе плелг хьовзийра цуо. Кертара ара га кховдийна лаьтгачу дигта тлера сихха сийна блар даьккхина, цунна кхьессира аса. Йола чуькхаш тлетоьхначу кевнах кхетгачу бларо «длапш» аьлла, тата доккхушехь цигара «клур» бира аса. Дукха хан ялале, со хлума юуш лаш, цхьана зудчунца и йол гира сина, тхайга йоглуш. Хинца сан нене арз дан йоглу-кх и шиь аьлла, дехьачу а вахана, со длаlechкьира. Нана божала чохь етт узуш юй а ца хууш, и шиь длаяхаре сатуьйсуре аса. Дикка хан а ялийтина, nel херйин, арахьаьжира со. Уьйтларчу кхура клелахь лаьтгачу соьла гондахьа хиьна лара и кьоь. Наний и зудий, лоха кьамелаш а деш, йоблхуш яра. Ладобглча, цара суо вуьйцуш а ца хилла, доккха садаьккхира аса. Со дла араваьлча, йол суна кьайлаха елаелира.

Цхьа клира даьлча тлекхечира ишколе ваха веза де а. Класси чохь сайн метте, шолгачу парте тле, охьахира со. Хинццалца соьца цхьана лийна волю Ахмад ялхалгачу классе хьала ца воккхуш витнера. Даккхий клин бантикаш долуш, клин фартук юьйхина йол ялийра хьехархочо:

– Хлара вайн керла дешархо, Амаева Зарема ю. Вайн классехь хир ю хлара, – чухула дласахьаьжира иза. – Яло, дло клантаца охьахаа, – суна юххерачу гланта тле плелг хьажийра.

Собгахьа схьахьаьжна елаелира йол. Тлаккха евзира суна сайн керла лулахо. Иза даима а яра елаелла. Ши бларг а хьаббой, беснеш тле клаьгнаш а хлуттуш мел жимчу а бахьанна а елалора. Члогла ца дийзира суна иза сайца хаош. Цунна цхьацца новкьарлонаш лелайора, иза тлехьа парти тле, еса меттиг йолче длаглур яцара-те, бохуш: цуо язъечу хенахьа цуьнан голе тле куьг тухура, глалата даккхийта, хьехархо длайирзича месаш озайора... Амма цуо, гуттара а ела а лой:

– Гадда тлехьа, Малика Махмудовнас дов дийр ду хьуна! – олура.

...Тлаьххе а доттаглалла тасаделира тхойшинно. Ишколе доьдуш а, цладоглуш а цхьана хулура. Цхьана ловза а ловзура. Тилвизор яцара церан, цундела наггахьа кино хьажа а йоглура иза тхоьга. Цхьана урокаш ян – тхьобгахь а цаьргахь – сих-сиха цхьанакхетара тхо.

Дика доьшура Заремас. Суна дика ца кхеташ йолу алгебран, химин темаш кхетон глрташ дукха хан йойбура.

Цкъа – бархалгачу классехь дара тхо – шелвелла, цомгаш хилла клирнах сов меттахь тиллира со. Хлора сарахь Зарема йоглура тхьобга, ишколехь хьехнарг дуьйцуш ехха лара иза. Цхьана шийлачу дийнахь чохьхьяьлла, сан маьнги юххе глант хлоттош охьа а хиьна:

– Муха ву хьо тахана? – хьаттира цуо.

– Гголе хета суна хинца-м. Йовхарш а длаяьлла. Хлара дагар цхьажимма лахделлехь...

– Молханаш молуш хир яц ахьа? – сан хьажтле куьг диллира йола.

Шийлачу ара хинца чуеана йолчу цуьнан куьг члогла тайра суна.

– Дукха мийлича-м дика а яцара уьш. Нанас лелош цхьа дарба ду суна: кхехкийна шурех клон бурччий, даьттий, моззий тухуш. Хлора луьйранна иистматтахьа и шура молу аса.

Nel йобллуш нана чуьхьаелира. Цлехьана, дагийча санна, сан хьажтлера шен куьг длададош хьалаиккхира Зарема. Со а, сайгара цхьа глалат даьлча санна, вуьйхира.

– Хайй ле, ма глатта хьала, – куьг ластийра нанас. – Члогла новкьахеташ ву хлара тхан лазархо, ша ишколана юкьахаволуш. Кхана вьоду ша бохуш лаш

ву. Аса-м дикка г1оле хиллалца собар де аьллера кхуьнга, – г1о доьхуш санна, Заремига хьаьжира иза.

– Ша товаллалца собар дан деза. Ишколехь керла 1амийнарг аса дуьйцура ду-
кх, – ц1енкъя доьг1на дара Заремин б1аьргаш.

Дукха ца хьелуш, д1аяхара иза. Цу дийнахь дуьйна тхойшинна юкьаметтиг
мелла а хийцаелира.

Нанас кест-кеста – бахьана долуш а, доцуш а – хьехон йолийра Зарема, иза
хестош: «Маржанан йо1», бохуш.

Со керлачу б1аьргашца хьобжура х1инца йо1е, ца гуш сагатлора, сахьаьвзара
иза ган, амма со цаьрга я иза тхобга наггахьа, цхьа г1уллакх хилче бен ца
доьдура. Ишколе боьду а, цигара цабог1у а некъ бехха бора – дукха дара
дийца: оха кинош йуьйцура, тхайн гина, киншкаш.

Ловзарш д1адевира.

Хьалхарчу классийн хьехархо хила лууш яра иза, ишкол чекхьяккхича
г1алахь деша а дешна. Ткъя аса мехкадаьттан институте ваха сацам бинера.
Дукха дийцира охашимма хиндолчух. Дерриге а дахар хьалхахьа дара. Къегина
гора хиндерг. Амма кхолламо яздина йозанаш кхин хиллера...

Текхечира рог1ера аькхе. Чекхдевира ишколан шераш. Сайн кехаташ
вовшаха а тоьхна Соьлжа-Г1ала деша ваха кечам бан волавелира со. Заремин
йиш ца хилира цу аькха деша ян – нана цомгуш хилира цуьнан. Оршот дийнахьа
г1ала а, шот дийнахьа ц1а цхьаьна обхур ду тхойша бохуш ойла хилла волу со
мелла а г1айг1анехь вара, амма дан х1ума дацара. Т1едог1учу шарахь х1уттур
ю ша деша, элира Заремас, ца дог1учу дагца ела а елла, кху шарахь ц1ахь
йисарх а дац кхин доккха х1ума, кечам дикаха бан аьтто хилар бен, аьлла.

Со деша вахара, экзаменех чекх а ваьлла. Ленинан урамера юкьяра1ойлехь
1ара со, мукьачу деношкахь ц1а вог1уш. Хьалхарчу эхашарахь сайн аьтто
массаза болу ц1а вог1ура со, Зарема, цуьнан еха 1аьржа месаш, даккхий
б1аьргаш ган, елар хаза сихлой. Г1алахь доккхуш дерг пхи де бен доццухехь, цу
юкьяна Зареме цхьаь-шиь кехат а яздаро, бакъду, д1а-м ца тосура, суо ц1авеьча
цуьнга д1алора. Бухахь цо соьга яздина а хуьлура кехат, х1ора к1ирнахь цхьаь,
дехха, шена цу к1ирнахь мел гинарг а, ша йина ойланаш а йолуш т1ехь.
Цхьанакхетарш к1езиг нислора. Суо ц1авеьча цуьнан нанна гучувала воьдура
со, хьал-де хатта, ткъя Заремин дезар дукха дара кертахь. Т1аьхь-т1аьхьа ц1а
эхар к1езгаха хуьлура сан. Цхьацца бахьанаш нислуш мукъя деношкахь а
г1алахь сеца велира со. Керла дахар девзира суна кхузахь. Керла накьостий
а. Мехкарий а бевзира. Юьргарчарех тера дацара г1алара зудбераш. Ч1ог1а
кечделла а, б1аьрг т1ера ца баккхалуш хаза а дара уьш. Юха... Аса Зареме
яздеш хилла кехаташ а севцира... Херьелира тхан юкьаметтигаш. Цхьана
баттахь соьгара кехат ца кхьаьча ша соьга яздеш хилларш а совцийра Заремас.
Шолг1ачу аькха а ца еара иза г1ала деша. Ткъя со... ши шо даьлча институт
д1а а тесна Перме шабашке вахара. Цигахь кхин ши шо а даьккхина, зуда яло
дагахь ц1авеьча, Зарема марехь яра. Луларчу юьрта ненахошка яхханчехь
церан лулахойн гергарчу к1анта т1е захало деьна хиллера цунна. Кхуо иза т1е
ца дитча, ц1а йог1уш лара а йина ядийнера... Со юха а Перме д1авахна, шина-
кхаа шарахь цигахула йорт йиттина, ц1авирзина цхьа бутт бара...

Гланта тлера киншкех цхьацца схьаоьцуш, уш лубьтуш маьнги тлехь аглорваьлла лара со. Церан цхьайолчу аглонаш тлехь цен, баьццара къоламашца дехкина зезагаш дара. Блаьргаш киншки тле хьуйсуш делахь а, ойланаш гена яра сан. Цхьана аглон тлехь сийна шекъаца байтан кепехь яздина могланийн тидам хилира цлеххьана. Сан це а яра лакхахьа, «Мовсаран лерина» аьлла. Ахматова Раисин гулар яра сан буйнахь ерг. Раисин:

Денош ма длаоьху
Хьо гуча ца волуш,
Суьйренаш длаоьху
Хьан къамел ца хезаш...

– дешнаш тлехула Заремин куьйгаца язйина кхин байт яра.

Буйсанан бодано юрт маракъуьйлу,
Стиглара седарчий глайглане хьобжу,
Диллинчу кораха байн мох чухьобкху,
Блаьрхиша тлуннина сан юьхь цо хьобсту...

Тле сизаш хьекхна болу тлаьххьара биь могла къаьсташ бацара.

Киншка охьа а йиллина, кетла велира со. Де суьйренга лестинера. Дайн нека деш мархаш яра стиглахь. Олхазарийн «чкъар-чкьир» хезара. Лабттахула кхиссалуш, цхьаь юуш долчу хьозана тебаш тхан хьаьрса цициг а. Ши бер тлаьхьа а даьккхина йогуш цхьа зуда гучаелира урамехь. Юххекхавьча Зарема евзира суна.

– Суьйре дика хуьйла хьан, Мовсар! Хьо цлавеьна... – сацаелира иза суна тлехкхавьча.

– Далла езийла, Зарема! Хлаь, цхьа бутт гергга хан ю со цлавеьна... – сайн аз девзира суна.

Цо цхьацца хеттарш дора, аса жоп лора. Кхоблина блаьргаш, царна юххехь хебарш, чукхетта беснеш, охкаелла белш йолуш зуда яра суна хьалхавь лаьттарш ерг. Амма суна кхин Зарема гора: алунах лепа лаьржа ши блаьрг, даккхий блаьргнегларш, елаелча клаьгнаш хлутьту беснеш, хлаваэхула лелаш санна дайн болар долуш хилла йолу сайн лулахо лаьттара сан блаьргашна хьалхавь.

Салих Гуртуев**Кавказ**

Венок сонетов

1

Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
 Давно пришла пора – из них венок
 Сплету тебе в честь новой жизни этой,
 В честь славных дел,
 которым ты – исток.

Когда на небо глянула весною
 Трава, – Гагарин глянул на меня
 Из космоса, мой путь соединяя
 С путем отца, что пал на поле боя

За правду бытия, за взлет орлиный
 Своих сынов – сквозь тучи напролом,
 Внизу оставив белые вершины!

Сказать о том, что создано трудом,
 Преобразившим горы и долины, –
 Опять вооружаюсь я пером!

2

Опять вооружаюсь я пером,
 Как мой отец мечом вооружался,
 Когда за знамя правды он сражался,
 За мир, в котором мы сейчас живем.

Я подрастал порой послевоенной,
 И крепко помнил я отца наказ:
 «Кавказ – да будет навсегда священно
 Названье это для тебя, для вас!»

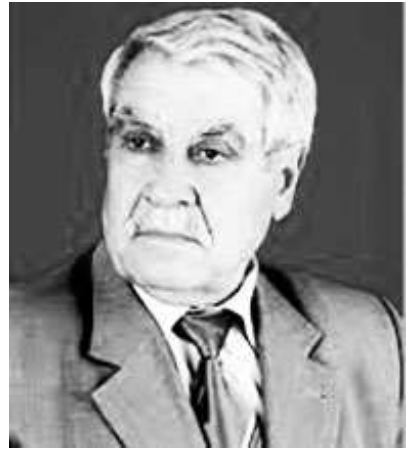
Пусть они, состарившись, ушли
 Или погибли, бурями отпеты, –
 Мы, нынешние жители земли,

Храним тех первых воинов заветы.
 И им верна – как дни б мои ни шли –
 Вся жизнь моя – зима в ней или лето.

3

Вся жизнь моя – зима в ней или лето
 Приходят в свой земной
 урочный срок –
 Несет зарю кавказского рассвета,
 Чтоб я врага и друга видеть мог.

В их истинном,
 в их подлинном обличье
 Мне ясно, как надежно сплочены,

Как в помыслах едины и дружны
 Те, что постигли наших гор величье!

Буденовские конники лихие,
 Звезду, что красным вспыхнула огнем,
 Пронесшие сквозь годы и стихии,

Остались не во времени былом,
 А в нас, чья жизнь и в годы трудовые
 Огнем твоим всегда озарена.

4

Огнем твоим всегда озарена –
 Та стойкость душ,
 кому Кавказ – опора.

И на Кавказ в стремлении своем
 Похожи мы, как камни гор – на горы.

Мы зоркий унаследовали взгляд
 От тех, кто видел высоту воочью.
 И свет его

в сраженьях с вражьей ночью
 И отстоял, и сохранил солдат.

Когда и камни кровью истекали,
 Не ведал страха в праведном бою
 Советский воин –
 сердцем тверже стали

Он был, спасая Родину свою,
 Чтоб, одолев задымленные дали,
 Жизнь пролагала к счастью колею.

5

Жизнь пролагала к счастью колею,
 Хоть то муку, а то золу сквозь сито
 Просеивать случалось. В том краю,
 Где рос я, было все войной изрыто.

Но как-то мать, в котле над очагом
 Помешивая кукурузы зерна,
 Сказала: «Жить не сытно
 – не позорно,
 Позорно преклониться пред врагом!

Пусть мало хлеба, топлива в обрез,
 Зато в боях одержана Победа!
 И не померкла синева небес!»

Пусть пряди матери от горя седы –
 Жизнь возродилась.
 Вновь мой край воскрес,
 Как жернов, перемалывая беды.

6

Как жернов, перемалывая беды,
 Дорогою своей Кавказ идет.
 Как за звездой путеводной, следуй
 За ним сквозь дни сражений и работ!

Хватает всем и топлива, и хлеба,
 И крепки стены нового жилья.
 Но почему с тревогой мать моя
 Порой на голубое смотрит небо?

Деревья мира возле родников
 Сажаем мы и верим как в приметы,
 Что им шуметь под сенью облаков,

Что силам зла не истребить планету,
 А жизнь вперед на длинный ряд веков,
 И в сердце вижу я лучами света.

7

И в сердце вижу я лучами света –
 Россия защищала жизнь мою.
 Теперь она не примет злых наветов,
 С большой надеждой на нее смотрю:

Не сердцем ли, отзывчивым и чутким,
 Спасла она сердца своих больных?
 И добротой возвращает их
 В прекрасный мир,
 к работе, песням, шуткам.

В своей судьбе я моего народа
 Расцвет и обновление узнаю:
 Страна ему открыла путь к свободе,

И в нашем горном каменном краю
 Вперед ведя нас через все невзгоды,
 Россия освещала жизнь мою.

8

Россия освещала жизнь мою.
 Всех сыновей балкарских,
 всех горянок,

И всех российских женщин воспою,
 Чью жизнь овеял
 шелк знамен багряных!

Твоих, Кавказ, пылающих знамен,
 В их отсвете мне виден день грядущий –
 Цветы лугов, лесов зеленых пуши,
 Сад, что от бурь надежно заслонен!

Тревожною заботой мы полны
 О каждом восходе, о травинке малой,
 Чтоб в сад дыханье бури иль войны

Коварною змеей не проникало!
 Мы в испытаниях закалены,
 Хоть путь нелегок наш,
 тверды, как скалы!

9

Хоть путь нелегок наш,
 тверды, как скалы,
 У нас сердца: как деды и отцы,
 Стоим на страже, чтоб не посягала
 На нас беда. Минувших лет бойцы

Огонь свой передали по наследству
 Сынам и внукам. Нынешний солдат
 Хранит покой полей и горных гряд,
 И сладкий сон безоблачного детства.

Резвится дочь моя. Кораблик в луже
 Пускает мой сынок. Горит очаг.
 Жена счастливая прильнула к мужу.

Под мирным небом
 вьется мирный стяг.
 Но на постах стоят во всеоружье
 Наследники буденовских атак.

10

Наследники буденовских атак
 У танков, у ракетных установок
 Глядят туда,
 где скрыть не сможет мрак
 Хитросплетенья вражеских уловок.

Им видно многое с высот времен,
 Как пастухам кавказским –
 с высей горных.

Носитель черных дел
 и мыслей черных
 Народами да будет заклеимен!

Нет в мире нынче места,
 где б свой след
 Российская заря не оставляла,
 Не наложить на свет ее запрет,

За мир планета проголосовала,
И все, кто войнам
властно молвил: «Нет»,
Несут в сердцах, Кавказ,
твой отблеск алый!

11

Несут в сердцах, Кавказ,
твой отблеск алый
Все ярые противники войны,
И каждый, ставший капелькою малой
В движенье закипающей волны,

Борьбы за избавление от гнета
И нищеты! Свободолюбья вал
По всем морям и странам пробежал,
Проник во все долги и широты!

Я слышу голоса Вьетнама, Кубы,
Я вижу, как на голубых ветрах
Уносятся мелодии, что трубы

Выводят в обновленных городах.
Они звучат – да так,
что сердцу любо! –
Друзьям на радость и врагам на страх.

12

Друзьям на радость и врагам на страх,
Кавказ, ты семена свои посеял,
Ты на морях, в долинах и горах,
Как ветер справедливости, повеял.

И прорастали эти семена,
И оказались стойкими их всходы,
И плодоносным деревом свободы
Моя земля навек осенена.

Под этим деревом найдя приют,
Вновь силами наполнится усталый,
Здесь утро начинает свой маршрут:

Открыты вновь пути и перевалы,
Тьма отступила. Травы росы пьют.
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.

13

Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
В цвету деревья моего двора.
Шумят родного города кварталы,
Веселая играет детвора.

Бросают крошки
мирным птицам дети,
Растут, как молодые деревца.
И долг священный каждого отца –
Все сделать,
чтобы мир царил на свете.

Мы помним и сражений
грозных даты,
Что болью отпечатались в сердцах,
И помним дни, что,
празднично крылаты,

Взвивались к звездам
в чистых небесах.
Жестокий век,
суровый век двадцатый,
Судьба детей моих – в моих руках!

14

Судьба детей моих – в моих руках,
О род людской, сообщество земное!
На океанах и материках,
В полярной стуже
и в пустынном зное –

Везде, где люди есть и дети есть,
Где скот пасут, возделывают поле,
Где слышен голос радости и боли, –
Оберегай свободу, мир и честь!

Твори добро! – Как теплого дождя
Живительная влага, как рассвета
Веселый луч, что, над землей взойдя,

Подарит день, надеждою согретый, –
Так торжествуй, рукой моей вода,
Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты!

15

Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
Опять вооружаюсь я пером:
Вся жизнь моя – зима в ней или лето –
Огнем твоим всегда озарена.

Жизнь пролагала к счастью колею,
Как жернов, перемалывая беды,
И в сердце вижу я лучами света –
Россия освещала жизнь мою.

Хоть путь нелегок наш, –
тверды, как скалы,
Наследники буденовских атак
Несут в сердцах, Кавказ,
твой отблеск алый

Друзьям на радость и врагам на страх!
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
Судьба детей моих – в моих руках!

*Перевод с балкарского Лазаря
Шерешевского*

Хамзат Алиев**К СВЯТЫМ МЕСТАМ**

Очерк

Девятнадцатого августа прошлого года поехал с напарником, врачом нашей больницы Русланом Абзотовым, получать медикаменты для наших паломников в Мекку. Встретил нас в Фармтехснабе наш медицинский руководитель Ахмаджан Симсирский, работающий в лицензионном отделе Минздрава. Знаю его еще с первой войны. Отгрузили каждому по четыре ящика лекарств со списком на английском языке для таможни. Собралась довольно солидная группа из четырех врачей – хирургов и двух медсестер из соседнего села. Известно, что паломников из нашей республики будет 2600 человек. Несколько дней назад были в муфтияте, где ознакомились по группам с основами и правилами поведения, проезда, пребывания за границей. Сто паломников из Ингушетии наш глава республики направляет за счет Регионального фонда им. А.А. Кадырова. Стоимость для одного человека – три тысячи долларов. Жарко, более 32 градусов.

Сегодня внуку Юсупу исполняется четыре года – оченьмышленый, живой мальчик.

03.09.2015. Четверг. Осталось два дня до отлета. Приготовления почти закончились. Духовно готов, остались некоторые материальные моменты. Чемоданы упакованы, медикаменты собраны в одну сумку.

06.09.2015. Мы приземлились утром в тридцатичетырехградусную жару Медины. Усталость дает о себе знать. Прошли пограничный контроль, где тщательно проверяли паспорт, твое лицо, рост, фотографировали на память в свою базу данных, снимали отпечатки со всех пальцев. В аэропорту возникли проблемы с ввозом медикаментов. Хорошо, когда рядом есть человек, владеющий языком страны, куда ты прибываешь. С моей левой руки минут пять не могли снять нормальные отпечатки. Долгое ожидание в жару в умеренно прохладном автобусе. Унылая природа для глаза скрашивается мыслью, что ты приближаешься к большим святыням. Разместились в пятизвездочном отеле в номере 224 недалеко от мечети Ровзат в одном номере с Байали и Ахмаджаном. Последние два намаза совершили в самой большой мечети – Ровзат. Красиво до невозможности. Во все стороны колонны, арка из натурального камня с натуральным цветом. Ненавязчиво и красиво все вписывается в панораму города. Система охлаждения и увлажнения воздуха продуманы и исполнены хорошо: вентилятор распыляет влагу в дисперсном состоянии. Прошли мимо ворот, за которыми находятся могилы Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) и двух Праведных халифов – Абубакара и Умара (да будет доволен ими Аллах). Пророк (с.г.в.) похоронен в собственном доме, а сверху возвели мечеть с зеленым куполом. Вся остальная современная мечеть расширяется вокруг этого дома. Ворота расписаны золотом, охрана не пускает за ограждение. Очень волнующее зрелище. Передал салам от наших земляков. Затем посетили кладбище к востоку от мечети – огромное поле с невысокими могильными холмами, с небольшими камнями у изголовья, камни одинаковые и для халифа, и для рядового воина. Здесь нет помпезности, нет имен, а есть маленькие холмики, прикрытые галькой. В могилах покоятся в основном соратники Пророка (с.г.в.). Посещать это печальное поле к востоку от Ровзат женщинам не разрешается. За порядком ненавязчиво следит полиция. При выходе с территории кладбища в сторону мечети полицейский стоял на камне

и, когда проходили мимо, мы оказались в один рост лицом к лицу. Заметил удивление на лице и разобрал слово «Маша-Аллах». Видимо, ему в этом году еще не попадались высокие паломники. Полицейские на каждом шагу призывают многотысячные толпы к порядку, часто слышишь слово «Хаджа».

Воду Замзам в охлажденном виде можно пить сколько угодно из одноразовых стаканов – и не насытишься, и не мешает. Снимаю фото, где это возможно. Мечеть величественная и снаружи, и изнутри, без помпезности и лишних красок – весь мрамор и гранит натуральных оттенков. Галереи и аркады во все стороны, везде чисто. Вентиляторы разбрызгивают водяную дисперсию, увлажняя воздух. Даже на улице при сорокаградусной жаре поддерживается приятная прохлада. На улице имеются гигантские зонты, которые закрываются вечером и открываются утром, создавая тень. Очень красиво. Мрамор под ногами теплый, пол во дворе окрашен в белую краску, чтобы отражать тепло. В мечети специальные металлические этажерки с Коранами. Все экземпляры помечены штампами.

К вечеру приехала вторая партия паломников из Чечни.

Голос муэдзина звучит очень чисто, вся атмосфера завораживает.

Байали купил нам по SIM-карте с интернетом по 70 реалов. Вечером эти же карты стоили уже 150 реалов – от наплыва паломников и возросшего спроса.

07.09.2015. Пошли на утренний намаз в мечеть. Встали сегодня за час до призыва муэдзина. В нашей комнате прохлада поддерживается постоянно работающим кондиционером. Когда выходишь на улицу, как будто окунаешься в парной воздух. Здесь встречаются представители народов, о существовании которых ты даже не догадывался. Некоторые паломники одеваются в одинаковые одежды, носят одинаковые сумки. Несмотря на эту жару, местные женщины одеты во все черное, оставляя открытыми только щелочки для глаз. Не могу представить, как мой товарищ, который женат уже одиннадцать раз, выбрал бы себе очередную супругу, когда вся красота замаскирована.

Товар на улице перед лавками на ночь просто прикрывают тентом. Никому не придет в голову что-то присвоить без оплаты – хьарам!

Поражает своей красотой и размерами мечеть Ровзат. Эта громада не давит на сознание. Здесь Всевышний все устроил так, что встречаются миллионы людей со всего мира вместе со своей болью, желанием приблизиться к истине. Глядя на двери дома нашего Пророка (с.1.в.) и Праведных халифов, осознаешь всю брэнность этого мира, понимаешь, что мы гости на земле. Здесь все равны.

Были на утреннем намазе. После обеденного намаза мы втроем договорились с таксистом-индусом, что он на своей потрепанной «Тойоте» отвезет нас к святым местам вокруг Медины – посетить четыре мечети. Посетили самую первую мечеть на Земле – мечеть Жабера, она сохранилась в первозданном виде. Две мечети у подножия горы в форме навеса из камней. Здесь когда-то шли бои при распространении ислама. Мечеть около горы Ухуд ремонтировали. Вдалеке Байали показал мавзолей над могилой дяди Пророка (с.1.в.), Хамзата. Поднялись на сопку-горку, где в старину вели бой лучники Пророка (с.1.в.). Жара в 41 градус. Наше такси каждый раз охлаждалось поднятием капота, заводилось, придавив изношенную клемму отверткой и шурупами. Один раз даже пришлось подтолкнуть наше авто. Выполнили программу минимум.

После предзакатного намаза настроились занять позицию ближе к Райскому саду рядом с могилой Пророка (с.1.в.). Здесь же на уровне второго этажа увидел муэдзина и имама мечети с множеством микрофонов. Давка невероятная. Нехватка пространства. Совершил намаз, касаясь лбом пятки стоящего впереди. А сзади стоящий совершал земные поклоны между твоими пятками. Все окупается надеждой, что попадешь в заветный Райский сад. После двадцатиминутной давки нашу партию запустили на эту территорию. Двое или трое из-за нехватки воздуха и со страхом в глазах вышли из давки. Давая малое пространство, по очереди удалось совершить намаз, а завершили молитву стоя. От нахлынувших чувств на глазах выступили слезы. Попросил за родных, знакомых, за нашу Чечню.

08.09.2015. Утренний намаз в мечети. На обратном пути, прямо на улице, стояли лоточники, продавая тряпки, атрибуты пилигрима, а также овощи и фрукты. Байали отоварился, выбрав гирлянду свежих фиников. Они напоминали гроздь крупного винограда в стадии неполной зрелости. Пробовал впервые – вкусно и сочно.

Полуденную молитву совершили в одной из самых почитаемых мечетей мира рядом с могилой Пророка (с.1.в.). Прохлада при любой жаре поддерживается бесшумными вентиляторами, кондиционерами. Женщин в мечети не видно – они молятся за стенами мечети под тентами-зонтами на больших площадях. Здесь также прохладно. Байали и Ахмаджан – мои товарищи – рассказывают, что рядом снесли многоэтажные частные гостиницы и расширили мечеть в восточную часть. Народу добавляется с каждым годом все больше. В прошлом году 1300 китайцев-строителей все вместе приняли ислам, осознав справедливость и величие этой религии.

Скопление такого огромного количества людей со всего мира разных возрастов, пола, цвета кожи, но с благими намерениями что-то значит. Одновременно в джамаате совершают намаз миллионы людей. Аура добра, как горячий воздух, витает над Мединой.

На улице жарко, как у жаровни, но активная жизнь продолжается, и весь народ мечтает побывать здесь, у колыбели ислама.

В городе нет людей, не исповедующих ислам. Он закрыт для иноверцев. Климат суров до крайности – голая земля, где нет воды, зелени, дожди бывают очень редко. Единственные стойкие представители фауны – гордые пальмы с высохшими финиками – тянутся вверх, утолщаясь в стволе. Даже на гербе Саудовской Аравии пальма на фоне двух скрещенных мечей – символ ислама и справедливости.

Сегодня наш визит в Медину заканчивается, объявили сбор в три часа ночи для отъезда в благословенную Мекку, центр Земли. Были на вечернем намазе, сделали прощальный круг около могилы Пророка (с.1.в.) – какое же это волнующее зрелище! Лишний раз убеждаешься, что мы гости в этом мире. Товарищи мне попались отличные, бывалые. Каждый совершил хадж по десять раз.

Поднялся легкий ветерок с Красного моря, но дождь не пошел.

09.09.2015. В три часа утра проснулись от призыва муэдзина к утренней молитве. Приняли душ и сменили обычную одежду на ихрам – два полотенца белого цвета, приготовленных еще дома. Это одежда паломника, максимально приближенная к савану. Вся необходимая атрибутика для паломника в изобилии продается здесь на каждом шагу. Туго завязываешь нижнюю часть вокруг бедер, заворачивая поясную часть книзу, надеваешь специальный пояс с непромокаемыми кармашками для телефона, денег. Не разрешено надеть ничего, что сшито нитками. Нельзя осознанно даже чесаться, пока не снимешь это одеяние. Нас распределили по автобусам, и наш путь в пятьсот километров в Мекку начался. Моих двух товарищей и супругу распределили по другим автобусам. В автобусах до выхода из города прочитали намерение совершить умрат, повторяя слова за нашим руководителем Магомедом (вашандарой). На какой-то автостанции к нам в салон закинули коробки, в которых оказались закуски с соком и водой. Попили, перекусили. Рядом со мной оказался молодой парнишка Мехди из Центороя. Он приехал со своей матерью. В салоне две женщины из нашего села – Дудаевы. Читали за одним молодым паломником хором «Лаббайка».

Где-то через 50 километров после отъезда от гостиницы вдруг раздался хлопок, и наш автобус понесся вправо, подскакивая на неровностях почвы. Кругом камень и чахлый низкорослый кустарник без признаков зелени. Доминирует один серый цвет под палящим солнцем. Я сидел в самом последнем ряду, в середине, из-за невозможности выпрямить ноги в других местах салона. Появились клубы дыма, пыли, раздалась женские крики. Автобус соскочил на скорости 90-100 км/ч со скоростной трассы, и мы проехали по обочине около

двухсот метров, пока машина не остановилась. Водитель – молодой араб с бородой – отчаянно цеплялся за штурвал, ему пытались помочь удержать руль наши ребята, которые сидели впереди. Не доезжая до водостока пяти метров, наш автобус уперся в груды камней и присел. Клубы пыли и запах гари заполнили салон, но водитель не спешил открыть заднюю дверь. Видимо, он был в шоке.

Наконец-то началась эвакуация пассажиров. Как мог, пытался успокоить женщин. Мужики не паниковали – это всегда радует. Главное, не было пожара в салоне. Все вышли, ни у кого не было травмы, только у двух женщин был нервный срыв – дал им валокордин, афобазол. Переднее колесо нашего автобуса полностью разворотило, на помятом ободе ключьями висела резина. Передний бампер сломался и висел вместе с вырванными трубками, проводами. Сделал снимки нашего ДТП. Водитель, по всей видимости, ехал, слегка обхватив руль, и при взрыве колеса на выстрел не смог удержать руль, тем более на такой скорости. Хорошо, что здесь нет пропастей. Видимо, Всевышний отмерил нам еще время на этом свете, учел, с какой миссией мы вышли из дома в это далекое путешествие. Алхьамдулиллах¹, ни у кого ни одной царапины. Все предопределено сверху. Человек должен быть готовым ко всему, в первую очередь к смерти, которая наступает часто совершенно неожиданно. В ожидании дополнительного автобуса познакомился с земляком Арби из Грозного (энгино). Занимался он дома распродажей меховых шапок, был доволен этим бизнесом. Спасаясь от жары в ожидании автобуса, посидел на своем месте в автобусе, где познакомился с Магомедом из Кизляра – он ректор Исламского института. Очень спокойный, богобоязненный человек. Он ездит в Мекку с 1991 года, владеет арабским языком. Его семья уехала другим рейсом. Перегрузили наш багаж в подошедший автобус. Я, как обычно, пошел к заднему ряду и провалился правой стопой в лаз, продавив крышку своей тяжестью. Хлипкое изделие сломалось под критической массой. Не отъехали и 20 километров, наше авто остановилось на обочине – было жарко от ямы на полу. Благодаря моему весу, мы поменяли третий автобус и поехали с комфортом дальше, в Мекку. Третий автобус был новый, в целлофанах. Когда мы пересели во второй автобус, зашел наш первый водитель, встал в проходе. Перед прощанием он не удержался и заплакал. Осуждать его за это невозможно – нам чудом удалось избежать увечий. Всевышний лишний раз доказал, что Он есть, что милость Его безгранична.

Сделали на очередной придорожной автостанции остановку, совершили в сокращенном варианте обеденный и закатный намаз в джамаате. Связи в дороге нет, иногда проскальзывает сообщение по Ватцаппу. Билкис угостила холодным соком и кексами.

Голова, как дома, особо не болит пока. Дай Аллах!

Несмотря на всю суровость природы, это благословенная земля, куда миллионы людей несут положительную ауру, желание исправиться в лучшую сторону. Взаимно обогащаясь, они возвращаются затем в свои родные места сеять терпение, добро. Алхьамдулиллах¹, сердце переполняется от чувства, что я мусульманин.

Песчаное окружение за окном нашего автобуса сменяется невысокими горами из черного камня. Когда показывается зеленое дерево невысокого роста, радуешься по-детски. Дома, живя среди природного богатства, не замечаешь всю эту красоту. Нужны большие затраты, чтобы вырастить зеленое чудо – пальмы и низкорослые деревья – в условиях вечной засухи. Говорят, чтобы обеспечить постоянный полив дерева, тратится пять тысяч долларов. Цену воды узнаешь здесь. Во многих местах она привозная.

Прибыли наконец-то в Мекку. Город построен в горах из горного камня – гранита и мрамора. Гора вырубается до основания, затем строится высотка. Имеется больше зелени, деревьев, и проблем с водой меньше. Идешь и натыкаешься на скалу, которую еще не выдолбили до конца.

На крыльце гостиницы «Алнохба №1» нас встретили наши родственники и земляки.

Гостиничный бизнес освоили дагестанцы.

Устроились втроем в 315 номере – не так шикарно, как в Медине. На автобусах отвезли нас ближе к Каабе. Рядом величественно выделяется своей высотой гостиница, принадлежащая семье Бен Ладена.

10.09.2015. Голова с утра болит, легкий подъем артериального давления. С Ахмаджаном пошли к обеденному намазу в Каабу. Полтора часа посидели на ремонтируемом втором ярусе. Поток паломников вокруг Каабы нескончаем – на всех этажах бесконечно долго идет вереница людей, семь положенных кругов против часовой стрелки. По местному каналу в реальном времени показывают Каабу под чтение Корана. Когда звучит азан, пробирает дрожь – чистый голос, хорошая дикция и отличная акустика дополняют друг друга. Помоему, нет более демократичной и привлекательной религии, чем ислам. Все чисто и на виду, нет сословных делений.

Солнечно, светло и жарко. Хочется запечатлеть все вокруг – величественные высотки гостиниц, врезавшихся в гранитную твердыню. Вокруг Каабы целый лес высотных кранов, расширяющих пределы вокруг центра Земли. Строится все прочно и качественно из лучших натуральных материалов.

На обратном пути зашли в супермаркет в гостинице семьи Бен Ладена – порядок, отсутствие суеты, обилие всего и вся при наличии денег. Вечерний намаз мы совершили прямо на улице в проходе под навесом здания на мостовой. Есть определенная зеленая зона, в пределах которой ты считаешься на территории Каабы. До вечернего намаза мы прогуливались по магазинам гостиницы Бен Ладена на пяти этажах, два этажа которых находятся под землей, вернее, под камнем. С наступлением времени намаза все магазины, бутики прекращают работу, и люди прямо на полу, повернувшись к Каабе, совершают намаз. Нашу первую молитву перед таваф (ритуальным обходом против часовой стрелки вокруг Каабы – ред.) мы совершили у одних из многочисленных ворот, так как из-за большого скопления людей полиция не запускала за ворота, а их более девяноста.

Во время молитвы мы почувствовали редкие большие капли дождя. Мне кажется, что это хороший признак. Байали бегло объяснялся с арабами на их языке. Он самоучкой выучился языку, читает свободно Коран и переводит. Помимо этого у него еще куча достоинств. А запаса копченого курдюка, который он привез, хватит на целый месяц.

Когда вышли после намаза из здания гостиницы, улица была мокрая, местами лужи. Подумал по аналогии с домом, что это из-за жары поливали улицы.

Из фотографий дочери Айшат в Вагцаппе узнал, что здесь у нас была песчаная буря с эпицентром в Джидде, дождь в Медине. В год здесь дождь выпадает один раз – нам посчастливилось присутствовать при этом.

При покупке СИМ-карты в нашей гостинице продавец-узбек по ошибке дал мне нераспечатанную карту сверх нормы, подумав, что вернул мне прежнюю. Вечером вернул карту, он даже не отреагировал на мой акт проявления честности, это воспринимается как само собой разумеющееся. Медпункт собираются открыть в соседней гостинице №2. В гостинице работает дагестанская турфирма «Кавказ» по обслуживанию паломников, туристов.

11.09.2015. Пятница. Пошли на Рузбу, вышли за час до начала, не удалось пройти даже до гостиницы – расположились прямо на асфальте под пеклом. Невозможно наступать на горячий асфальт голой пяткой. Некоторых женщин выводили с тепловым ударом. Пришли в гостиницу все мокрые. На обратной дороге в некоторых местах раздают холодную воду, готовый плов порциями. Не могу представить, что будет в Судный день, когда нас соберут на Махышари-майдан. Здесь один час выдержишь с трудом, а там под палящим Солнцем на расстоянии вытянутой руки должны стоять сорок лет. Народ будет просить об окончании Судного дня.

Ахмаджан здесь уже десятый раз, он порядочный и ответственный человек, прошедший все тяжести первой и второй русско-чеченских войн и познавший все ужасы плена и содержания в Чернокозово. Главное – остаться человеком после любых испытаний. Это дано не всякому.

17:50. Идет дождь с грозой – редкое явление для Мекки. Как-то непривычно при жаре в 35-40 градусов. В окно гостиницы видна темень из-за поднятого мусора, пыли. Затем хлынул ливень, смывая все следы жары. Многие спустились на первый этаж, снимая на телефоны это изобилие воды. Дождь в 19 часов все еще капал. Говорят, такого дождя в Саудовской Аравии не было последние семьдесят лет.

Послушавшись совета опытного Байали, три женщины и четверо мужчин вышли в эту погоду совершить умрат. У меня было намерение совершить умрат моей бабушке по материнской линии Ресибат, которая умерла в Киргизии. Супруга совершила умрат своему брату Идрису – хороший был парень. Поймали такси, которое отвезло нас в мечеть Айша за пределами Мекки – это ближайшая обозначенная точка, где совершили вечерний намаз. По пути видели лужи, текущие ручейки, поваленные щиты на бетонных блоках, камнепады, сваленные пальмы, сломанные ветви. Ветер, как и дождь, был сильным. Когда вернулись в Каабу для совершения таваф и переходов на холмы Марва и Сафа, узнали истинные размеры разыгравшейся трагедии: самый высокий башенный кран свалился под напором на верхнее кольцо-галерею, и нижняя часть средней трети крана провалилась до первого этажа, продавив своей тяжестью бетонный пол. Из фотографий по Ватцаппу из дому видели картину трагедии и по возвращении в номер в 12 часов ночи узнали от Ахмаджана, что по каналу «Россия 24» передали о восьмидесяти семи погибших и двухстах раненых. Машины скорой помощи работали два часа. Дала декъала бойла белларш, лазийначарна маршалла а дойла! Большая трагедия... Здесь этот кран, со слов «старожила» Байали, простоял в работе шесть лет. Не исключается и диверсия, ведь от подъема тяжестей он не свалился до сих пор (не верится в диверсию).

Совершил семь кругов вокруг Каабы на первом этаже в относительно небольшой толпе – прикоснулся ладонями к стенам в нескольких местах. С помощью Байали провел ладонями по Райскому камню в нише, а Байали даже головой коснулся в такой давке. Огромное спасибо за то, что он правильно рассчитал, что народа будет мало после трагедии, в дождь. Байали наотрез отказался взять 150 реалов, заплаченные им за такси за всех. Наш односельчанин смог передвигаться только на коляске – обошлось благополучно при его травмированной ноге. От съемок телефонная память заполнилась.

12.09.2015. Совершили все три намаза в универмаге Бен Ладена. Высота этого здания – 601 метр, венчается башней с большими часами с четырех сторон. Длина одной стрелки – 21 метр. Видны с любой точки. Внутри не замечаешь природные катаклизмы, происходящие снаружи.

Прибыла третья группа из Медины. Ахмаджан узнал коллегу-окулиста из Грозного.

Вода – самое большое богатство здесь, в этой горячей стране ее запасы ограничены. Один литр воды эквивалентен здесь по стоимости двум литрам бензина.

Стало известно, что погибло более ста человек, ранено более двухсот.

Натер себе вчера два пальца на ногах. Пациенты пока беспокоят лишь по мелочам. Супруга простудилась – купила местное отхаркивающее. Женщины накормили обедом.

13.09.2015. Воскресенье. Народ прибывает после Медины сюда, видишь много наших земляков, в том числе ингушей. В нашей гостинице на девятом этаже расположилась Яха Т. – вместе работали в Аргуне. Она уже четырнадцатый раз совершает хадж. Утром поехали на молитву, правда, пришлось расположиться на улице на подступах к Каабе. Территория Каабы строится и расширяется, создавая удобства для многочисленных паломников, число которых растет из года в год. Здесь смешались все расы и цвета кожи.

Вчера поговорил с Султаном из Аргуна, который оказался очевидцем этой трагедии. Он и трое ингушей совершали таваф на третьем этаже, когда в двадцати метрах от них рухнул кран, пробилась сильная молния. Люди моментально разбежались, были видны погибшие и раненые. Чудом остался жив.

Из новостей ТВ: погибло сто семь человек, более двухсот ранено.

В нашем номере постоянно работает кондиционер. Создается впечатление, что в доме холодно из-за дефицита дров.

14.09.2015. М. совершила умрат вчера вечером. Держится молодцом, хотя прихварывает. Не оставляет своих шуток при народе. С Ахмаджаном посидели в холле с нашим переводчиком Магомедом – преподает в Исламском институте в Грозном. В совершенстве владеет английским и арабским языками. С нами беседовал представитель Минздрава Саудовской Аравии Мохамед. Говорил он на английском. Обсуждал противоэпидемические проблемы, вакцинацию, профилактику заболеваний. Неотложная помощь здесь по номеру 977. При расставании он дал нам флакончики с антисептиком для рук.

В соседней гостинице, за сто пятьдесят метров, организовали медпункт и комнату отдыха для дежурных медиков. На разных этажах. Разложили лекарства по полкам, составили график дежурств. Обеденный намаз совершили в универмаге. Одна женщина с темным цветом кожи стояла перед эскалатором, но так и не смогла перебороть страх и шагнуть на движущуюся лестницу.

Во время очередного намаза магазины, бутики, лавки закрываются строго. Это свято, за этим следят.

У нас дома борются летом с жарой, а зимой с холодом, на Севере борются за тепло, а здесь идет борьба за прохладу, без которой жизнь замедляется, но не останавливается. Если сравнить климатические условия, то наша Чечня – это земной рай с обилием зелени, фауны, флоры, воды, с различным рельефом – от песчаных степей и равнины до предгорий и гор. Природа радует глаз.

Здесь другая красота – самый близкий путь к Всевышнему. Намаз, совершенный в пределах Каабы, превышает сто тысяч намазов, совершенных в другом месте.

Купил вчера Коран, напечатанный в Медине, – считается самой лучшей печатью. Начал обновлять свои знания по чтению Корана.

Ведем прием больных и в нашем номере, и в медпункте соседней гостиницы. Старик с давлением 200/100 мм.рт.ст., с насморком от кондиционеров. Нам с непривычки трудно адаптироваться к постоянному кондиционированию.

Руслан, Халид и молодой хирург из Курчалоя Керим успели окунуться в Красное море и принять морскую ванну, когда находились в Медине. Молодцы.

Правый коленный сустав дает о себе знать – невозможностью согнуть при совершении намаза. А также заложенность носа от кондиционирования.

Прибыла очередная партия паломников в соседнюю гостиницу, где развернули медпункт. Толпа мужчин, завернутых в ихрамы, представляет собой зрелище, заслуживающее уважения – человек раскаялся в грехах и предстает перед Всевышним, как в саване, на экзамен.

Посидели до половины двенадцатого ночи и только решили вернуться в свой номер, как пришел пациент для перевязки пальца.

Местные редкие мухи докучают своей назойливостью. Прибыли с очередной партией мои односельчане – соседи Ноги, Жандар и другие. Это шестой рейс.

Ночью вызвали в 903 номер, где женщина с избыточным весом с гипертонией под двести боролась с кашлем с астматическим компонентом. Сделали литическую смесь, антигистамин, а весь набор таблетированных антибиотиков в ее арсенале был. Зациклилась на антибиотиках для внутривенного введения. К утру вызвали скорую, и ее госпитализировали. Сегодня смена дежурить Руслана, Керима и Халида. Коленный сустав успокоился.

В некоторых номерах ребята не включают кондиционеры из-за одного человека, а наш кондиционер работает постоянно.

В автобусах постоянно крутят аудиопроповеди или читают Коран. Музыка не услышишь. На улице редко увидишь кошку у гостиницы, иногда летают около зданий голуби и птицы с интересным быстрым музыкальным набором. Часто на улице по пути в Каабу и гостиницу раздают бесплатно охлажденную воду в маленьких бутылочках – это самое ценное богатство в такой жаркой стране с малым количеством пресной воды. Предзакатный намаз совершили в домашнем холле нашей гостиницы. Много народу.

16.09.2015. Вернулись вместе с Халидом и Русланом в шестом часу утра – совершали умрат. Я совершил его своему без вести пропавшему в 1935 году деду Али, сыну Иса-хаджи. Целый день промучился от давления, оно поднялось до 160 мм.рт.ст., выпил всякие лекарства, внутривенно Ахмаджан сделал инъекцию баралгина, но полностью боль не прошла. Плюс ринит. Мы вышли в ихрамах в час ночи, поймали такси за 50 реалов, посетили Микъат – мечеть Айшат. Совершили таваф – семь кругов на первом этаже, коснулись стен священного дома, удалось после семи кругов зайти в зону первоначальной постройки – в полукруг недостроенной части Каабы, и там помолиться, правда, стоя. Народу было много. Угол, где находится Райский камень, закрыли передвижными ширмами, снаружи полиция, а в открывшуюся дверь заграждения видна была ремонтная бригада. В этой постоянно колыхающейся массе в первом круге вечная давка, и паломникам поневоле причиняется масса неудобства – то тебя толкают, то ты наступаешь на чью-то голую стопу. Совершили пробежки между холмами Сафа и Марва без трудностей, хотя народу было много – паломники все прибывают. Остался час до утреннего азана, когда мы все закончили и устроились на ступеньках к выходу.

Буквально за три секунды до кьамата (сунны перед каждым намазом для мужчин – ред.) сидящие слева и спереди от нас, как по команде, резко кинулись наверх к выходу, слышны были испуганные возгласы. Невольно подумалось: неужели повторяется катастрофа? Видимо, какая-то обшивка в ремонтной части конструкции сорвалась или что-то другое – у страха глаза велики – у всех на памяти предыдущая трагедия. Слава Аллаху, все кончилось, толпа успокоилась, призыв к молитве прозвучал вовремя.

На автобусной остановке увидел Тумхаджиевых – они приехали семьей.

17.10.2015. Этот день жаркий, как и все остальные, провели в номере. Запах копченого курдюка в комнате. Все этажи при приготовлении ужина заполняются запахом вяленого мяса – неотъемлемого атрибута паломника-чеченца в далеком путешествии, как мед и грецкие орехи. Понемногу обновляю чтение Корана. Байали периодически выдает малоизвестные факты. Ахмаджан, как заведенный, с неиссякаемой энергией выполняет свои обязанности врача-гуманиста. Посетил Яху на девятом этаже. Она в комнате с другой медсестрой из Аргуна.

Нельзя бриться, стричься, подрезать ногти до Курбан-байрама.

Наплыв паломников нарастает с каждым днем, добраться ближе к Каабе в час намаза невозможно. Хожу в разноразмерных шлепанцах – один тапок кто-то забрал после Джамат-намаза, оставив свой, 43 размера. «Угонщик» – наш земляк, так и не явился с повинной, вернее, со шлепанцем. Съездили в центр Мекки – район Сукъ-салам (Свободный рынок) – множество бутиков, домов. Вокруг и в городе – камень, который выгрызают, чтобы построить очередной дом. У нас дома, наоборот, выгрызают грунт до твердой породы. Каждая местность имеет свои особенности.

18.09.2015. Суббота. Рабочий день с Ахмаджаном проводим в медпункте в соседней гостинице «Нохба-2». Поток больных неиссякаем, есть недовольные, есть довольствующиеся тем, что предложили из нашего арсенала. Многие не могут акклиматизироваться сразу к жаркой стране с прохладой кондиционеров и напитков. Делать инъекции и ставить капельницы местная медицинская власть не разрешает из-за того, что у нас не налажено уничтожение отходов.

Вечером с Байали нырнули в духоту улицы из прохладной гостиницы –

пошли к Каабе, сумели зайти в универмаг Бен Ладена, где и совершили ночной намаз в подвальном помещении из-за нехватки времени.

20.09.2015. Сегодня провели совещание в медпункте, поставили дежурство двум медсестрам до вечера. Самый молодой доктор задействован, как и более опытный напарник.

Совершение хаджа – ответственное и обязательное деяние мусульманина. Когда сам проходишь через все этапы паломничества, сталкиваешься конкретно с трудностями и препятствиями, которые нужно преодолеть. Тяжело физически при сорока- пятидесятиградусной жаре находиться под солнцем и выполнять физические нагрузки, невзирая на возраст, вес, звание и наличие больших материальных средств. Здесь все равны. Пображек нет. Если тяжело в этот короткий миг на этом свете, то трудно представить, каково будет в Судный день! Будем надеяться, Иншааллах, что мы будем в рядах, которыми Всевышний доволен.

По чистоте Мекка уступает Медине – много мусора, строек, груды камней, кирпичей. Видимо, это объясняется тем, что народу много, соответственно, и выброса мусора на улицах больше: пластиковых бутылок, бумаги, упаковок. Кроме того, кругом идут стройки. Каждый раз по пути из Каабы в гостиницу раздают бесплатно плов, холодную воду, фрукты.

Паломники из Турции, Иордании и других государств по соседству имеют возрастную ценз в 60 лет, плюс здоровье и минимум знаний по религии.

21.09.2015. Все арабы в основном миниатюрны, никакого лишнего веса, который является проблемой для Европы и Америки. Стройные, в среднем по 50-70 килограммов, подтянутые. В 1979 году, когда террористы захватили Каабу, убили имама мечети, который не объявил их предводителя Мехди, на освобождение Каабы пригласили спецназ Иордании, которым командовал генерал, этнический чеченец Ахмад Арслан, прозванный Чеченским львом арабской пустыни. Он сумел очистить Каабу. Был удостоен звания Героя Иордании дважды, для этого специально изменили закон, не позволявший награждать одного и того же человека дважды. Он умер в 72 года. По указу Главы ЧР Рамзана Кадырова его именем названа улица в Грозном.

Видимо, я заболел – ангина, трахеит. Казалось бы, что уже адаптировался к местным условиям. Сегодня дежурство, стыдно даже перед напарником Ахмаджаном, который тянет нашу общую ляжку.

К 17 часам в медпункте принято более 120 пациентов. В основном охлаждение на фоне жары, горло, кашель, редко потертости стоп, ожог кипятком, повышение давления. Некоторые, проходя мимо, заходят получить медикаменты на всякий случай.

Схватил ларинготрахеит с болезненным кашлем. Ночь провел в поту, с головной болью. К обеду пошел на подмогу коллеге, который принял около ста человек. Отослал его отдохнуть на два-три часа, продолжив прием. К одиннадцати ночи приняли около двухсот человек. Всем раздавали лекарства. Главное – хватало всем, куча на полках уменьшилась незначительно. Привели нашу односельчанку в полубморочном состоянии, с давлением 220/120 мм.рт.ст. Быстро уложили на кушетку. Коринфар и глицин под язык, дибазол, папаверин внутримышечно, валокардин, и через 20 минут давление нормализовалось до 130/80 мм.рт.ст. Радуется, когда кому-то конкретно помогаешь.

23.09.2015. Сегодня ночью выезжаем из Мекки на Арафат, где должны провести один световой день и ночь в молитвах, здесь Всевышний дает ответ на молитвы. Всегда на первое место выходят дети, внуки, родные, процветание, здоровье, прощение земных грехов и Рай на том свете.

Голова болит, но терпимо. На улице 55 градусов жары. Упаковали большую сумку с медикаментами для поездки, и каждая пара медиков берет с собой маленькую сумку. После 22 часов нас погрузили в автобусы и повезли в долину Арафат. В гостинице приняли душ, надели ихрамы. На дорогах большие заторы – многомиллионные толпы паломников разом устремились в эту долину, чтобы

именно в этот день быть здесь, иначе хадж не состоится. Палатки-навесы рассчитаны на сорок человек. Только расположились, Ахмаджана вызвали в нашей палатке к больному из Катар-Юрта – Дунге. Ему дали анальгетик. Через десять минут в темноте нас потревожили – соседу не понравилось его дыхание. У больного была картина инфаркта миокарда – кардиогенный шок – давление не определялось, агональное дыхание с остановками. Провели все мероприятия: оттянули нижнюю челюсть, сделали кордиамин, дексаметазон внутривенно и внутримышечно, дыхание рот в рот, непрямой массаж сердца. Мы вдвоем трудились около получаса, параллельно вызвав скорую медицинскую помощь. Скорая прибыла, ребята быстро сделали освещение, принесли лед, опухло, подняли нижние конечности. Параллельно Хасмагомед читал рядом Ясин. Зрачки были одинаковые, не расширены. Приехавшие молодые доктора на скорой наладили связь с веной, продолжили массаж сердца и увезли его в ближайшую больницу. Через час медики вернулись и сообщили, что больной умер, попросили его паспортные данные. Его похоронят на специальном кладбище рядом с Меккой для умерших паломников. Он совершал Хадж тринадцатый раз. Приехал со своей сестрой. Аллаха декъала войла иза! Иза декъала хилла. Спать уже не хочется. А народ все прибывает и прибывает шумной толпой, беспокоя нас, уже устроившихся. Возле палаток имеется холодная вода и соки в охлажденных бачках со льдом.

24.09.2015. Ночь прошла с урывочным сном по десять минут из-за головной боли. Боюсь стать кому-то обузой. Мы втроем устроились на краю палатки, чтобы не беспокоили пациенты остальных жильцов нашей палатки. Здесь находился и Хасмагомед с племянником. Завтра начинается Курбан-байрам. Дома по этому случаю готовят к раздаче от Главы ЧР 32 тысячи овец, да еще столько же в другие республики.

Изнываем от жары, солнце палит нещадно. Стоят бачки со льдом с водой в бутылках. Байали попросил одного чернорабочего, чтобы он принес лед и воду, но проходящие мимо забирали охлажденные напитки. Передвинули бачок к центру, чтобы хоть что-то досталось и нам. Этим воспользовался один здоровый паломник, который подходил каждые пять минут и выпивал охлажденную бутылку, пока мы ждали охлаждения. Супруга принесла нам обед – традиционное вареное вяленое мясо, хлеб. Хасмагомед пошутил на этот счет. Периодически обслуживаем больных – тепловые удары, диспепсия. Находясь здесь, никому нельзя чесаться, покрывать голову ничем, кроме зонта, нельзя рвать зеленые листья, убить муху, комара. Если провинился, то придется уплатить штраф в сто долларов – цена одной овцы. Кто-то рассказал, как в прошлый год одного докучала муха, отгонял несколько раз. Наконец, жужжание прекратилось. Сосед обернулся и спросил:

– Неужели убил муху?

– Нет, не убил, оторвал оба крыла и отпустил...

В нашей палатке в углу при входе был молодой саженец, напоминающий тополь. Ахмаджан обнаружил сломанную ветку с 28 листьями, которую невзначай сломал один старик, когда заходил померить давление. Похоже, он задолжал Саудовской Аравии маленькую отару в 28 овец.

Два дня назад один больной на приеме рассказывал, что у молодого паломника после приложения лица к стене Каабы усы и борода вокруг рта к утру поседели. Наш товарищ истолковал это чудо: видимо, он раньше прикасался к какому-то запретному месту. Здесь не скроешь грехи, хорошие деяния.

Сегодня вечером мы переезжаем в Муздалифат, где отдыхаем до утреннего намаза и собираем камни для бросания. Муздалифат – типичное голое место на трассе №48, там выгрузили миллионные толпы. Ночуют на открытой местности, собирают камни – их должно быть сорок девять – для бросания завтра в Мина. Уснуть невозможно. Среди 2636 наших земляков у кого-нибудь обязательно поднимется давление, случится тепловой удар или отравление. Собрали свои камушки в пластмассовую бутылочку. Многоопытные Байали и Ахмаджан решили, не дожидаясь двух часов ночи, дойти до Мина пешком

– это 7 км с вещмешками и нашей сумкой первой помощи красного цвета через плечо, на сумку я еще дома наклеил красный крест. Несли медицинскую сумку поочередно с коллегами. Оба неутомимые путешественники, не ноют, а, как машины-роботы, направлены на исполнение цели. Через полтора часа прибыли на место нашей стоянки, легли отдыхать – мы прибыли первыми, но по прибытии основной массы пришлось перебраться в комнату-шатер на двадцать человек. Нам, в принципе, без разницы. Руководитель группы Магомед Б. встречал, устраивал наших паломников, как и остальные. В три часа утра нас, едва уснувших, разбудили. Сделали омовение и тронулись в путь для совершения ритуала бросания камней. Для этого определены три места по пути и построены пять этажей для удобства паломников, а их миллионы. Весь путь лежит в основном через туннели. Есть участки с движущимися транспортерами по пятьдесят метров. Многотысячные толпы спереди, сзади. В основном, люди среднего и молодого возраста. Женщин, как всегда, много. Даже в нашей группе из 218 человек – 178 женщин. Бросили камни в последнюю стенку, а следующие два дня бросаем по всем стенкам по семь штук. Затем, простояв в очереди в огромной парикмахерской, побрили головы и, сняв ихрам, переоделись в брюки и футболку, принесенные на этот случай, и двинулись в сторону Каабы по туннелям с турбонадувами. Совершили утренний намаз по дороге в джамаате прямо на тротуаре. После переодевания на распустье пошли по дороге справа, хотя Байали советовал пойти слева. Прodeлали путь около шести километров пешим ходом, не останавливаясь ни на минуту. Ноги мои уже привыкли после первой недели нагрузок к такому прессингу по передвижению 123 килограммов. На втором круге спустились на первый этаж, сделав несколько маневров. Совершили намаз у стен Каабы – азан с призывом к иде в связи Курбан-байрам. При чтении проповеди богослов иногда не сдерживал слез. Я дотронулся до золотой двери справа и слева. Приятно прикоснуться к истории, шагать по тем местам, где ходили и жили великие пророки. Пробег между горами Сафа и Марфа проделали героически, ноги хорошо слушались, подчиненные одной цели. Когда вышли во двор, присели на пол отдохнуть. Большая мука встать после такого короткого отдыха. Путь длиной в 1400 метров в гору до гостиницы прошли за полчаса. Таксисты вообще наглют, требуя 150 реалов (2500 рублей) за провоз уставших людей оставшиеся восемьсот метров.

Придя в гостиницу, еле приняв душ, завалились спать до 13 часов. Пришла супруга за мазью для больной. Как приятно полежать и отдохнуть в нормальных условиях после всех этих испытаний! Главное, эти обязанности для хаджа вся многомиллионная армия паломников должна совершить в один день. Узнали по Ватцаппу, что сегодня в Мина, где мы бросали камни, в давке погибли более семисот человек, много раненых. Работают двести машин скорой помощи. Аллах! а гечдойла царна! наших земляков среди них нет. Причина ЧП – толпа паломников уперлась на тех, кто ночует около проезжей части. Создался затор. Нам обратно в Мина через несколько часов для продолжения нашей миссии.

Вечером мы вышли, чтобы вернуться в Мина, поймали такси за 150 реалов, чтобы доехать до места жертвоприношения – ближайшей точки к нашей стоянке. Таксист доставил нас в район Сукьсалам и попытался высадить. После пререканий отвез еще 2 километра, но Байали дал ему только 50 реалов. Таксист подошел к полицейскому, чтобы пожаловаться, но знание основ арабского языка и справедливый гнев Байали убедили полицейского в нашей правоте и сэкономили нам сто реалов. Расстались с недовольным таксистом на высоких тонах. Пешком проделали шесть километров до нашего стана. Хорошо, что Байали неплохо ориентируется на местности и прокладывает маршрут по телефону. Чтобы не поехать в объезд 20 км, таксист хотел нас обдурить. Он даже дважды останавливался рядом с полицейским.

Нелегальных паломников полно, днюют и ночуют прямо на обочинах дорог. Мусора много, коммунальные службы не успевают убирать. Военные и полицейские пытаются регулировать потоки движений. Дорогу укорачивают

туннели длиной 1-1,5 километра, проложенные через гранитные твердыни, которые продувают мощные авиационные моторы, чтобы не было духоты. Свет здесь горит везде – где нужно и не нужно. На этом экономии не делают. Говорят, светофоры на отшибе работают от солнечных батарей. За последние сутки мы втроем проделали 35 километров пути пешком. Главное, выдюжили, как будто занимались спортивной ходьбой раньше. Никакой отдышки, умеренная тяжесть в ногах. Невольно приходит мысль о наших предках, которые совершали хадж сто лет назад. Мой прадед Иса-хаджи был здесь в начале двадцатого века (1908 г?). Не представляю, откуда они черпали силы для совершения хаджа. Ведь тогда не было ни туннелей, укорачивающих путь, ни кондиционеров, ни холодной воды.

Ноги после первой недели привыкли к нагрузкам. А ведь пройти пешком расстояние длиной в один километр было большой проблемой дома. В последний раз прошел пешком около 6 километров в два этапа в январе этого (2015 – ред.) года в Грозном, когда собирались на митинг протеста.

Если сам не прошел через все испытания, чтобы стать хаджой, человек не совсем представляет, что это собой представляет, через что нужно пройти, что может случиться, где может состояться твоя встреча с ангелами, ответственными за твою душу. Наша миссия еще не закончена, но Всевышний дал нам шанс убедиться лишний раз, что Он нас оберегает, что наше пребывание на земле еще не окончено. За время начала нашего паломничества Всевышний уберег в нескольких случаях: дорожно-транспортное происшествие, когда на скорости 90-100км/час лопнуло на выстрел переднее правое колесо и мы проехали по обочине двести метров. Случился страшный ливень со шквальным ветром. Нас в этот момент там не оказалось, а пошли на умрат к ночи, когда все еще шел дождь и потоки луж заполняли улицу. Вчера мы по счастливой случайности миновали место бросания камней и завернули втроем в другое направление. В той давке погибло более 800 человек, прибывших с благородной целью.

Если через все испытания пройдешь, у тебя появляется шанс стать хорошим человеком, начать жизнь с нуля, безгрешным. Неисповедимы пути Аллаха!

Из достоверных источников Ахмаджану стало известно, что ряды врачей нашего призыва понесли тяжелые потери – выбыл из строя ведущий специалист Руслан А. Недуг завел его на гостиничную койку, где он отлеживается под присмотром Халида З. За два дня пребывания в гостинице они задолжали штраф в размере четырех овец и пополнили копилку штрафников. Вчера был тяжелый во всех отношениях день и, видимо, его тонкая натура не выдержала суровую жару Аравийского полуострова – его свалил тепловой удар. Нагрузка на молодого хирурга Керима в связи с «боевой» потерей возросла. Все мы смертны, но не хочется умирать в большой толпе и в полном одиночестве. На территории Хьармы все твои деяния увеличиваются в сто тысяч раз. Хочется надеяться, что наш коллега очистится от хвори на многие годы вперед. Байали периодически рассказывает про райских гурий, наставляет нас на путь истинный. Он за несколько дней в гостинице закончил чтение Корана. Молодец!

Теперь от вида копченого курдюка тошнит. Особо кушать не хочется, в основном принимаешь холодную воду. Несмотря на нагрузки, чувство голода притупилось значительно. Можно стать и вегетарианцем при желании.

На улице 41 градус жары, мы отлеживаемся под тентами в условиях легкого дуновения вентиляторов. Наша миссия на священной земле медленно приближается к концу – сегодня второй день бросания камней в шайтана. Мы уже на 75% хаджи, со слов знатоков. Адам и Хава после изгнания из Рая, когда они вкусили яблоко, были разбросаны по белу свету в разные стороны. Они искали друг друга сорок лет, пока не встретились в долине Арафат. До этого Адам сорок лет молился, прося прощения.

Руслан А., скошенный недугом в самый неподходящий момент, лежит на лазаретной койке гостиницы, поправляя пошатнувшееся здоровье. Ему все

зачтется на том свете. Говорят, есть хадис о том, что Всевышний награждает своего любимчика недугом, чтобы напомнить о Себе.

Уже 16 часов, но народ не выпускают. Похоже, опять проблемы с потоками людей, бросающих камни – давки, заторы. Отодвинули наш выход еще на один час. Вода для душа и туалета теплая, не горячая.

После вечернего намаза наш отряд вышел на второй этап бросания камней. Чтобы дойти до первой точки, надо преодолеть около десяти километров быстрым шагом. Уполномоченным нести знамя с обозначением нашего рейса назначили Байали, как опытного специалиста в этом деле. Отряд, кроме пяти мужчин, состоял из женщин. Периодически вырываясь вперед, командир уверенно лавировал в людском потоке. Час туда и столько же обратно размеренным шагом. Ноги уже привыкли к этим переходам. Здесь человек или ломается, или, мобилизуя свое внутреннее «Я», выполняет самую светлую и тяжелую задачу своей жизни. Байали справился с поставленной задачей, не посадил свой «Титаник» на мель, не столкнулся с айсбергом. Рейтинг «первого рейса» вырос на несколько сантиметров. Этим своим примером ответственности и выполнением поставленной «боевой» задачи он незаметно для себя стал завидным женихом с солидным багажом знания жизни и шариата. Он теперь кумир и потенциальный жених для тех невест, которые готовы довольствоваться ролью второй ханумы. А Ахмаджан, сославшись на наполненность своего семейного штата, не использовал этот великолепный шанс, который выпадает только раз в год, да и то не всем.

Около двенадцати ночи, многие спят в палатке, уставшие от похода, жары. Здесь почти полностью забываешь, что есть другая жизнь, работа, заботы, проблемы. Все подчинено одной цели – выполнить свою миссию во что бы то ни стало. Людей не отпугивает массовая гибель и ранения паломников. Все остальное отодвигается на второй план и становится несущественным. Сегодня, когда мы возвращались назад после бросания камней, на открытом промежутке между туннелями пошел кратковременный дождь, который едва намочил асфальт, но было приятно в эту душную ночь почувствовать драгоценную и редкую для этих мест влагу с небес. Невольно глаза наполнились непрошеными слезами. Всевышний дает нам знамения, оберегая за эти неполные три недели от трех трагедий: ДТП, падение крана и массовая давка вчера утром в Мина. Хочется стать лучше, чем ты есть, быть выше суеты и мелочных обид на окружающий мир.

Стоит большого уважения то, что эта страна в короткий промежуток времени – один месяц – принимает и пропускает на ограниченных пространствах столько людей со всего мира. В бедной водными ресурсами стране считаю подвигом поставлять огромной массе людей воду в одноразовых бутылках по 200-300 мл. Фигурирует Водная Компания СА. Для каждого паломника нужно минимум пятьдесят литров на гигиенические нужды. А вода качественная, хотя и не такая вкусная и минерализованная, как наша.

26.09.2015. Суббота. Мощные кондиционеры в каждом доме, номере, палатке ни на минуту не останавливаются. Свет яркий и горит стабильно при любой погоде. Никаких проблем за три недели с электричеством не было. В этом плане все налажено на уровне.

Сегодня последний день бросания камней в шайтана. Нам вчера сообщили, что можно уполномочить кого-то, чтобы за тебя это сделали. Мне и супруге оказал любезность наш односельчанин – молодой хаджа Рустам. Благодаря этому, нам удалось с большой партией женщин и немощных прибыть в гостиницу. Все рубашки пропитались краской от одноразовых матрасов. В нашей палате стоял охладительный бачок, который молодые ребята периодически заполняли бутылками с водой, соками и льдом. Руководитель рейса Батаев Магомед тоже был в нашей палатке. Трудно регулировать, контролировать разнородную человеческую массу, тем более в чужой стране с незнанием языка. Но всех объединяла одна цель – совершить хадж по полной программе, а это дисциплинирует и добавляет сил.

Прошел слух, что в Каабе сорвалась большая люстра, есть человеческие жертвы. Подтверждения этому слуху мы не нашли. Завтра с утра надо совершить прощальный таваф. После этого ничего нельзя покупать, кроме еды. Мои два товарища остались для завершения хаджа в Мина. К закату намазу они должны вернуться в гостиницу.

Когда ехали из Мина в Мекку, видны уже опустевшие лагеря.

Оказывается, в тесноте и жаре можно жить и стараться стать лучше, чем ты есть. Такая сплоченность была в Чечне в 1994-95 годах, когда всех объединяла одна общая беда, боль и патриотизм. Если из всей этой массы в 2636 человек хотя бы третья часть будет, не лицемеря, а от чистого сердца соблюдать все требования, предъявляемые к хадже – это большая победа и хороший фундамент для следующего поколения. Считаю за счастье, что удалось совершить два умрата – за моего без вести пропавшего деда Али и бабушку по матери Ресибат, тоже хлебнувшую много человеческого горя. А еще поручил поломнику-чеченцу из Дагестана совершить умрат нашей матери Асмарт, умершей в 1995 году, вырастившей нашу большую семью на чисто чеченских традициях. Приятно сделать для них хорошее, хоть и с запозданием. При их жизни не замечаешь, как богат ты, имея родителей.

Очень рад, что судьба свела меня и дала возможность пожить бок о бок с двумя замечательными людьми – Байали и Ахмаджаном. Знал их и раньше, но только дорога и общее испытание раскрывают характер человека и его цену. Целеустремленные, здоровые морально и физически, готовые помочь ближнему словом и делом. По соседству с нами в гостинице, а также на Арафате находился известный богослов Хасмагомед К. – очень деликатный человек. После приезда в гостиницу он заходил к нам в номер и выразил признательность за наш профессиональный труд. Все-таки приятно услышать из уст умного и уважаемого человека слова благодарности.

В Мина мы с Ахмаджаном и Байали устроились прямо у входного полога нашего шатра на 20-25 человек. Это мы сделали специально, чтобы из-за нас больные в неуточный час не беспокоили остальных в палатке. Главное, все проходит, надо быть вооруженным терпением и сочувствием к ближнему. Все образуется лучшим образом.

Вместе с супругой поблагодарили нашу односельчанку за предоставленную возможность совершить хадж в этом году.

27.09.2015. Воскресенье. Нам объявили, что наш рейс сегодня глубоко ночью, готовыми к выходу из Алнохба №1 надо быть к 18 часам. Все в суете перед отлетом делают мелкие закупки-сувениры для домашних. В связи с подорожанием доллара по отношению к рублю у нас дома покупка здесь обходится сравнительно недешево. Чемоданы почти готовы. Вчера пошел с нашими женщинами в супермаркет Бен Ладена.

Говорят, что в последней давке в Мина пострадали две ингушки.

Керим-хирург и Халид-координатор болеют – трахеит, ларингит с температурой. Руслан А. выздоровел, ведет прием больных в медпункте. Вчера ночью посетил их. Халид завел речь о смене звучного и модного в свое время имени Руслан на мусульманское имя. Было много предложений, выбор оставили за виновником торжества.

Надо совершить прощальный таваф к закату намазу и быть готовым к отправке в Джидду, чтобы ждать свой коридор. Хочется надеяться, что все преобразуется лучшим образом после этого очищения и духовного обновления. Арафат называют маленьким Судным днем – действительно, жарко, жажда, миллионные скопления людей на маленькой территории в течение одних суток. Все эти этапы прохождения пути – повтор тех действий и в той последовательности, которые совершал наш Пророк Мухаммад (с.1.в.). Как хорошо, что Всевышний дал нам возможность, здоровье совершить хадж. Говорят, что хадж совершит только тот, кого призвали это делать в первый призыв при заложении Каабы. Нас призвали.

Вчера при выходе из гостиницы в сопровождении наших женщин я чуть было не получил травму. Едва успел увернуться, чтобы по моим ногам не проехали колеса авто – отодвинулся руками от машины на сантиметры. Обошлось и на этот раз. Всевышний оберегает нас. Придя сюда с благородной целью – выполнить фарз, ты полностью очищаешься от всего плохого. Мне это чувство знакомо потому, как мы прошли две войны, когда основная задача состояла в выживании, оставаясь в гуще событий. Тогда думал, что после окончания войны, пройдя через весь ужас неопределенности, ежедневного риска быть убитым, пропавшим без вести, будешь жить, не обращая внимания на мелочи, что народ будет жить дружно.

Закатный намаз сделали втроем в Каабе, совершили прощальный таваф – все уже позади, теперь будем ждать автобусы на Джидду. Сейчас нельзя ничего покупать – только съестное.

28.09.2015. Нас вывели к автобусам вечером и повезли в Джидду за сто километров. При отъезде в наш автобус заглянули Халид и Руслан – они остаются в объятиях Мекки еще 2-3 дня, а наш рейс первый. Они пришли прощаться. Совершили здесь утренний намаз. Прошли через все контроли, сдали багаж и с чувством выполненного долга уселись в таможенной зоне в ожидании вызова к посадке. Очень много времени уходит на предполетный период – устаешь под конец, бессонная ночь. Да и дома предстоят нелегкие дела – все время, как будто первый раз в доме тещи, быть на ногах – встречать, приветствовать, провожать. Но это счастливые хлопоты, связанные со всеобщей радостью, что прошли еще одно испытание, стали чище, выполнили одно из пяти обязательных требований для мусульманина.

С оформлением нашей поездки как командировки не получилось, но это ерунда по сравнению с первой мировой революцией. Мельчаем. Главное, мы есть, земля вращается и есть на свете добрые, отзывчивые, хорошие люди, на которых можно положиться. В этом убедился на примере двух своих товарищей – десятикратных хаджей – Байали и Ахмаджана. Очень рад, что поездка состоялась, завершилась, хоть и не обошлось без жертв – умер наш земляк-паломник, его похоронили на специальном кладбище в Аравии. Никто не попал под природную стихию, под строительный кран, человеческую давку, которая представляет страшную картину, когда сзади напирает тысячная масса на маленькую горстку, и потом, как снежный ком, скатившийся с гор, увеличивается в объеме. Все мы смертные, и когда-нибудь закончится наш век, но хочется всегда приехать домой, быть в кругу своих близких в здоровом или больном виде.

В сравнении познаешь, что наша Чечня – это природный рай на земле, где на маленькой территории уместились все виды ландшафта – от полупустыни, равнины до предгорий с лесами и гор. И везде много пресной, чистой воды, которую не нужно хлорировать, фильтровать и охлаждать, чтобы она стала приятной для употребления. А климат – благодать от минусов зимой до плюс тридцати и выше летом. Когда живешь в окружении зелени, ты не знаешь, что есть страны, борющиеся за каждое деревце, травинку.

Прибыли в Грозный к обеду. Когда открылась дверь нашего «Боинга», в салон ворвался ни с чем не сравнимый родной свежий воздух. Нас приветствовал на борту первым Хож-Ахмед-хаджи.

В аэропорту нас ждали все мои родственники, родные, дети. Дома хорошо!

Грозный – Мекка – Грозный.

Ирина Куртмазова

Родилась в 1982 году в городе Актобе (Казахстан). Окончила Оренбургский госуниверситет, факультет архитектуры и дизайна. Проживает с 2001 года в Оренбурге, работает по специальности. Стихи пишет с детства. Публиковалась в газете «Вечерний Оренбург», «Литературной газете», в сборниках «Здравствуй, это я!», «Любви мимолетное чудо». В 2011 году увидела свет первая книга молодой поэтессы – «Тоскующая полынь». Член Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля. В 2013 году была принята в Союз писателей России.

Я придумаю завтра...

В снегу, как в саване,
Упавшей искрою
Лежу – пресамая
Твоя пречистая...
С тончайшей кожей,
С глазами-ямами,
Кровинка-Божия –
Твоя пресамая...
Снег меня кутает,
Как королевишну,
И эту шубку ты
Одной наденешь мне.
Лишь мною светятся
Глаза-прогалины.
А в целом свете я
Одна такая ли –
Твоя пресамая,
Твоя прелучшая?
Горят под саваном
Глаза-излучины.
Лежу под снегами,
Как сиротинушка,
И шепчет небо мне:
«Не спи, Иринушка!»

Алатырь*

Расскажи, как покатится
мир под откос.
Расскажи мне,
как солнце сожрет крокодил.
А в груди Алатырь засиял ярче звезд.
Выше звезд в моем сердце
взошел Алатырь.

И не страшно отныне
смотреть в облака.
Пусть пророчества Майя
пугают пустых.
А во мне твое имя цветет... И пока,
И пока я жива – оно будет цвести.
Оно будет вести меня, словно искра –
Как бы небо ни скалило
звездную пасть.
Мне, горящей тобою,
так мало костра!
Падшей мне – еще ниже
хотелось бы пасть.
Все равно нам дорога одна –
под откос.
Крокодил так прожорлив,
что мир не спасти.
Но за оживший камень
тебе, камнетес,
Благодарна, пока
камень будет цвести...

Высыхай, высыхай –
как по осени травы,
Твою участь и весны
теперь не отменят,
Правы были глаза,
остывая... Неправы
Были губы, целуя горячее темя.
Промерзай, промерзай –
как февральское лоно,
Твоя девочка-лето
исчезнет с рассветом,
Если в сон, беспробудный
и тягостный, клонит,

Значит, это не жизнь –
 выживание это.
 Выстужай, выстужай
 из души своей нежность,
 Точно хворь для тебя
 теплота моей кожи,
 Я плавильная печь, ты –
 железа железней,
 И нам сблизиться даже
 весна не поможет.
 Не поможет сродниться
 подснежников запах
 И окно, что оттаяло, утро впуская.
 Уходи, уходи. Я придумую завтра,
 Кем теперь будет пахнуть
 квартира пустая.

Мир беззвучен и крылья
 сложены за спиною,
 Оставляю себе
 наследие всех бессонниц.
 Отними у меня дар речи
 и будь спокоен –
 Мы, не ссорясь,
 Расстаемся под завывания
 злых метелей,
 Что снегами укрыли
 тропы в мой старый дворик.
 Оставляю себе
 последствия тех недель,
 Где нас двое...

Здесь ливень сегодня сорван,
 как пес с цепи,
 И город, где мы не вместе –
 еще чужее...
 Смертельнее, ливень,
 зубы свои сцепи
 На этой моей двужильной,
 но тонкой шее!
 И в самое сердце смотрит
 открытый люк –
 Как выход для тех,
 кто лбом разбивает стены.
 Здесь все по системе, где я –
 бесспорный глюк,
 Всего лишь ошибка,
 маленький сбой системы...
 А ты – моя ложь,
 но лишь не себе самой!
 О, как мне найти твой
 проклятый город-призрак?
 И что из того, что демон
 твой мною призван? –

Он делит свое бессмертие
 не со мной...
 Все догмы трещат по швам,
 как худой матрас;
 Мир этот прогнил,
 как старые доски дома...
 Но ты основною станешь,
 единой догмой
 В том мире, который
 я создаю для нас.

Ты латунной камчюю
 Прогони меня прочь,
 Будто лихо ночное,
 Что приходит в полночь.
 Как терновую рощу,
 В щепки мысли руби
 Обо мне...
 Я – та лошадь,
 Что встает на дыбы.
 Заклинания древних
 Повторяй перед сном.
 Отгоняй, словно скверну,
 Осенившись крестом.
 Сладить духу не хватит –
 Уходи невредим!
 Очень дорого платит
 Побывавший моим...

Мое счастье, теперь – все честно:
 Делим поровну боль и платим
 За квартиру, в которой тесно,
 Как в больничной пустой палате.
 Мне – задернутость занавесок,
 Немость комнат и хлеба черствость...
 Моя нежность, теперь все честно.
 И, пожалуй, еще – все к черту!
 Не подумай, что я ночами
 Не давлюсь, как и ты, слезами.
 Вспомни, счастье мое, молчанье
 Зря ли золотом называли?
 Мне оно предстоит у стойки
 Барной, в мареве сигаретном.
 А тебе достаются строки,
 Что пишу я в минуту эту...

Мое счастье – теперь все просто:
 Не срывая свои стоп-краны,
 Я люблю тебя, словно поезд
 Любит в вечном романе Анну.
 Так вода не была любима
 Ни одной из своих русалок.

Я люблю тебя, как Людмилу
 Любит ревностный меч Руслана.
 Так не будет любимо небо
 Войском ангельским или звездным.
 Я люблю тебя каждым нервом,
 Мышцей, мускулом, долей мозга.
 Я люблю тебя, как застенки
 Сумасшедшего дома любят
 Разум Мастера... Мой запретный
 Плод (на нем прокололись люди),
 Я люблю тебя – самой светлой,
 Самой грязной любовью, пошлой.
 Я люблю тебя первым снегом,
 Что растаял зимою прошлой.
 Так люблю тебя – словно сына –
 Нерожденного. И не гайна,
 Что люблю тебя с той силой,
 Как не любит Онегин Таню.
 С той же страстью, как тают льдины.
 С болью той, когда рвет на части...
 А тобою я ТАК любима,
 Ненаглядное мое счастье?

Доверяю тебя журавлиному тылу,
 Журавлиному клину тебя доверяю.
 Только сил бы хватило!
 Лишь бы сил мне хватило...
 Пусть окон моих мимо
 Несет тебя стая.
 Пусть несет тебя прочь,
 за леса – на просторы,
 С журавлиным крылом
 я уже не поспорю.
 Мне с тобою в клетке
 Стало душно и тесно,
 Отпускаю! – Лети
 Журавлиною песней...

Имя твое

Имя тебе – лоза,
 что вокруг шеи ластится.
 За твоим домом,
 за осенью, что окрасилась
 В цвет незаживших ран,
 нежность большой собакою
 Жметесь к моим ногам...
 Только бы не залапала.
 Кто в твою дверь вошел –
 бес ли в обличье женщины?

Имя твое из зол –
 большее или меньшее?
 Ведь я забыла,
 как верность бывает – лисьюю.
 Имя тебе – овраг,
 где я лежу под листьями...
 И не найти меня с факелами,
 с ищейками.
 Имя тебе – петля,
 спутанная с ошейником
 Для моей нежности,
 словно с цепи сорвавшейся...
 Спи, моя нежность, спи –
 эта петля не страшная.
 Это петля петлей –
 в ней бы болтаться всякому.
 Имя твое в тепле, что уже не иссякнет.
 И
 Не повернуть назад –
 шея петлею сломана.
 Имя твое не зря
 яблоком с ветки сорвано.

Мне не страшно встречать эту зиму –
 пусть небом упавшим,
 Она жметесь к двери и угрюмо
 глядит в мои окна.
 А на том берегу,
 где зима забирает уставших,
 Где она, как сирот,
 прибирает к рукам одиноких,
 Ты мне машешь рукой.
 Ты прощаешься многие годы.
 Но теперь – навсегда:
 белоснежные зимние кони
 Унесут твою тень. И вдруг
 станет волшебной погода,
 Как в то время, когда мы
 снежинки ловили в ладони...
 Я достану из шкафа коньки,
 вся в предчувствии снега:
 Я забыла, когда с первым снегом
 ко мне приходило
 Ожидание сказки... Один
 только взгляд – напоследок –
 На тот берег, где больше не видно,
 кого я любила.

*Алатырь – камень в русских средневековых легендах, «всем камням – камень». Его часто упоминают в заговорах и сказках. Говорили: «Кто камень-алатырь изложет (дело – трудное, немислимое), тот мой заговор превозможет».

Школа перевода**Николай Рубцов****Тихая моя родина***В. Белову*

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

– Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. –
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать –
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Тийна сан даймохк*В. Беловна*

Хьомсара, тийна сан даймохк, хьо!
Хин, декхнийн, зарзариин ца...
Хлоккхузахь, бералла байла хьош,
Нана дайойллина сан.

– Стенгахь ду кхузара кешнаш шун?
Сайнна уьш ца карадо-кх.
– Дпогахь, хил дехьа ду, – меллаша
Схьахези нахера жоп.

Меллаша тIехъевли ворданаш,
Нехан жоп дах ца луш кхин.
Тишьелла лаятгаш ю горгачу
Момсарш тIе буц яьлла килс.

Иеханой, уьшалой даьккхина
Лийча со листина хи...
Даймохк, хьох дагара даьккхина
ХIума-м сан ца хилла-кхий.

Школина хьалха ю керла керт,
Сийна и аре а гуш.
Къийгах юха а цу керта тIе,
Вайвелла, со хуур ву!

Дечигах йина сан школа, хьо!..
ЙогIур ю дIавоьду хан –
Дахкаран асанах долалуш,
Хьодур ду хи лорах сан.

Даймохк, хьан ца а, хьан марха а –
Къекъа хьан стигал а тIехь –
Хаало цIийх а, тIамарх а сайн
Хьаьрчинчу уьйрана хехь.

Хлеб

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял.
– Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! –
Все же бабка
сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
– Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

Бепиг

Нехча йилли тIоьрмиг чу,
печени.
БIаран тIамарш ехки куьцана.
Бепиг дити.
– Бала бу и гена
Текхо безаш болчу некъана. –

Хетте бабас
 баьпкан юьхк чуйилли!
 Эли шадерг хьалххе хуучо:
 – Бепигах, кІант,
 бала цкьá ца хилла!
 Ша-шен текха ма до бепиго...

Сан болар лайша доккхур гал,
 Тилор-кха хьекьал
 дарцан хьуно!

Со хетте гІор сайн лаамехь, –
 Ца гойтуш кьаро –
 Некь боккхуш дарцан тийжарехь
 Цу акха арахь!..

Памяти матери

Вот он и кончился, покой!
 Взметая снег, завывла вьюга.
 Завыли волки за рекой
 Во мраке луга.

И неІарх летарг – мила те?
 Сан безчу хьешийн хан ю хуьлуш...
 Я нана ю те? Буйса – те?
 Я мехаш цуьнан?

Сижу среди своих стихов,
 Бумаг и хлама.
 А где-то есть во мгле снегов
 Могила мамы.

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
 Больной и маленький свой организм?
 Ах, по какому же такому случаю?
 Ведь люди борются за коммунизм!

Там поле, небо и стога,
 Хочу туда, – о, километры!
 Меня ведь свалят с ног снега,
 Сведут с ума ночные ветры!

Скот размножается, пшеница мелется,
 И все на правильном таком пути...
 Так замети меня, метель-метелица,
 Ох, замети меня, ох, замети!

Но я смогу,
 но я смогу
 По доброй воле
 Пробить дорогу сквозь пургу
 В зверином поле!..

Я пил на полюсе, пил на экваторе –
 На протяжении всего пути.
 Так замети меня к едрене матери,
 Метель-метелица, ох, замети...

Кто там стучит?
 Уйдите прочь!
 Я завтра жду гостей заветных...
 А может, мама?
 Может, ночь –
 Ночные ветры?

Ас хІун леладо, эрна Іазапехь
 Яллош эГІаза хІара дегІан чарх?
 Мича кхачар ду сан сахьийзарехь,
 Коммунизмехьа кьуйсуш
 хилча нах?!

Ненан безамна

И синтем, кхачабелла, бай-кх!
 Лай тІера дарцо уьйу подар.
 Хил дехьа – берзалошна айкх –
 УгІуш бу бода.

Даьхни дебало, ялта хьекьало,
 Іехош нийсачу некъан бІарлагІо.
 СхьатІехьакхалой, схьатІехьакхалой,
 Дарц, со хьаккхий ахь
 хьайна кІел дІахьуо.

Сан кхузахь байтех, кехатех
 Баржийна гІурт бу.
 Ткьа цхьанхьа-м,
 лайн цу боданехь
 Сан ненан чурт ду.

Кхачарх полюсе я экваторе –
 Муьйлуш лелла со суо мел леллачохь.
 ХІинца, кхачош со ворхІе ден мере,
 Дарц, ахь суна тІехь
 хьовзабелахь бохь.

Ю цигахь аре, йол, стигал,
 Ма лаьа цига кхача суна!

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточки, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревьев.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

Тхъавсинчу даймехкан гунашца хъхккина гӀор со,
 Башхачу маьршачу тайпанийн цавевза во!
 Мац-мацах санна – са-аьрхачу озана орцах –
 Беречух яхначу заманийн лорах со гӀор...

Гена ца яьлла-кха, пондаро кӀошт самайоькхий,
 Ловзаргахь хелхаре юьртда а хьийзина хан –
 Балхаца яхь-цӀена хиларна тӀера кад боккхий,
 КӀа хьокхуш тоьлла ерг байраксах ойуш цо ша!

Тпераниг хуьйцийтий, тӀам-каде со а тӀекхуьйлуш,
 Бай-арахь пондаро латгадеш ловзарийн хьал,
 БӀаьстенан хиш охьагӀергӀара, юххешха дуьйлуш,
 Охьа дӀатекхаеш ханнашца яржийна чалх...

Маржа-яӀ, Росси, хьо! ГӀайгӀа ца йолу самалха,
 Ин чуьрчу боданехь таӀна сайн декхнаш а гуш!
 Седарчийн кхоьлина чиркхаш а сегаш ду цхьалха,
 Кема а, хи гамхаделла, сан дахкалуш ду.

Басна кӀайн хьаьрма а бӀарлагӀах дӀаяйна, цкъан-цкъа
 Ша хӀокху кхоьлинчу арешца ца хиллачух, –
 Новкъа ма дац суна паччахьан таж охьаатар,
 Новкъа ду, новкъа ду, йохийна кӀайн килсаш гуш!..

Юьртара суьрташ яӀ! Ду ирсан кхожана тӀера
 Кхоллар со маликах сенчу кху стигланаш кӀел!
 Кхоьру со, кхоьру со, маьршачу олхазарх терра,
 Темаш а кегделла, хадарна Ӏаламатех!

Кхоьру со, хӀума ца дисарна вайна цецдийла,
 Хи гомхадаларна – гӀуркхана хаалуш бух,
 Ког коше кхачале, кхачорна сайн духевийларш...
 Даймохккий, паргӀатой – кхоьру со къастарна шух!

Йисийша, йисийша, стигланийн са-сирла Ӏаьршаш!
 Бисийша – туьйранех – суьйренийн синкьерамаш!
 Кенаш тӀехь зӀаьнарийн цӀевнашха таж хьалаьржаш,
 Хьийкьинчу ялташ тӀе хуьйшийла комаьрша малх!..

ГӀур ву со, буьйсанан аьхна садеӀар ца дошош,
 Яккхийчу кӀотарийн гӀан-набарш човха ца еш,
 Аренца цхьанна а сайн тата ца хезаш догӀуш,
 Лорах мохь тохаза ИндагӀан гӀаларт а леш.

Чевнаша хьийзавен десантник хилла цхьаь-м вер ву,
 Харцдуьйчу юкьана, цецйоккхуш шен йоккхастаг,
 Хьехавеш буса тӀехтилла цхьа къайлах дин-бере –
 Аренийн дахкарлахь дӀавайна цавевза кӀант...

Гочийнарг АХМАТУКАЕВ Адам

Вахит Итаев**Духовная борьба против черной идеологии**

Итак, идет война. Необычная война. Война против всего человечества. Если бомбы кладут в любом месте под ноги всем – детям, женщинам, старикам – то война идет против человечества. Противник террористов – все человечество. Террористы атакуют всю планету. Действуют они как домовые. Удар может быть нанесен с любого угла. Этот коварный метод ведения войны придумали не глупцы и не невежды, а, скажем так, злые гении или шизофреники больших масштабов, в сознании которых, незаметно для них, меняются местами добро и зло. Идеологи терроризма убийство «неверных», то есть тех, кто не согласен с ними, считают делом аллахоугодным, богоугодным. Они собираются, придя к Аллаху, гордо показать на свою работу и сказать: – Взгляни, Всемогущий Аллах, дорогу к Тебе мы мостили трупами Твоих врагов. И, разумеется, попросить себе награду: сады, озера и толпы гурий.

Но где Аллах говорит, чтобы путь к Нему был устлан трупами людей? Да нигде. В Коране Аллах призывает соревноваться друг с другом, творя добрые дела, а не злые. И война разрешается только с теми, кто напал на твое жилище. А вот и благородное и милосердное повеление Корана: если противник просит мира, категорически запрещается продолжать битву и доходить до геноцида. А то, что духовные отцы этого движения все время ссылаются на Коран, вырывая из контекста отдельные слова и фразы, – это всего лишь хитрости для толпы, для «пехоты», которая не читает Коран, а если и прочтет, то ничего не поймет, как те семеро слепых из притчи, что ощупывали слона.

Итак, человечеству объявлена война. Это только начало. Борьба будет долгой. И тот, кто думает, что затоптать это пламя легко, тот наивнее мотылька, который смело влетает в пламя, веря, что и вылетит оттуда, не опалив крылышек.

Противник серьезный, потому что и духовный, и физический беспредельщик работает полномасштабно.

Мир этому противнику первое сражение проиграл. Может, для кого-то это звучит странно, но это факт. Мир проиграл им первое сражение не тогда, когда были совершены сотни терактов, а тогда, когда духовные учителя террористов свое скопление в Сирии и Ираке назвали Исламским Государством. А мир повторил за ними, признал это движение – Государством, а значит, и проиграл этому движению первое сражение. Террористы на первом этапе и добивались, чтобы мир признал их государством. Ведь понятие «государство» – это уже другая юридическая и нравственная категория. Мир прибавил духовную силу всем террористам планеты, признав их злое движение государством. Теперь террористы сознанием прилепляются к своему государству и пуше загораются на борьбу.

Да, мир проиграл первое сражение террористам – это факт.

Но проиграть первое сражение – это еще не значит проиграть всю войну. Много есть примеров, когда то или иное государство, проиграв первое сражение, выигрывало остальные. И в этом случае, конечно, будет так. Хотя эта война отличается от всех известных войн. Противник объявил миру, что для него все средства хороши: взорвать дом, перестрелять отдыхающих на курортах, положить бомбу в любое людное место, даже если среди избранных жертв находится родная мать. Лишь бы достичь цели. А цель «благородная» – «чистый» Ислам – и эта цель в их сознании оправдывает все средства. Это, по их мнению, воля Аллаха. Неверные, то есть те, кто отвергает их движение, должны умереть или безоговорочно подчиниться им.

Идеологи нового мирового порядка, несомненно, намереваются вести эту войну до точки апатии, пока народы не скажут: все, нет сил против этого зла, будь, что будет. И первые признаки апатии против этого агрессивного зла уже появляются в городах Запада, когда люди, боясь терактов, целыми днями сидят дома.

Конечно, нужна физическая сила против физической силы террористов. Спора нет. Но одними бомбами не остановить это движение. О прежних войнах можно было сказать пословицей: войну гасят войной. Организовать против нежелательной войны большую войну и погасить первую. О террористической войне так не скажешь. Противник везде. Чтобы победить его, надо изорвать в клочья его идеологию. Для этой борьбы нужны люди сердца. То есть такие люди, у которых сердца умны, как и их головы. Еще точнее, у которых живые сердца, а не мертвые. Ибо известно, что миллионы носят в своей груди полумертвые, равнодушные сердца. А мы знаем, что пророки действовали больше сердцем, чем головой. Приведем к этой мысли пример всем знакомый.

Вот картина: на одну и ту же тему с трибуны выступили шесть ораторов. Что говорили пятеро из них, никого не задело, и никто ничего из их слов не запомнил, их слова растворились в воздухе. А вот то, что сказал шестой оратор, взволновало зал, хотя он говорил то же, что и те пятеро. Где секрет этого явления? Да он прост: пятеро говорили из головы, жонглировали набранными ими откуда-то словами. А потому и не задели сердца сидящих в зале. А шестой говорил из сердца, говорил те мысли и слова, которые он пережил, а потому и разбудил равнодушный зал.

Итак, болезнь серьезная. Можно сказать, что мир никогда не стоял на более опасной меже духа, чем стоит нынче. Да и Россия тоже. Терроризм, охвативший всю планету, – великий духовный вызов человечеству.

На эту духовную борьбу надо призвать людей с умными равнодушными сердцами и хорошо работающими мозгами. Почему я все время говорю о сердце? Во-первых, потому что еще Гегель говорил: ничего великого в истории не сотворено без великой страсти, то есть сердца; во-вторых, и жизнь подтверждает это. Загорится сердце злом – сотворит великое зло; загорится добром – сотворит великое добро.

Возьмем, к примеру, Гитлера. Его убеждения были, прежде всего, убеждениями его сердца. Он тысячи раз переживал их в себе. И именно потому, что пережил их в себе много, много раз, говорил их с величайшей страстью и действовал на сердца немцев магически. Поднял сердца немцев на дыбы. Немецкий народ – народ великой культуры, великой философии и литературы – поддался гипнозу его губительной страсти. Но почему? Да потому, что в каждом из нас есть все ростки мирового зла и мирового добра. Что поливаем, то и получаем. Гитлер поливал с великой страстью ростки зла. Это был великий воин сатаны. Глупо пытаться вывести один народ за скобки человечества. Этого не хочет Бог.

Нынешние идеологи «чистого» ислама тоже хотят вывести мусульман за скобки человечества или человечество взять в свои скобки. Хотят леса из одних осин, забывая слова Аллаха: Я мог создать вас одной общиной, но разделил, чтобы вы лучше познали друг друга и мир.

Успешную борьбу против идеологов этого движения могут вести только мастера живого слова, а не жонглеры мертвых слов. Это азбука. Они бьют по сердцам, выдавая себя за воинов Аллаха. Гитлер тоже бил по сердцам умело, сладко и больно. А главное, страстно верил в те слова, которые говорил, и вера его гипнотизировала людей. Главари нового ислама (пусть не все) тоже верят в свои идеи. Верят. И именно поэтому в черную дыру своей идеологии засасывают светлые неопытные сердца молодых людей.

Повторим: для борьбы против этой идеологии нужны мастера живого слова, а не жонглеры мертвых слов. Но как их найти и организовать при существующей системе? Ведь сознание российских чиновников со времен Куликовской битвы имеет ясную и четкую традицию: у кого кресло выше, тот и умнее.

Эту традицию и народ обыграл по-своему: ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак. И в живой жизни народ много, много раз видел такую картину. Выступает чиновник с трибуны, на лице его одна забота: доказать всем сидящим в зале, что они все до единого глупее его. Он поучает, он раздает указания, он грозит. Да-да, он поучает, он не советуется, не приглашает к совместной работе. Зал молчит, не возражает. А как возразишь традиции.

Возразить многовековой традиции очень сложно. И оратор-начальник тоже знает, что никто из сидящих в зале не возразит и не скажет ему: раз ты такой умный, что даже не советуешься с нами, сам и сокруши зло, а мы похлопаем тебе. Он эту азбуку знает, потому что и он сам, когда до начальства своего сидел в зале, никогда не возражал.

Такова традиция. Но, может быть, теперь при величайшей опасности, возникшей для всего человечества, и в России поменяют эту традицию. Нужен всероссийский комитет, нужна команда духовных бойцов, преграждающих путь черной идеологии к молодым сердцам.

Вот Россия на дальних подступах, в Сирии, ведет физическую борьбу против черных завоевателей. И духовную борьбу надо вести на дальних подступах.

Человек объективирует в мир те миры, которые он взрастил в своем сознании, в своем сердце. Инженер объективирует в мир мосты, дороги, машины, которые он продумал в своем уме; ученый – свои идеи; а террорист тоже объективирует во внешний мир свои внутренние миры: взрывы, стрельбу, бессмысленные разрушения памятников старины и т.д. Вот тут, чтобы возвращать в сердца молодых людей не черные, а светлые миры, нужны мастера живого слова, а не жонглеры мертвых слов. Нужен, повторяю, комитет, где работали бы духовные мастера и который не подчинялся бы никакому министерству, а только Президенту России и его администрации. Только в этом случае комитет сможет работать масштабно и энергично.

Человечество заболело опаснейшей болезнью. Порядочные люди могут хватать себя за голову и вскрикивать: как они могут убивать безвинных – детей, женщин, стариков?! Как могут класть под ноги бомбы?! И так далее. Но кричи, возмущайся, а факт налицо. Могут. Все табу, выработанные человечеством за свою долгую историю, они осмелили. Вся человеческая история до них (это убеждение «пророков» черной идеологии) была ошибкой. Софист Протагор, противник Сократа, утверждал: никакого абсолютного блага нет. А благо и истина – то, во что ты веришь в данную минуту. По формуле Протагора действуют пророки черной идеологии.

Тех заблудших, которые уже глубоко пропитались черной идеологией, говоря простыми словами, сгнили уже в ней, не спасешь. А вот молодых людей, могущих попасть в сети этого зла, можно спасти. Их нужно спасти, если человечество не хочет вернуться в каменный век и еще глубже, в пещеры или в безлюдье, когда на Земле не останется никого.

В сердцах молодых людей надо строить светлые миры. Человек – существо разумное, и разумное он примет, если будет найден метод разумной подачи разумного. Одного рецепта для этой борьбы нет ни у кого, тут нужна ежедневная, кропотливая, гибкая пропаганда по спасению молодых людей. Есть это понятие: развенчать идеологию противника – этим и надо заниматься.

К тем, кто соблазняется терроризмом и кого соблазняют в террористы.

Бог ни от кого не требует злых дел. Но только добрых. Посмотри на звездное небо. Какая гармония, какая роскошь! Разве автор этого великолепия и бесконечных миров может требовать от человека быть мелким террористом? Не может. Не может – говорю тебе! Если ты по наущению Иблиса и его служителей объявил другого врагом и убил его, Аллах не радуется твоему «подвигу». Ибо «подвиг» твой глуп и жесток. Убив невинного человека ты будешь вечно гореть в аду. Ведь высоко оценивает Всевышний жизнь человека, приравнивая в Коране убийство одного человека к убийству всех людей на планете Земля, всего человечества! Вот о чем четко сказано в Священной книге. Помни это, не дай обмануть себя черным идеологам, не дай бросить себя в ад.

Коротка земная дорога, а впереди вечность, очень длинная дорога. Чтобы на длинной дороге вечности выглядеть достойно, на короткой земной дороге будь добрым человеком. Человек обязан быть примером добра для поколений, идущих за ним. Это долг человека перед Богом. Не огорчай, человек, своего Творца.

Да поможет нам Аллах!

Лидия Довлеткиреева

Концепт «дикая груша» в чеченском художественном сознании

Основной единицей ментальности является концепт данной культуры, реализуемый в границах словесного знака в частности и языка в целом и предстающий в содержательных формах как образ, как понятие и как символ¹.

В данной статье мы рассмотрим, какие ментальные смыслы аккумулирует в себе фитоним «дикая груша» в чеченской национальной концептосфере. Материалом для экспертизы послужат художественные тексты ведущих современных прозаиков – Мусы Ахмадова и Мусы Бексултанова, фольклорного произведения «Илли о Прекрасной Таху» и классического романа «Молния в горах» Абузара Айдамирова.

Мы исходим из положения о том, что «национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа»², коими и являются художники слова. Однако трудность заключается в том, что акт творческого мышления – явление индивидуальное, а следовательно, художественный продукт во многом транслирует авторское мировидение. Но ведь и сам творец – носитель национального сознания, которое отражается сквозь призму собственного творческого акта, наряду с индивидуальным. К тому же любой вербальный текст подспудно содержит информацию об этнической ментальности его создателя и концентрирует культурную информацию, в том числе и этническую.

На наш взгляд, концепт «дикая груша» выступает именно в качестве одного из национальных ключей к пониманию чеченской ментальности, а не индивидуально-авторского. Основанием для данного заключения является его повторяемость в текстах чеченских писателей, которых отличает и творческая манера, и тематика произведений, и время их создания (например, у классика чеченской литературы А. Айдамирова концепт «дикая груша» появляется во второй части культовой исторической трилогии – романе «Молния в горах» о восстании 1877 года в Чечне и Дагестане под руководством Алибека-хаджи Адамова, у М. Ахмадова этот образ встречаем в повести, посвященной военным событиям в Чеченской Республике конца XX-начала XXI вв., вышедшей в 2007 г., у М. Бексултанова – в ряде рассказов, написанных в 80-е гг. и отражающих волнующую автора тему утраты национальной идентичности и вытекающего отсюда психологического конфликта поколений – в рассказе «Этого он не знал» и тему любви и смерти – в рассказе «Дорога, спускающаяся в село»).

Но еще более убедительным свидетельством того, что «дикая груша» выступает как эманация этнического мироощущения, а не индивидуально отобранный символ, на наш взгляд, является фольклорный материал. Мы не отслеживали количественную воспроизводимость данного словосочетания в авторских и фольклорных текстах, но сам факт того, что он играет важную роль в сюжете известного произведения устного народного творчества чеченцев – «Илли о Прекрасной Таху» – подтверждает нашу мысль о национальной специфике образа. «Фольклорные тексты <...> весьма привлекательны, поскольку коллективно-анонимны, минимально субъективны, традиционно устойчивы, являются «исповедью народа» и представляют собой образцы высокой культуры»³.

Таким образом, «дикую грушу» можно рассматривать как факт чеченской концептосферы, обработанный и закрепленный в национальном сознании. А следовательно, анализ концепта «дикая груша» поможет нам в постижении отдельных фрагментов этнической ментальности и выявлении некоторых базовых констант народной культуры, которые он воплощает.

Доказательством того, что топос «дикая груша» транслирует сугубо национальные культурные коннотации, послужит и выявление возможных интегральных смыслов, заложенных в данный образ разными писателями.

Обратимся к обозначенным выше произведениям Мусы Бексултанова.

Рассказ «Этого он не знал» посвящен проблеме отцов и детей. Последние, по мысли главного героя, выражающего идеалы автора о традиционном семейном укладе чеченцев, грубо попирают основной закон чеченского микрокосма – преемственность поколений, заключающуюся в передаче и хранении веками сформированных ценностей от отцов к их сыновьям. Подверженные пагубному влиянию современной цивилизации, молодые живут в собственное удовольствие: ездят на курорт, невестка перекрашивает волосы чуть ли не во все цвета радуги, а главное – так долго ожидаемый стариками внук – продолжатель рода – так и не рождается, так как молодая пара совершает страшный поступок: сноха избавляется от еще не рожденного малыша. Первая мысль старого Атаби – поступить так, как должен поступить любой чеченец со своим кровником. Родственники невестки должны ответить за «убийство нашего человека». Но Карибат останавливает мужа, ведь преступление совершено с согласия сына, то есть вина обоюдна.

Известие об этом становится для Атаби и Карибат крушением мира – мира казавшихся им вечными ценностей: «Он думал, что надо жить так, чтобы жена рожала детей, ухаживала за двором, заботилась о своей семье, муже. Думал, что мужчина должен искать благ для семьи, чтобы она не пребывала ни в холоде, ни в голоде, воспитывать детей культурными людьми, соблюдающими обычаи. Все, о чем он думал, состарилось вместе с ним, отошло, обветшав. Он этого не знал, не знал...»⁴

Экзистенциальная дихотомия вины и ответственности является одной из центральных в рассказе и представлена писателем как доминантная черта чеченской ментальности. Человек в ответе за все, что происходит в этом мире и с ним самим, и с его семьей. Поэтому старик ищет причины того, что сын не стал преемником нравственных заповедей, которые непреложны для него самого и получены от пращуров по генеалогической схеме семи праотцов, в прошлом, где же совершена ошибка... «Он вспомнил семерых своих предков. Потом взвешивал все свои поступки. И не нашел ни одной причины. Казалось, за корни невозможно уцепиться. Они были чистыми. Они-то живы. Вот ветви стали высыхать. Цветение тоже бывает нездоровым, будь оно не ладно»⁵.

Какую же роль играет концепт «дикая груша» в этом повествовании? Дикая груша упоминается в начале рассказа, когда старик еще пребывает в эйфории ожидания первенца своего сына. Что нужно будет ребенку, новой жизни? Тепло, огонь очага... Атаби ездит в лес собирать дрова, которыми он заполняет весь двор и навес. В лесу же, трудясь, он прерывается на молитвы на зеленой траве, перед которыми совершает омовение. После них – краткий отдых – сон под дикой грушей.

Обратим внимание на то, что в «Илли о Прекрасной Таху», устав от прополки, Прекрасная Таху, расслабившись в тени раскидистой груши, заснула. Тут появился внезапно Ишхойский Али и, заметив незнакомку, не потревожив девушку, аккуратно снял с нее дорогие украшения. Проснувшись и обнаружив пропажу, девушка посчитала себя опозоренной и решила во что бы то ни стало найти обидчика, к которому питает одновременно с негативными эмоциями чувство любви.

Итак, в обоих случаях герои засыпают под дикой грушей после созидательного труда.

В общей символике груша является символом долговечности, так как грушевые деревья долго живут. Кроме того, расширяющаяся книзу форма груши напоминает женскую фигуру, и, по-видимому, поэтому этим плодам в символике глубинной психологии приписывается интимное значение. Груша также олицетворяет надежду и здоровье, любовь и материнство.

Очевидно, что и в рассматриваемых примерах из чеченской художественной

словесности груша сохраняет и отражает эту символическую нагрузку. Качество долговечности в рассказе М. Бексултанова – это его представления о незыблемости вековых нравственных установок, которыми живет старик Атаби и которыми жили предки. В «Илли о Таху» долговечность выступает как проявление зародившегося в девушке чувства любви. И в илли, и в рассказе плодородность, женское начало также получают свое воплощение: Атаби трудится (практически его цель – зажечь новый огонь в очаге) ради продолжения своего рода, огонь здесь – символ семейного благополучия и мира, Таху (женское начало, душа) ищет свою вторую половину – Али (мужское начало, разум), чтобы достичь гармоничного воссоединения ин и янь, результатом которого в земной жизни, по логике, является ребенок – плод любви.

Но это общечеловеческое содержание концепта «груша», отраженное в чеченском фольклорном тексте и авторском произведении. В чем же этническое своеобразие данного образа? Этническое, чеченское, предположительно, содержится в определении к груше – она дикая. Именно дикая груша растет в чеченских лесах. Долгое время она спасала от голода, наряду с другими дикорастущими породами плодовых деревьев.

На наш взгляд, «дикая» в этом случае подразумевает «свободная», не окультуренная, естественная, природная... Общеизвестно, насколько исторически значимо понятие «свободы» для чеченской ментальности. Оно заложено в том числе в традиционную формулу этикетного приветствия и прощания: «Марша вог'ийла!» – «Приходи свободным!», «Марша г'ойла!» – «Уходи свободным!» – «Марша 1ойла!» – «Живи свободным!»

Под дикой грушей хочется расположиться на отдых после созидательного труда, в ее тени ощутить эту свободу и максимальное слияние с природой и Вселенной. Но и в рассказе современного автора – Мусы Бексултанова, и в старом фольклорном тексте герои погружаются в сон, олицетворяющий, с одной стороны, некое трансцендентальное состояние, в котором лучше постигаешь сущность вещей и самого себя, ощущаешь связь времен, видишь прошлое и заглядываешь в будущее, с другой – находишься в неведении, в состоянии хаоса, ведь разумное начало спит, уступая место разрушительному деструктивному мышлению. Именно в состоянии сна Ишхойский Али распячивает Таху и исцеляет, что в дальнейшем приведет к гибели обоих и воссоединению души – женского начала (Таху) и разума – мужского начала (Али) на небесах.

Пояс имеет охранительную функцию, является «символом организованных эмоций, подчиненности инстинктов»⁶. Следовательно, оставшись без него, Таху выпускает на волю свои эмоции и перестает контролировать свои инстинкты, что и приводит впоследствии к трагическим событиям. Сон под дикой грушей – неконтролируемая свобода для Таху.

А для Атаби, героя М. Бексултанова, сон под дикой грушей – это намек на иллюзорность его мечтаний о возможности сохранения в век глобализационных, порой агрессивных, перемен старочеченского мировидения. Возможно, сам автор и не думал вкладывать подобную мысль в данную символику, но неслучайное соседство столь выразительных образов – «дикая груша» и «сон» – дает возможность и для такой интерпретации. «Заслуга художника не в том минимуме содержания, которое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание»⁷.

Сон – это маленькая смерть, ведь в нем герой не может управлять ни собой, ни ситуацией.

В рассказе «Дорога, спускающаяся в село» Мусы Бексултанова мы также встречаем фитоним «дикая груша». Герой новеллы хранит в своем сердце память о возлюбленной, погибшей под колесами автомобиля. Частые воспоминания о девушке, счастливых детстве и юности, связанных со встречами с Айзой, придают щемящую минорную тональность «светлой грусти» каждой строчке текста.

Возвращаясь со школы, необходимо было пройти через ручей мимо дикой груши. На ее ветвях примостилась сова. Школьники бросали в нее камни, но

не попадали. Джабраил, герой рассказа, поддавшись всеобщим шалостям, тоже бросает камень и попадает прямо в клюв. Сова падает в ручей, его воды уносят тело птицы. Этот случай знаковый для героев новеллы. Любимая девушка Айза, которой предначертано уйти из этого мира в пору своего весеннего цветения, разбрызгав красные звезды по асфальту (а ведь это так противоестественно – смерть в самом расцвете), как бы предчувствуя не столько трагедию собственной жизни, сколько боль, которую вечно будет нести в себе ее друг, вдруг предрекает, словно Кассандра: «Не будет тебе в этой жизни удачи, Джабраил! Мне кажется, что не будет...»

С одной стороны, сова является метафорой мудрости. Однако этот образ имеет и зловещее содержание, символизируя смерть, ночь, во многих культурах она воспринимается как вестник несчастья. Итак, покосившись на мудрость, а следовательно, порядок, гармонию, герой как бы пробуждает силы зла, запуская механизм смерти.

Однако, несмотря на печаль, поселившуюся в сердце Джабраила после гибели Айзы, он остается цельной, сильной натурой, способной к вечному чувству, побеждающему смерть. В этом свобода духа героя и его экзистенциальный выбор – любить вопреки смерти, хранить светлый облик девушки в своей памяти. Концепт «дикая груша», таким образом, и здесь включает в себя понятие свободы, душевной гармонии и долговечности. Обратим внимание, что дикая груша растет на берегу ручья. Вода имеет свойства очищения и преобразования, является символом эмоциональной сферы.

Рассказ не только о любви, в нем, как и во всем творчестве Мусы Бексултанова, остро звучит тема теряемой чеченцами в волнах хроноса и истории национальной идентичности. Джабраил в своих внутренних монологах с горечью размышляет о постепенной утрате таких столпов чеченской ментальности, как «сий» – честь, «яхь» – соревновательность в достойных делах, «эхь» – стыд, совесть. Он ощущает себя человеком, живущим не в своем времени. Сожалеет о том, что не ждет встреч с любимой у ручья в черкеске, папахе и с кинжалом на поясе, что его конь не фыркает, узнав поступь приближающейся красавицы. В целом – это ностальгия по «чеченкости», так называемой «нохчалла» (нохчи – самоназвание чеченцев), включающей для мужчин (кьонахов) неписаный свод правил, состоящий из определенных этических формул (Гиллакх-оьздангалла), коими и являющийся в том числе названные выше понятия «яхь», «сий», «эхь».

В повести другого чеченского прозаика Мусы Ахмадова также заложено символично-ментальное переплетение концептов «дикая груша» и «вода», причем в самом ее названии – «Дикая груша у светлой реки».

В этой повести, посвященной военным событиям в Чечне в конце XX – начале XXI вв., М. Ахмадов апробирует три идеи, каждую из которых воплощают друзья детства Довт, Берс и Дени. Их выбор осознан и свободен, каждый идет собственным путем.

Довт – сторонник независимости Ичкерии, воюет в отрядах ополчения. Дени же, напротив, с оружием в руках отстаивает целостность России. Берс выбирает путь мира – он художник, его идеал – искусство, семейные ценности, дети. Далее происходит проверка этих идей. Берс погибает, но не потому, что он является носителем ложных ценностей. Напротив, в этом гнусная правда войны: невинные, мирные граждане становятся первыми жертвами подобных военных конфликтов, поэтому его смерть закономерна. В символическом смысле – это покушение войны на самые основы бытия – человеческую жизнь, семейное благополучие... Это и уничтожение прекрасного, олицетворением которого является искусство. И как жестокий итог – смерть, сиротство, бездуховное, опустошенное общество.

Смерть Берса обличает обе идеи – вооруженным путем нельзя добиваться кажущейся тебе справедливости. Ценности, носителем которых является Берс, не уходят вместе с ним. Его продолжение – в детях. Гибель героя, таким образом, не опровергает, а укрепляет его позицию, обличая зло.

Необходимость спасения незнакомых детей, после гибели родителей

переживающих войну в одном из подвалов, объединяет Довта и Дени. Здесь также налицо прозрачность символики: примирение ради будущего народа, олицетворяемого этими малышами.

Погибает и Довт, разочарованный в идее независимости, ставшей формальным предлогом для агрессии против его народа.

Последняя сцена повести после выстрела в сердце Довта сакральна: его душа устремляется в вечность, где встречается с Берсом. «На берегу видна высокая дикая груша. В тени ее сидит Берс и ест маленькие плоды, омывая их в чистой воде. Довту очень хочется поскорее дойти до него, чтобы, сидя рядом с ним в тени груши, на берегу светлой реки, вкушать маленькие желтые плоды, окуная их в реку»⁸.

До этого финального момента концепт «дикая груша» был обозначен лишь в названии. Освободившись от ложных идей, герой оказывается у дикой груши. Пафос повествования, таким образом, – в апелляции к здравому смыслу, в поиске национальной перспективы. Как видим, и в этом произведении концепт «дикая груша» олицетворяет внутреннюю свободу и гармонию.

В романе «Молния в горах» Абузара Айдамирова этот образ также передает выявленные нами коннотации. В тени дикой грозной груши на берегу горной речки Мичик любит отдыхать один из главных героев романа, идеолог восстания против царской колониальной несправедливости – Берс. Именно под ветвями этого дерева он размышляет о судьбах своей родины – Чечни, об извечной борьбе чеченцев за свободу, о сосланных в Сибирь товарищах – Али, брате Аьрзу, и Маккале, о геополитической ситуации в России, вступившей в войну с Турцией.

Итак, художественная картина мира не является первичной, она опосредована дважды – языком произведения, а также индивидуальным авторским мышлением. Но все же и в художественной картине мира отражается специфика национальной концептосферы, так как автор является носителем сложившихся в данном этническом обществе архетипов, стереотипов, символов, мифологем.

Поэтому, мы полагаем, что концепт «дикая груша», ввиду его повторяемости в произведениях разных авторов, тем и жанров и в фольклорных текстах, является национально обусловленным и символически содержит в своей семантике такие важные для чеченского сознания понятия, как «свобода» внутренняя и внешняя; естественная жизнь, в согласии с законами природы; этические идеалы, сформированные предшествующими поколениями. Данный концепт часто реализуется в тесной взаимосвязи с такими символами, как «сон», «смерть», имеющими различную смысловую нагрузку (сон сознания, нежелание признать очевидные изменения, слабость человека, не способного противостоять времени, другим обстоятельствам, неконтролируемость ситуации, либо вечную жизнь, которая только и может даровать полную душевную гармонию); сова (смерть, мудрость, предвестие несчастья); вода – омовение перед молитвой, ручей, река (очищение, уходящее время, абсолютная свобода, внутреннее преображение).

Литература:

1. Ахмадов М. Дикая груша у светлой реки. Повесть. Перевод с чеч. С. Мусаева // Вайнах. – 2007. №2. – С. 28–40.
2. Бексултанов М. Этого он не знал. Дорога, спускающаяся в село. Рассказы. Перевод с чеч. Л. Довлеткиреевой // Вайнах. – 2012. №10. – С. 8-16.
3. Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты. – М.: Алгоритм, 2011. – 464 с.
4. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): Дисс. в виде научного доклада на соискание научной степени доктора филологических наук. – М., 1999.
5. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.
6. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 180 с.
7. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.

Мохмад-Салах Селяхов**Живой мир в калейдоскопе народных примет**

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
Н. Заболоцкий

Различные приметы и поверья появились как результат длительного наблюдения человека за явлениями природы, повадками животных – за всем тем, что окружало его. А вокруг него существовал удивительно многоликий непонятный мир с бесчисленным множеством тайн и загадок. Независимо от того, признавал он себя его частью или нет, ему необходимо было выстроить с ним определенные отношения, делая навстречу выверенные и осторожные шаги. Жизнь человека напрямую зависела от природы, и, соответственно, он должен был действовать на опережение, чтобы не стать жертвой ее капризов. Она неохотно открывала перед ним двери своей сокровищницы, более того, решительно отвергала все то, что ей чуждо. Природа, живущая по своим законам, всегда щедро одаривала человека, когда он уважительно относился к ней, не навязывая свои правила игры. Постепенно в процессе сближения двух миров наметилась тенденция гармоничного союза, основанного на здоровом взаимодействии, что позволяло человеку все глубже и глубже вникать в общие закономерности существования природы, сопоставлять с ее циклами и явлениями свою жизнь. Надо сказать, что это стремление к познанию было продиктовано не праздным любопытством, а жизненной необходимостью, ведь достаток и благосостояние землепашца, скотовода, охотника напрямую зависели от капризов природы, от умения человека по тем или иным признакам предсказывать погодные изменения.

Так, среди вайнахов принято было считать, что если зеленые древесные лягушки усердно квакают, как бы переговариваясь между собой, то на следующий день следует ожидать сильного дождя с порывистым ветром. А появление во время дождя на грунтовых дорогах в большом количестве красных червей говорит о том, что осадки будут носить затяжной характер и продлятся больше трех-четырёх дней. Не являясь специалистом в области биологии, рискну предположить, что подобное поведение червей продиктовано инстинктом самосохранения, предупреждающим их о необходимости покинуть свои подземные убежища до того, как ходы будут затоплены обильными многодневными осадками.

По другой народной примете, если ласточки летают совсем низко над землей и проявляют при этом большую активность, совершая в воздухе резкие трюки, то к вечеру или ночью будет обильный дождь. И этому тоже есть логическое объяснение: перед дождем происходят изменения атмосферного давления, вследствие чего насекомые с верхнего яруса обитания перемещаются на нижний, ближе к земле. А ласточки, в свою очередь, не упускают удобного случая вдоволь насытиться и устраивают настоящее пиршество.

Следует отметить, что у чеченцев особо трепетное отношение к этой птице. И не один представитель класса пернатых не удостоился такого теплого

внимания с их стороны, как ласточка. Она нередко встречается в качестве главного действующего персонажа во многих легендах чеченского народа. Так, согласно одной из них, ласточка выступает спасительницей всего рода человеческого.

Как гласит предание, в давние допотопные времена землю обвил невообразимо больших размеров сармак. Своим ревом он наводил ужас на все живое. Когда он поворачивал свое могучее тело, земля содрогалась, и на ее поверхности появлялись громадные трещины. Никак не мог он утолить свой голод. Однажды сармаку стало известно, что самая сладкая кровь поможет ему вдоволь насытиться и спасет его от голодной смерти. Вызвал тогда он к себе овода и дал ему задание, чтобы тот облетел всю землю в поисках самой сладкой крови. Через некоторое время овод, исправно выполнив задание чудовища, спешил обратно: ему не терпелось сообщить сармаку, что человеческая кровь – самая сладкая. Когда он уже поравнялся с головой чудовища, вдруг, неизвестно откуда, появилась ласточка и, быстро догнав овода, метким ударом своего острого клюва вырвала у него язык. Наблюдавший за этим сармак в порыве ярости взмахнул хвостом, намереваясь убить дерзкую птицу. Однако ласточка резким кувыркком вниз увернулась от удара. Но все же чудовищу удалось задеть хвостовое оперение ласточки, в результате чего она лишилась трех центральных перьев. Легенда гласит, что вскоре после этого сармак умер от голода, и земля освободилась от тяжелого гнета. Овод, потеряв язык, не мог ничего произносить, кроме «бу-бу-бу». А ласточка за свой благородный, храбрый поступок получила особую отметину – необыкновенный хвост, по форме напоминающий рогатку.

Не только у вайнахов, но и у многих других народов принято считать, что только с прилетом ласточки весна в полной мере вступает в свои права. Среди чеченцев с давних пор также бытует мнение о том, что сеять кукурузу следует не раньше, чем услышишь чириканье ласточки в воздухе. Кроме этого, у вайнахов существует старинное поверье, которое гласит: если ласточка залетает в дом через открытые окна или дверь, то в нем в течение года будет царить дух согласия и благополучия, а сами жильцы на протяжении этого времени будут застрахованы от несчастных случаев. И, наконец, ласточкино гнездо под крышей дома, по примете, считается добрым знаком, свидетельствующим, что в нем поселится беркат (достаток и благополучие).

Жители горных районов Чечни с давних пор по одной интересной примете точно определяли, какой будет наступающая зима – суровой или мягкой. Суть ее в том, что обыкновенные мыши-полевки обладают удивительной способностью интуитивно предчувствовать температурные колебания на длительное время вперед. Поэтому, когда грядет морозная зима, они роют норки на южном склоне горки, так как эта сторона лучше обогревается в ясные зимние дни. С восхода и до заката солнца грызуны ведут активный образ жизни в поисках пищи. Большие насыпи свежей земли возле их нор являются показателем того, что они прорыли достаточно глубокие жилища, чтобы пережить суровую зиму. То есть у этой приметы, как говорится, довольно простая арифметика: если в конце осени мышиные норы появились на южной стороне, то тогда жди суровую зиму, а если норок на южном склоне нет – зима будет мягкой, без существенных температурных перепадов.

Общепризнанно, что кошки из всех домашних животных самые чистоплотные. Они постоянно следят за тем, чтобы содержать в идеальном

порядке свое тело. Для этого они, когда заходят в дом после охоты и других походов, сразу приступают к приведению себя в надлежащий вид. Начинают кошки, как правило, с чистки лап. Занятие, на первый взгляд, довольно простое, требует от них немало усилий и сноровки. Ведь им приходится освободить от грязи и всего прилипшего тонкие перегородки между ногтями и подушки лап. Работают они передними резцами и языком, обильно смачивая эти участки слюной. Когда лапы очищены от и до, на очереди – шерсть. В начале у них предварительная обработка, в ходе которой они сантиметр за сантиметром тщательно облизывают ее языком и заодно удаляют всевозможные инородные образования с помощью зубов и задних лап. После всего кошки приступают к разглаживанию шерсти, и тут, надо заметить, они выполняют эту операцию с большим усердием, не допуская малейшей оплошности. По вайнахской примете, ясная погода в течение суток должна смениться ненастьем, если кошка вдруг ни с того ни с сего начинает умываться.

У многих народов Кавказа существует поверье, согласно которому черная кошка является олицетворением недоброй магической силы и обладает способностью перевоплощаться в любое другое животное, способна даже принять женское обличье.

Кошка занимает центральное место в древней легенде о пророке Сулеймане. Вот какая история легла в ее основу. Однажды пророк Сулейман заснул после тяжелой работы под тенью пальмы. Спал он сладким сном младенца. Наблюдавшая за этим змея быстро спустилась с пальмы вниз и заползла через приоткрытый рот прямо во чрево пророка. Когда он проснулся от неприятного ощущения, змея изнутри прошипела противным голосом, что его ждет страшная мученическая смерть, ибо она собирается умертвить его, постепенно отрывая маленькие кусочки от легких, печени и сердца. Эти угрозы услышала охотившаяся рядом кошка. Она в два-три прыжка очутилась у изголовья пророка и, обратившись к змее, потребовала, чтобы та, прежде чем приступит к «трапезе», взглянула на солнце, пригрозив в противном случае уничтожить все ее потомство. Змея осторожно высунула голову. В этот момент находившаяся на чеку кошка в мгновение ока схватила ее, вытащила наружу и убила, разорвав на части. Благодарный пророк Сулейман взял кошку в руки и долго нежно гладил ее, прижимая к своей груди. В завершении легенды говорится, что он оставил человечеству наказ проявлять заботу и ласку по отношению к кошкам.

В Северо-Кавказском регионе иной раз погода преподносит такой приятный сюрприз, что в течение десяти, а то и больше осенних дней устанавливается исключительно теплый бархатный сезон. Солнечные лучи в этом промежутке времени так щедро греют, что, кажется, на улице – месяц май, а не преддверье зимы. Обласканные нежным теплом и легким дуновеньем ветерка в воздухе начинают совершать парные танцы бабочки, весело поют, радостно переговариваясь, птицы. Вокруг необыкновенное оживление и завораживающее упоенье. В богатой сокровищнице примет нашего народа есть ключ, с помощью которого можно легко раскрыть секрет, когда именно наступает эта дивная пора. Ведь не каждый год природа радуется нам такими благодатными днями. Оказывается, перед началом такого сезона, по чеченской примете, такие птицы, как сойка, дятел и дрозд, светлое время суток преимущественно проводят на земле. Они ковыряются в опавших листьях, возятся с муравейниками, увлеченно что-то ищут, спокойно передвигаясь с места на место. Видимо, в биологической программе этих птиц четко расписано, как надо вести себя в подобных случаях, чтобы воспользоваться редкой возможностью получить

богатое белком пропитание в виде насекомых, которые выходят из своих укрытий под воздействием теплых солнечных лучей.

Есть приметы локального значения, связанные с конкретными ландшафтными особенностями некоторых районов нашей республики. Так, например, среди шатойцев принято считать, если макушка горы Маьшлой днем окутается темным облаком, то к утру следующего дня погода переменится. В течение нескольких дней будут идти моросящие дожди. Примерно такого рода примета существует у жителей Харачоя Веденского района. У них считается достоверным знаком, свидетельствующим, что ясная солнечная погода уступит место продолжительному ненастью, если верхняя часть горы Ц1е берд закроется облаками. И еще, надо заметить, что у харачоевцев раньше было заведено во время сенокоса выстрелами в воздух отпугивать черных ворон, кружащихся над селом, чтобы они не накликали дождь. Холм Темаш Гу расположен за речкой Муьлкьойэрк у подножья большой горы, что находится с Северо-Западной стороны села Гухой Итум-Калинского района. По свидетельству местных старожилов, если туман с поймы реки поднимается до его верхушки, то наступает в горах период затяжных дождей. Многие гухоевцы считают, что этой приметой еще в далеком прошлом пользовались их предки, прогноз погодных изменений по ней всегда был точным, без существенных погрешностей.

Как бы мы ни относились к приметам, они представляют, на мой взгляд, многослойный пласт духовной культуры предыдущих поколений, состоящий из весьма ценных сведений о природе. Их человек приобретал непрерывно, активно изучая окружающий мир в ходе своей повседневной жизнедеятельности. Здесь следует подчеркнуть, что сам процесс получения достоверной информации о наличии неразрывной связи между отдельными явлениями живой природы напрямую зависел от его уровня мировосприятия на различных этапах общественного развития. И каждое открытие, пусть даже самое малое и, на первый взгляд, незначительное, даже полученное не путем научного опыта, а методом проб и ошибок, позволяло человеку уверенно идти вперед, шаг за шагом снимая пелену таинственности с окружающего мира. А многие народные приметы, дошедшие до нас из глубин седой древности, – яркое тому подтверждение.

Хаваж Цинцаев**Люди моего села**

В №12 за 2014 год была опубликована статья Х. Цинцаева «Чишки и чишкинцы», в которой автор рассказывал об одном из старейших сел республики и населяющих его жителях в разные исторические периоды. В этом номере автор представляет продолжение данной статьи.

Из села Чишки в разные времена вышло много уважаемых и достойных людей, достигших всеобщего признания на различном поприще. Перечислить их всех в тесных рамках этой журнальной статьи не представляется возможным. Поэтому, дорогие читатели, ограничимся рассказом лишь о некоторых чишкинцах, ушедших из жизни и ныне здравствующих, которые достигли в своей жизнедеятельности наибольшего признания.

О нелегкой судьбе двоюродных братьев Яхъяева Закраила и Цинцаева Аюба, родившихся в последнем десятилетии XIX века, мы уже рассказывали в первой части нашего повествования. Добавлю, что Аюб уже в зрелом возрасте участвовал, как и его единственный сын, в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. (второй войне для него).

Вот только один из эпизодов фронтовой жизни Аюба. О нем вспоминал Висаитов Сакка, легендарный командир отдельного чеченского кавалерийского дивизиона. Он прошел с боями всю войну от Грозного до Праги и участвовал в 1945 году в параде Победы на Красной площади в Москве. При занятии одной из позиций обороны города Ростова-на-Дону Висаитов выехал в сопровождении других офицеров на рекогносцировку окрестности. Из личного состава взял с собой Аюба, зная о его боевом опыте воина Первой мировой. Неожиданно немцы, готовясь к очередному наступлению, стали вести интенсивный артиллерийский и минометный обстрел близлежащей к разведгруппе местности. Пришлось укрыться за большим стогом сена, где они и собирались переждать, пока не закончится обстрел. Однако Аюб потребовал и настоял на том, чтобы разведчики немедленно сменили место укрытия. Подчинившись ему как старшему по возрасту, но все же с большим возмущением, они перебрались в находившийся неподалеку овраг. Не прошло и нескольких минут, как от оставленной ими позиции осталось одно пепелище и огромная воронка. Об этом случае из своей фронтовой жизни Висаитов Сакка нам рассказал, когда приезжал в марте 1976 года на похороны своего боевого товарища Аюба.

Мой отец Магомед (Мума), младший брат Аюба, знал о гибели его единственного сына на войне. И принял решение передать Аюбу на воспитание Арби, одного из своих четырех сыновей. Закончив учиться в школе, Арби решил стать военным врачом. Старшие его выбор одобрили. В 1969 году Арби с отличием окончил Астраханский медицинский институт, а затем, также с отличием, Высшую военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинграде. Помню нескрываемую радость в глазах дяди Аюба, когда его приемный сын впервые приехал домой в новенькой военной форме. Впоследствии Арби стал опытным военным хирургом высшей категории, на счету которого сотни больных, прооперированных им и поставленных на ноги. Будучи полковником медицинской службы, командовал войсковой частью (а это крупный военный госпиталь на 600 коек) на Государственном Центральном

Межвидовом (ракетном) полигоне в Капустином Яре. Неоднократно поощрялся правительственными наградами. А 26 декабря 1994 года Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ Российской Федерации №2212 о присвоении Арби звания заслуженного врача РФ. В тот же день федеральная авиация впервые подвергла ракетно-бомбовому удару село Чишки – родину Арби. Я сам находился в тот момент в селе и хорошо помню события того пасмурного, хмурого дня. Помню ужас на лицах детей, которые от страха интуитивно забились под кухонный стол в доме у другого моего брата.

Хочу рассказать об одном удивительном случае из врачебной практики Арби, который произошел с ним в 1981 году в далеком Красноярском крае в городе Ужуре. Тогда, благодаря нелепому стечению обстоятельств, в огромной стране, за тридевять земель от своего отчего дома, судьба свела двух земляков, а, по сути, двух родственников из крохотного в масштабах СССР чеченского села Чишки. Один оказался в роли пациента, другой – в роли врача-хирурга, который его прооперировал. Готовый сюжет из жизни для писателей и не только...

Пациентом оказался чишкинец Эхаев Абу-Хасан, который проходил срочную службу в рядах Советской Армии в одной из войсковых частей. Буквально считанные дни оставались до демобилизации, когда Абу-Хасана доставили глубокой ночью в военный госпиталь с острым приступом в области живота. Потребовалась экстренная операция на область желудка. Операцию проводил уже достаточно опытный к тому времени хирург Цинцаев Арби, дежуривший в ту ночь и ничего не подозревающий о личности пациента. Каково же было изумление Арби на второй день при заполнении истории болезни успешно им прооперированного накануне военнослужащего: пациент оказался его односельчанином и дальним родственником!

10 апреля 2015 года на ЧГТРК «Грозный» прошла телепередача о жизни и деятельности полковника медицинской службы, заслуженного врача РФ Цинцаева А.М. (ссылка: <http://video.meta.ua/7482566.video>). В передаче принял участие и сказал теплые слова об Арби главный нейрохирург Министерства здравоохранения Чеченской Республики Идалов Мовсар. В свое время, не без влияния Арби, он после окончания школы решил пойти по стопам своего уже именитого к тому времени старшего земляка.

Во время военных действий в Чечне Мовсар и его двоюродный брат (де вещи к1ант), детский ортопед Роман прославились тем, что оказывали безотказно медицинскую помощь раненым и больным. Несмотря на всю опасность, они и в первую, и во вторую войны оставались в республике. В крайне тяжелых условиях, без электричества и отопления, они работали не покладая рук. Отсутствовали почти все медикаменты. Под местным наркозом (за неимением иных форм анестезии) приходилось оперировать. Они не отказывали в помощи ни мирным жителям, ни боевикам, ни российским солдатам. Им, нейрохирургу и детскому ортопеду, пришлось учить заново анатомию буквально всего человеческого тела.

Сегодня чишкинцы могут с гордостью признать, что у них в селе есть целая династия врачей Идаловых. Помимо Мовсара и Романа (главного детского специалиста-ортопеда Министерства здравоохранения Чеченской Республики), профессию врача выбрали родная сестра Мовсара и его сын. Луиса – главный врач Республиканского детского туберкулезного санатория «Чишки», а Зураб – врач отделения нейрохирургии в Республиканской клинической больнице скорой медицинской помощи им. У.И. Ханбиева. По стопам своих родственников пошел и племянник (йиши к1ант) Мовсара – Дельмаев Асламбек, работавший до недавнего времени травматологом-ортопедом, а ныне – главный врач Грозненской ЦРБ.

Однако вернемся к боевому товарищу и родственнику Цинцаева Аюба Яхьяеву Закраилу, с которого я начал свой рассказ. Закраил через всю свою жизнь пронес любовь к ратному воинскому делу. Даже в почтенном возрасте он помнил и мог показать все строевые команды и приемы, движения с оружием и без оружия. Каждый из его внуков и других родственников, демобилизовавшийся из армии, должен был сдать Закраилу своеобразный экзамен по строевой подготовке. При этом им зычно подавались четкие команды: «Ровняйся», «Смирно», «Напра-ВО», «Кру-ГОМ», «Шагом-МАРШ» и др. Если кто-то выполнял его команду неправильно, он тут же энергично вскакивал и показывал, как нужно это делать.

Закраил был человеком безудержной отваги и смелости. Достоверно известно о таком случае из его жизни. В годы становления Советской власти Закраил возглавлял Чишкинский сельский совет – местную администрацию. По служебным делам к нему как-то приехал представитель власти Мазлак Ушаев. Закончив дела, Закраил накрыл стол с многочисленными яствами, оказывая важному гостю традиционное гостеприимство. Зная пристрастие гостя, раздобыл и поставил ему графинчик с водочкой, налил ему стопочку. Ушаев возмутился, что Закраил не налил себе и потребовал выпить с ним. Получив решительный отказ, полез за пояс доставать свой маузер, чтобы под его дулом заставить Закраила выпить с ним. Однако не успела его рука дотянуться до оружия, как он ощутил на своей груди прикосновение холодного дула пистолета глазом не моргнувшего Закраила. Произошло это молниеносно. Воцарилась мертвая тишина, которую усилием воли прервал Мазлак, представивший произошедшее как невинную шутку.

Небольшое отступление: Мазлак Ушаев в 1921 году – военком Чечни, затем уполномоченный ВЧК-ОГПУ, в 1926 году – начальник областной милиции. Наделен был Москвой огромной властью. Ушаева знали как невероятного садиста и яркого безбожника. Из рассказов его современников-очевидцев известно, что в последние свои минуты Мазлак требовал от ангела смерти оставить его в покое и при этом стрелял из маузера в потолок. Его могила с массивной мраморной плитой до 1991 года находилась в центре Грозного в сквере на берегу Сунжи. И еще недавно на востоке Чечни непослушных детей пугали его именем: «Мазлакь воглур ву хьуна...» («К тебе придет Мазлак...»).

Трогательна встреча Закраила с великим танцором Махмудом Эсамбаевым, которая показана в документальном фильме известного чеченского режиссера Илеса Татаева о большом празднике «Илли» под девизом «Искусство принадлежит народу», проходившем в селе Старые Атаги в 1980 году. Старшее поколение помнит этот замечательный фильм, который и сегодня пользуется большой популярностью в социальных сетях, на различных сайтах.

Будучи мюридом Великого Устаза Кунта-Хаджи Кишиева, Закраил, как и многие-многие чишкинцы, всю жизнь посвятил служению его истинному учению. Такие люди играют огромную роль в сохранении ценностей ислама, традиций, обычаев народа и в нравственном воспитании подрастающего поколения.

Один из таких последователей Кунта-Хаджи – Ахмадов Расу, которому в этом году исполнилось 100 лет. Не одно поколение выросло в селе, в котором вот уже на протяжении нескольких десятилетий Расу является видным религиозным и общественным деятелем (туркх).

Не могу не сказать о давно ушедшем из жизни Ислангириеве Гусе – инициаторе и вдохновителе строительства знаменитого Чишкинского

подвесного канатного моста, получившего в народе название «висячий». В первые годы возвращения из ссылки чишкинцы испытывали порой невероятные трудности, чтобы добраться до автодороги «Грозный – Шатой», которая являлась для них своеобразной дорогой жизни. Для этого приходилось спускаться в расщелину, по дну которой протекает речка Гой. Затем надо было переходить на другую сторону по небольшому деревянному пешеходному мостику и преодолевать крутой подъем, ведущий к дороге в город и к деттубсанаторию, в котором многие чишкинцы работали. Естественно, такой сложный маршрут изматывал сельчан, особенно немолодых. Случалось, во время паводков мостик через речку смывало. И тогда ходокам, чтобы добраться до места, приходилось делать существенный круг по грейдерной дороге, на которой были огромные лужи и непролазная грязь. Нужен был канатный подвесной пешеходный мост, соединяющий два склона расщелины. Надеяться на власть было бесполезно.

Необходимо было самим что-то предпринимать. Поначалу к идее возведения такого высокого моста собственными силами все сельчане отнеслись скептически. Надо было приобрести несколько сот метров стального каната, огромное количество металлических труб большого диаметра для монтажа нескольких опор, пиломатериал для дощатого настила моста и много чего другого. Требовались строительные механизмы и трудовые затраты. Законно приобрести тот или иной строительный материал тогда было невероятно сложно. Да и найти то, что нужно, было весьма проблематично. И тут за дело взялся Юса. Благодаря милости Всевышнего, моральной и материальной поддержке населения, неудержимой энергии и неподдельному энтузиазму Юсы и его умению находить контакт с людьми и обходить острые углы, мост был построен в короткие сроки. И стал называться по имени его творца – Юсин т'ай (Мост Усы). Это уникальное сооружение простояло и служило людям верой и правдой до первой чеченской войны. С города специально приезжали посмотреть и пройти по этому подвесному экзотическому мосту.

Расскажу один забавный случай, связанный с мостом. У моего отца был 60-летний друг со Старых Атагов. Звали его тоже, как и отца, Мума. Одевался он очень красиво и неизменно по-чеченски: каракулевая папаха, китель, галифе и начищенные до блеска комсоставские сапоги (пожилые люди знают, о каких сапогах идет речь). И всегда Муму сопровождал его верный друг – конь. Так вот, однажды, в очередной свой приезд к отцу, он попытался на коне проехать через этот мост, причем верхом. Когда же конь запрямылся, Мума спешился, похлопал его по шее, шепнул ему на ухо что-то свое. А потом взял коня под уздцы, и они спокойно прошли по дощатому настилу моста, качающемуся и прогибающемуся под тяжестью коня и его пешего спутника. Конечно, это было что-то из ряда вон выходящее, про этот экстремальный переход ходили легенды.

Сложно представить происходящие в селе два-три десятилетия подряд перемены к лучшему без Ханукаева Эмида. Обычный чишкинский, ничем не выделявшийся среди остальных, паренек уехал в конце 1970-х годов работать в Казахстан, в город Шевченко (ныне – Актау). В годы перестройки занялся бизнесом, в котором достиг определенных успехов. Стал крупным казахстанским бизнесменом, меценатом и спонсором. Но никогда не забывал о своей малой родине.

Трудно перечислить все благие дела, которые он совершил для своего родного села и его жителей. На его счету строительство в селе новой довольно вместительной мечети, спортивного зала, который носит его имя. Особую гордость и восхищение вызывает у чишкинцев асфальт на всех без исключения

внутрисельских дорогах, проложенный на средства Эмиди. Сколько радости это вызвало у местной ребятни, которая с нескрываемым удовольствием катается на велосипедах и роликовых коньках. А ведь раньше на улицах села была непролазная грязь, в которой в дождливую погоду застревали даже автомашины.

Еще до начала военных действий в Чечне, благодаря Ханукаеву Э., в село был проведен газопровод, а совсем недавно была закончена прокладка нового водопровода. Территория вокруг сельского кладбища обнесена добротным забором протяженностью в несколько сот метров.

Ежегодно несколько паломников едет совершить хадж по святым для мусульманской уммы местам на средства Ханукаева Э. Кроме того, им постоянно оказывается адресная финансовая помощь остро нуждающимся жителям села.

Не могу не рассказать о сыне недавно ушедшего из жизни Исламова Сайд-Хасана (Юрки) – Владимире Березине. Родился Владимир в Казахстане в 1957 году. Учился в Орловском училище культуры на факультете режиссуры, а позже – на факультете журналистики Уральского госуниверситета.

Уже к 1980 году Березин возглавил дикторский отдел на телевидении Свердловска, оставаясь на этом месте в течение 10 лет. Кстати, произошло это почти случайно – еще на местном телевидении Березина заметил Борис Ельцин, который и пригласил его к себе в Свердловск. А уже там на него обратило внимание руководство Останкино, и Владимир оказался в Москве.

К 1990-му он уже работал на Центральном телевидении. Среди проектов с участием Березина – передача «Доброе утро», а также выпуски детской передачи «Спокойной ночи, малыши», многочисленные торжества и концерты.

После драматических событий в 1991 году Березин оказался ведущим программы «Время». Впоследствии Березин перешел на канал ВГТРК, на котором позднее работал в должности главного диктора канала.

Так случилось, что Владимир рос без отца. Он долго не знал даже его имени. Знал только, что он по национальности чеченец. Он очень долго искал его и нашел-таки в свои тридцать пять лет! Вот как он рассказывает сам об этой удивительной истории: «Я родился, когда мама с отцом уже расстались. Это была очень большая и светлая любовь. Она – молодая девушка из уральской глубинки, геолог, приехала в Казахстан после института, где в то время находились депортированные чеченцы, познакомилась с моим отцом, и они полюбили друг друга. Хотели пожениться, но перед свадьбой мама узнала, что у отца уже есть жена Зоя. Отец спросил: «Станешь мусульманкой, будешь второй женой?» Мама отказалась и скрылась. Там была целая детективная история. Своего начальника она попросила сказать, что погибла в экспедиции, если ее будут искать. Рожать поехала домой, потом быстро переехала к своей тетке в другую деревню, там скрывалась, потому что знала: отец с братом будут ее искать, ведь для чеченца позор, когда его ребенка растит одна мать.

Когда я рассказал эту историю своему великому учителю и в профессии, и в жизни Махмуду Эсамбаеву, он сказал, что об этом надо рассказать на местном телевидении и показать фотографию отца. К тому моменту я уже узнал от тетки его имя – Юрий Исламов. Меня повезли на телевидение, ради меня прервали выпуск программы, обратились к зрителям на чеченском языке, показали снимок, и на следующее утро ко мне в дверь гостиничного номера постучали. Когда я спросил, кто там, мне сказали, что пришли братья. Как выяснилось потом – и вот снова какая удивительная случайность! – когда показывали фотографию отца, он шел выключать телевизор и за пять секунд до этого увидел себя на экране! Если бы ее не показали, моя судьба пошла бы в

другом русле. Через пару дней я приехал на встречу с отцом. Я сел на скамейку, напротив – мои братья, отец – все не знают, с чего начать. И тут подошла Зоя, та самая первая жена отца, села рядом, взяла за руку и стала гладить по ней, приговаривая: «Сыночек мой, наконец-то ты до нас добрался, сын мой». Она меня приняла! После этого лед, конечно, растаял. Меня нарекли исконно чеченским именем Ваха. И я уже не чувствую себя, как прежде, одиноким и неуверенным».

Когда Махмуд Эсамбаев праздновал в Чечне свой юбилей, во время торжества он взял Владимира за руку, подвел его к отцу и сказал: «Запомни! Бог дает испытания только тем, кого любит. Если достойно проходишь свой путь, Он дает тебе за это награду».

Сегодня народный артист России, заслуженный деятель искусств Владимир Березин – ведущий концертных и официальных мероприятий в Кремле, а также множества фестивалей, концертов и шоу. Примечательно, что Владимир – бывший протеже Махмуда Эсамбаева – с охотой взял шефство над специальным корреспондентом, ведущим программы «Новости» ЧГТРК «Грозный» Сайханом Цинцаевым, который тоже является выходцем из села Чишки.

В интервью от 17.10.2011 ИА «Грозный-Информ» (www.grozny-inform.ru) под заголовком: «Горжусь, что я вайнах...» на вопрос корреспондента: «А как называется Ваше родовое село?» – Березин ответил: «Мы из села Чишки. Мой отец чеченец из Чишка. Из самого красивого места в Чеченской Республике...».

Расскажем вкратце и о других нескольких видных и известных чишкинцах, которые являются ориентиром для молодого поколения.

Вазаев 1аднан в советские времена был знатным механизатором совхоза «Атагинский». Его портрет не сходил с районных и республиканских Досок Почета. А его имя было на слуху и на радио, и на телевидении. Имеет множество орденов и медалей и других правительственных наград. В 1991 году был представлен к званию Героя Социалистического Труда, и только развал Советского Союза помешал ему получить это звание и Золотую Звезду.

Цинцаев Мовлди – в 1995-1996 годах член Правительства Чеченской Республики в ранге заместителя вице-преьера, курировавшего инвестиционные программы. До этого многие годы работал гл. бухгалтером в крупных строительных объединениях республики.

Яхъяев Хас-Мохьмад был начальником РОВД в Октябрьском районе г. Грозного, Советском (Шатоевском) и Надтеречном районах ЧИАССР. Занимал также руководящие посты в налоговых органах республики. Имеет звание полковника. Награжден правительственными наградами.

Гумаков Руслан – первый чеченский профессиональный каратист, тренер-инвалид и волонтер, обладатель 6-го дана Киокушинкай карате. В начале 2000-х годов уехал во Францию, где и проживает в настоящее время.

Самбиев Али – полковник, действующий сотрудник Управления Федеральной миграционной службы по Чеченской Республике.

Цинцаев Мурад – полковник, действующий сотрудник Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ по ЧР.

Подрастающему поколению чишкинцев есть кем гордиться и на кого равняться.

Наше интервью**«Архивы – задокументированная
память народа...»**

Архивное управление Чеченской Республики, как и многие учреждения, понесло в ходе двух антитеррористических кампаний невосполнимые потери. Архивные документы, самые ранние из которых датировались серединой XVIII века, утеряны на 90%. Распался прежний коллектив советского периода: все русскоязычные сотрудники аппарата Архивного учреждения покинули Чеченскую Республику, спасая жизни своих семей.

Сегодня Архивное управление Правительства Чеченской Республики ведет активную работу по восстановлению утерянных документов, по сбору новых, по переводу документов на современные цифровые носители. За послевоенный период сложился новый коллектив, который разместился в комфортабельном здании. Недавно коллектив Архивного управления Правительства Чеченской Республики понес еще одну тяжелую утрату: не стало их бессменного руководителя, талантливого ученого-историка, правозащитника Магомеда Нурдиновича Музаева (Дала гечдойла цунна).

Мы попросили рассказать о злоключениях Архива, о прошлой и современной работе учреждения главного специалиста-эксперта Архивного управления Правительства Чеченской Республики Вахита Бибулатова.

Вахит Бибулатов родился в 1956 году, в депортации, вырос и учился в селе Новые Атаги Шалинского района. В Архивном управлении работает более 20 лет. Занимается историко-архивной исследовательской работой, печатается в республиканской периодической печати, автор документальной книги «Рыцарь чести», приуроченной к 100-летию гибели Зелимхана Харачоевского, и ряда историко-краеведческих статей.

– Вахит, ознакомьте читателя вкратце с историей вашего учреждения: когда зародилось архивное дело в Чечне, как называлось первое учреждение и т.д.

– 9 октября 2014 года исполнилось 90 лет Архивному управлению Правительства Чеченской Республики. Зарождением и началом архивной службы в республике считается декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1-го июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», положивший начало созданию Единого государственного Архивного фонда. За годы Советской власти и постсоветское время оно сменило 16 названий, начиная от «Грозненского окружного бюро» (9 октября 1924 года) и кончая ныне действующим «Архивное управление Правительства Чеченской Республики» (Постановление Правительства ЧР № 14 от 31.03.2001 г.). Названия архивного учреждения республики менялись с периодичностью, примерно, от трех до пяти лет. Последнее название перед развалом Советского Союза – «Архивное Управление при Совете Министров ЧИАССР» – просуществовало с 1980 по 1992 гг.

– Сколько лет было наиболее старым документам из пропавших архивов? Каков урон, нанесенный войнами «документированной памяти народа»?

– В Госархиве Чечено-Ингушской АССР были накоплены документы по истории края, первые из которых датировались началом XVII века. Хронологическими границами документов, хранящихся в Архивном управлении Чеченской Республики, являются даты с 1605 по 1916 и с 1917 по 2014 годы. На 1 декабря 1994 года в Национальном архиве Чеченской Республики находилось на хранении более 1500 фондов (663 264 дела). Из всего этого

безвозвратно утрачено 573 138 дел, т.е. утеряно около 90% документальных материалов, которые были частью историко-культурного наследия народа и основной документальной базой для разработки и освещения истории народов Чеченской Республики.

В дни выселения, в конце февраля 1944-го года, на площадь Ленина в Грозном свозились все изъятые со всех аулов Чечни и Ингушетии письменные, рукописные свидетельства исторических событий, фольклорные собрания, предания о происхождении и древней истории нашего края, жайны наших великих подвижников, ученых-авлия. Очевидцы рассказывают, что зарево костров, на которых жгли эти бесценные фолианты, собранные со всех уголков вайнахского края, было видно в близлежащих аулах вокруг Грозного. Это была история вайнахов за несколько веков, записанная на чеченском языке на основе арабской графики. Часть рукописей была растащена по соседним республикам, которых миновала сталинская кара. Что-то из того, что удалось спасти, осело в Дагестане, Осетии, Грузии и других регионах.

В феврале 1944-го были уничтожены документы, накопленные, собранные народом, в основном, учеными-богословами, т.е. «частными лицами», как сказали бы сегодня. Это было сожжено как националистическое, враждебное Советской власти явление. Но оставалась официальная, государственная документация: бесчисленные протоколы различных заседаний, постановления, указы и т.д. Теперь безвозвратно утеряно и это.

– Вахит, расскажите о каком-нибудь конкретном случае времен последних военных событий в нашей республике, касающемся спасения архивных документов. Ведь тогда главное было спасти жизнь своих близких и свою собственную. Архивные документы – это же, наверное, штабеля бумаг, и спасение их во время войны – дело героическое.

– После первой войны 1994-95 гг. от архивных документов осталась незначительная часть. И этот остаток был спасен благодаря тому, что документы хранились в подвале дома, где жила сотрудница Архивного управления Юлия Уварова, по Карагандинской улице, которая попросила федералов засыпать вход в тот подвал. Подвальное помещение было достаточно сухим, что устраивало нас для временного хранения оставшихся документов. Там они хранились до начала второй антитеррористической кампании. Учитывая печальный опыт первой военной кампании, решено было вывезти архив в село Новые Атаги Шалинского района. Решение было принято руководителем Управления государственных архивов Далханом Хожаевым. Когда начали завозить на грузовиках документы, новоатагинцы, заподозрив неладное, перекрыли дорогу. Их можно было понять: все мирные жители старались сохранить свои села от проникновения боевиков, за которыми следовали бомбежки. Но, проверив груз, сельчане разрешили заехать транспорту в село. А глава администрации выделил помещение для размещения архивных документов.

– Какова была дальнейшая судьба и маршруты спасаемых документов? Чувствуется, что все происходило как в детективном жанре.

– По курьезному совпадению, когда начались боевые действия и федеральные войска вошли в село Новые Атаги, военная комендатура расположилась именно в том доме, где мы разгрузили и хранили наши архивные документы. Но самая невероятная новость заключалась в том, что служащие комендатуры отапливали свои печки-буржуйки нашими архивными документами, которые мы возили, спасая по всем фронтовым дорогам. Надо было спасти архив. Эта обязанность по долгу службы лежала на мне. Но оказалось, что за документы болели и другие, казался бы, посторонние люди. Директор совхоза «Предгорный» Абдул-Хамид Бегитов, жители Новых Атагов Анзор Арсамерзаев, Идарза Шаипов и еще несколько человек моих односельчан, фамилии которых я

запомнил, оказали неоценимую помощь в спасении документов. Абдул-Хамид выделил машину. После долгих объяснений и переговоров комендант дал «добро». Затем возникла новая проблема – куда поместить документы. У меня дома не было места для такого количества документов. Выручил Идарза Шаипов, предоставив большой навес во дворе своего дома.

Российские спецслужбы, внезапно нагрянув во двор Шаипова, увезли весь архив на двух военных «Камазах» сначала в Шали, потом в Моздок. В конце концов следы чеченского архива обнаружились в г. Самаре. Со временем мы вернули вывезенные документы в республику, хотя и не досчитались половины – увезли на двух «Камазах», а привезли на одном.

– Вахит, какие мероприятия ваш коллектив проводит к различным юбилейным датам, знаменательным для республики и общества событиям? Взаимодействуете ли вы с властными структурами, культурно-развлекательными и другими заведениями? Какую помощь они вам оказывают в вашей работе?

– Расскажу о наиболее знаменательной дате, к которой коллектив Архивного управления готовился долго и основательно – это столетний юбилей знаменитой Кавказской Туземной конной дивизии. 9 июля 2014 года в Национальной библиотеке им. Абузара Айдамирова открылась выставка архивных материалов и документов, подготовленная Архивным управлением Правительства Чеченской Республики.

Открытие выставки прошло в торжественной обстановке. На церемонии присутствовали председатель Парламента Чеченской Республики Д.Б. Абдурахманов, вице-премьер Правительства Чеченской Республики А.А. Магоматов, министр культуры Чеченской Республики Х.-Б.Б. Даев, начальник Архивного управления Правительства Чеченской Республики М.Н. Музаев, первый зам. начальника Архивного управления Правительства ЧР Л.Д. Инуркаева, представители научной и творческой интеллигенции республики, потомки всадников Чеченского конного полка Кавказской Туземной дивизии.

К большому прискорбию, двоих из вышеупомянутых больших деятелей чеченской государственности после этих мероприятий не стало: скончался после продолжительной болезни спикер парламента, ученый-историк Дукуваха Абдурахманов и внезапно покинул нас многолетний руководитель Архивного управления Правительства Чеченской Республики, ученый, кандидат исторических наук Магомед Музаев (Дала гечдойла царна). Дело отца успешно продолжает сегодня Тимур Музаев.

– Вашему коллективу, наверное, пришлось немало потрудиться, готовя эту выставку. На ней было много бесценных исторических экспонатов. Расскажите немного о них.

– Начиная с 2000 года, Архивное управление Правительства Чеченской Республики ведет работу по выявлению и копированию документов по истории чеченского народа. Одним из результатов этой кропотливой работы является уникальная выставка, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны и созданию Кавказской Туземной конной дивизии. Автор идеи и создатель экспозиции Тимур Музаев и главный специалист-эксперт Архивного управления и народный художник Чеченской Республики Харон Исаев сумели воссоздать историческую картину событий 1914 – 17-х годов. В подготовке выставки принимали участие начальники отделов АУП ЧР М. Ченчиева и Р. Незиров и специалисты Архивного управления С. Садаев, Б. Идрисов, Х. Хабиляева, С. Дениева. Также значительный вклад в создание экспозиции внесла Зарема Мусаева, которая с 2000 года занималась сбором информации о всадниках Чеченского конного полка.

На выставке были представлены документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива кинофото-документов, фотографии из личных архивов потомков всадников Чеченского конного полка, а также материалы из Литературно-мемориального музея имени Арби Мамакаева, предоставленные директором этого музея, сыном поэта Эдуардом Мамакаевым.

Настоящим украшением экспозиции стали боевые ордена и медали (подлинники и копии) Российской Империи периода Первой мировой войны из личной коллекции Тимура Музаева. Особое место занимала подлинная сабля А.М. Чермоева из фондов Национального музея Чеченской Республики. Экспозиция стала радостным событием не только для потомков всадников Чеченского полка, но и для передовой общественности республики, о чем свидетельствуют записи в книге отзывов посетителей выставки.

– Настоящим документальным бестселлером можно назвать труд вашего коллектива под названием «Камеральные списки Аргунского округа». Этот сборник документов всколыхнул сознание многих чеченцев, ставших забывать в материальной суете настоящего времени свои корни, имена своих предков. Ведь еще в недалеком прошлом для настоящего чеченца было постыдным не знать имена своих предков до седьмого колена. Я видел эту книгу, ходящую по рукам людей разных возрастов – такова тяга вайнахов к своим корням. Планируете ли вы продолжить работу в этом направлении?

– Сборник «Камеральные списки Аргунского округа» – это первый послевоенный объемный труд коллектива Архивного управления. В этой книге представлены списки населенных пунктов и населения горной Чечни по Аргунскому ущелью, самых труднодоступных мест недавно покоренной Чечни, собранные в мае 1867 года. Они представляют интерес не только для исследователей-краеведов, но и для широкого круга читателей, интересующихся генеалогией своего рода, происхождением фамилии, историей своего края. Какая пестрота и богатство имен, названий аулов и хуторов в этих сухих и кратких строках чиновничьей переписи!

Мы выпустили еще один сборник подобного типа с несколько иным названием: «Посемейные списки жителей Грозненского округа 1886 года» под редакцией Л.Д. Инуркаевой и «Посемейные списки жителей Ичкеринского округа 1886 года».

В последние послевоенные годы с использованием документов Архивного управления выполнена объемная издательско-полиграфическая работа: выпущено более двадцати наименований документально-публицистических сборников. Среди них наиболее значительными для общественности и культурной жизни республики, на мой взгляд, являются издание сборника документально-художественных статей «Слово о полку Чечено-Ингушском» Х. Ошаева, выпущенного в издательском центре «Эль-Фа» г. Нальчика в 2004 году, книга «Память. 1941 – 1945» (том 1 и 2), «Достоинство гордых. Моя жизнь среди чеченцев и ингушей». В. Русина, «Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953 – 1962 гг.)», художественный альбом «Живопись» народного художника ЧР Харона Исаева и много других документальных работ.

Также мы выпускаем историко-документальный бюллетень «Архивный вестник», в котором публикуем новые документы, по мере поступления их к нам. Восстают из безвестности новые имена, например, генерал Владимир Чермоев, герой Первой мировой войны – это из цикла публикаций, посвященных героям, выходцам из Чечни.

– По-моему, вы одна из самых востребованных организаций в республике. Факты, как говорится, вещь упрямая и документы тоже – вещи серьезные. Только опираясь на них, можно о чем-то спорить и убедить.

Вы сам – активный публицист, в последние годы у Вас вышло несколько документальных статей и книга «Рыцарь чести». Как Вы начали писать, что Вас побудило заняться документальной публицистикой?

– Я не профессиональный архивист, у меня было среднее специальное техническое образование, в архив пришел работать перед самой первой войной. Позже, чтобы стать более профессиональным, хотя бы по образованию, я поступил на заочное отделение исторического факультета ЧГУ, который я заканчиваю. С началом активной работы архивной службы после военных событий в республике мне приходилось помогать сослуживцам в работе с поступающими и другими документами – разбирать их, сортировать и т.д. Это была механическая, рутинная работа: подшивка, по мере возможности – отцифровка и т.д. Стал невольно задерживаться на некоторых, читать, увлекаться. Так я стал с 2007 года активно публиковаться в периодической печати, издаваться...

– Я знаю, что ваш коллектив в основном женский. Расскажите о них, об их работе. Видимо, большие нагрузки выпадали на них в период послевоенного восстановления архивной службы. Все помнят те времена, когда массы людей обращались в ваше учреждение, чтобы получить справки о репрессировании в период с 1944 по 57 годы.

– Да, к нам за последние несколько лет обратилось более 20-ти тысяч репрессированных и их потомков. Люди надеялись получить эти небольшие денежные компенсации за отнятое в 1944-ом году. Почти все запросы были удовлетворены. И наш женский коллектив работал не покладая рук.

Есть люди, на которых, как говорится, держится коллектив. Это, в основном, преданные своему делу профессионалы, не один десяток лет проработавшие в архиве, для которых личная и профессиональная жизнь слились в одно дело, стали призванием, судьбой.

Хочется особо сказать о Лейле Инуркаевой, отдавшей любимому делу 45 лет. Заслуженный работник культуры ЧР, заместитель начальника Архивного управления, она закончила Московский историко-архивный институт и стала первой из чеченок, получившей профессиональное образование в этой области. Также она помогла многим получить это профильное образование. Лейла все время в разъездах. Заключает договоры на копирование архивных документов, касающихся истории нашего края, в Москве, Ростове, Владикавказе, на приобретение спецаппаратуры по переводу документов на цифровые носители, налаживает контакты с типографиями, возвращает из Самары наши архивные документы – это неполный перечень ее плодотворной деятельности.

Зарема Мусаева – заслуженный работник культуры ЧИАССР. Она имеет большой профессиональный и жизненный опыт, который передает студентам-практикантам. Помогает в постановке делопроизводства в учреждениях и организациях республики почетными званиями, медалями, грамотами и т.д.

Подготовка молодых профессиональных кадров – одна из важных задач. В последние годы свой профессиональный уровень повысили в научных учреждениях и вузах Москвы и Ростова свыше двадцати сотрудников Управления. Идет к нам на работу и молодежь, несмотря на невысокие по нынешним меркам зарплаты. Из их числа – Хава Бибулатова, Петимат Ирисханова, Элина Эльмурзаева, Марха Саидова и другие.

– Вахит, желаю всему вашему коллективу больших творческих успехов! Спасибо за беседу и до новых встреч!

Беседу провел Иса ОКАРОВ

Книжные новинки**Под тенью чинары**

Клуб писателей Кавказа выпустил сборник, составленный из произведений членов этого Клуба. Составитель сборника – балкарский поэт Салих Гуртуев, председатель Клуба писателей Кавказа. В предисловии к сборнику он пишет: «Клуб, произведения членов которого включены в эту антологию, был создан 7 лет назад по инициативе народного писателя ЧР М. Ахмадова, поддержанной писателями других регионов Северо-Кавказского федерального округа. Что же беспокоит северокавказских писателей сегодня? А беспокоит их прежде всего разобщенность некогда братских, очень близких по культуре, обычаям и традициям, вере, народам Кавказа... Писатели, объединившиеся в клуб, ставят перед собой задачу наполнить новым содержанием некогда скреплявший дружбу между народами Советского Союза лозунг «Дружба писателей – дружба литератур – дружба народов!» Члены клуба активно переводят на свои языки произведения своих собратьев по перу, печатают их в периодике... Устраивают писательские встречи...»

В сборнике представлены поэтические, прозаические и литературно-лингвистические произведения ведущих писателей Адыгеи, Азербайджана, Армении, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского края, Осетии, Чеченской Республики.

Саламбек Айдамиров

К нашим иллюстрациям**Ожившая история на полотнах художника**

Аслан Бугаев родился в городе Грозном. С отличием окончил Владикавказскую детскую художественную школу им. Тавасиева. Затем поступил в Северо-Осетинский государственный университет на художественно-графическое отделение. С первого курса принимал участие в выставках, которые проходили во Владикавказе. В 2009 году окончил университет. Сейчас продолжает обучение в Санкт-Петербургском академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в монументальной мастерской под руководством А.К. Быстрова. Основным направлением его работ является история родного края, традиции и культура. Аслана интересуют как далекие, так и близкие страницы истории своего народа: нашествие чингизидов, «черный февраль» 1944... Он точен в деталях, тщательно вырисовывает портреты и костюмы своих героев, цветовая гамма также направлена на создание

колорита изображенного на полотне исторического времени.

Работы А. Бугаева находятся во всех центральных музеях г. Грозного.

Аслан Бугаев активно участвует в региональных и международных выставках. Несмотря на молодой возраст, в его биографии их довольно много, причем география этих выставок самая широкая: Грозный, Москва, Владикавказ, Париж... И каждый раз, наблюдая его картины, помимо эстетического наслаждения, любители живописи откроют для себя страницы чеченской истории, задумаются над прошлым и будущим нашего народа.

Представляем читателям журнала следующие работы художника: стр.1 – «Захало»; стр. 2 – «Примирение кровников»; стр. 3 – «Депортация»; стр. 4 – «Нашествие Чингисхана».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Ваха Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам.редактора в газете «Кавказский дом» (1995 – 1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда». Номинирован на соискание премий «Поэт года – 2015» (стихи.ру), «Русь моя – 2016» (стихи.ру), «Наследие – 2016» (стихи.ру), «Писатель года – 2015» (проза.ру), «Наследие – 2016» (проза.ру).

Лейла Кусаева (1985). Родилась в г. Гудермесе. В 2008 г. окончила факультет химии и технологии биологической активных соединений Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова. В настоящее время является специалистом по кадрам и охране труда в строительной организации ООО фирма «Ямад»; участник VI семинара молодых писателей республик Северного Кавказа.

Салих Гуртуев – поэт, переводчик. Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии. Родился в 1938 году в с. Белая Речка под Нальчиком. Окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского университета. Автор более 20 книг поэзии и литературных эссе. Заметным вкладом в развитие балкарской литературы явились сборники стихов на родном языке: «Кручи», «Примите в гости», «Чаша бытия», «Нежность души», «Четыре яблони», «Полдень», «Пройденный путь», «Высокие тени», «Свет звезд», «Вехи века», «Кайсын, каким его знал я» и другие. Он автор переводов на балкарский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Есенина, Маяковского, Тихонова, Айтматова, Евтушенко, Рубцова, польских, сербских, турецких, венгерских поэтов и прозаиков. Он также осуществил перевод на балкарский язык всемирно известной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а также составил и издал в собственных переводах Антологию кабардинской поэзии. Стихи Салиха Гуртуева переведены на польский, сербский, турецкий, венгерский, киргизский, туркменский, грузинский языки. На русском языке в Москве и Нальчике издано шесть сборников. Живет в Нальчике.

Хамзат Алиев (1956). Родился в городе Караганда Казахской ССР. В 1974 году окончил Аллероевскую среднюю школу (Курчалоевский район ЧИАССР). Окончил Карагандинский государственный медицинский институт в 1980 году. С 1981 работал в Ножай-юртовской ЦРБ, затем с 1984 года по 2004 год – в Аргунской горбольнице №1 травматологом. С 2004 года по настоящее время работает заведующим травматологическим отделением Гудермесской ЦРБ. Заслуженный врач Чеченской Республики. В 2012 году вышла книга «Хилларш, хезнарш, хазделларш» – короткий чеченский юмор.

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году, сборника стихов «Тайна звуков» (Ташкент, 1991 г.).

Мохмад-Салах Селяхов (1961). Окончил в 1987 году ЧИГУ (филологический факультет). Публиковался в журналах «Нана», «Дош», «Дон», в газете «Вести республики». Пишет стихи и статьи историко-культурологического характера. На данный момент работает в Аргунском историко-архитектурном и природном музее-заповеднике в должности заведующего отделом использования и популяризации.

25 апрель Нохчийн Республикн куьйгалхочун Кадыров Рамзанан Указаца нохчийн меттан Де ду аьлла билгалдаьккхина вайн махкахь. Цунна лерина «Вайнах» журналан редакцис конкурс кхайкхайо 35 шо кхачаза болчу кегийрхошна юкьахь. Говзар нохчийн маттахь язйина хила еза. Толамхойн говзарш журналан аг1онаш т1е зорбане йохур ю, церан авторшна гонорарашца совг1ат а дийра ду. Толамхой шина номинацехь билгалбохур бу:

- 1. Проза (1 – 3 меттигаш);**
- 2. Поэзи (1 – 3 меттигаш).**